ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Правда», МОСКВА

№ 21 МАЙ 1988

РУССКИЙ ИМПРЕССИОНИЗМ

РАССКАЗ ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА

СУДЬБА АКТЕРА

НА СВИДАНИЕ С «БЕРЕЗКОЙ»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 21 (3174)

21—28 МАЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор
В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:
Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
В. В. ГЛОТОВ
(ответственный секретарь),
Л. Н. ГУЩИН
(первый заместитель главного редактора),
Н. А. ЗЛОБИН,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
А. Б. СТУКОВ,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,
В. Б. ЧЕРНОВ,
В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Вальс «Березка». (См. в номере материал «Знакомая и незнакомая «Березка».)
Фото Валерия ГЕНДЕ-РОТЕ.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 28.04.88. Подписано к печати 17.05.88. А 00343. Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 780 000 экз. Заказ № 2350.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

МЫ БУДЕМ ПОМНИТЬ

Погиб Саша Секретарев, фотокорреспондент «Известий». Погиб в Афганистане, находясь в командировке. Он снимал фоторепортаж о подготовке вывода советских войск с афганской земли. Как это тяжело, обидно страшно!.. Война унесла еще одну жизнь. Человека доброго, удивительно искреннего, честного.

До «Известий» Саша Секретарев работал в «Комсомольской правде». Вместе с ним мы не раз ездили на задания, делали репортажи для газеты. Меня всегда поражало его умение буквально за несколько секунд устанавливать незримый, почти подсознательный контакт со своим героем. Будь то министр или маленькая девоч-

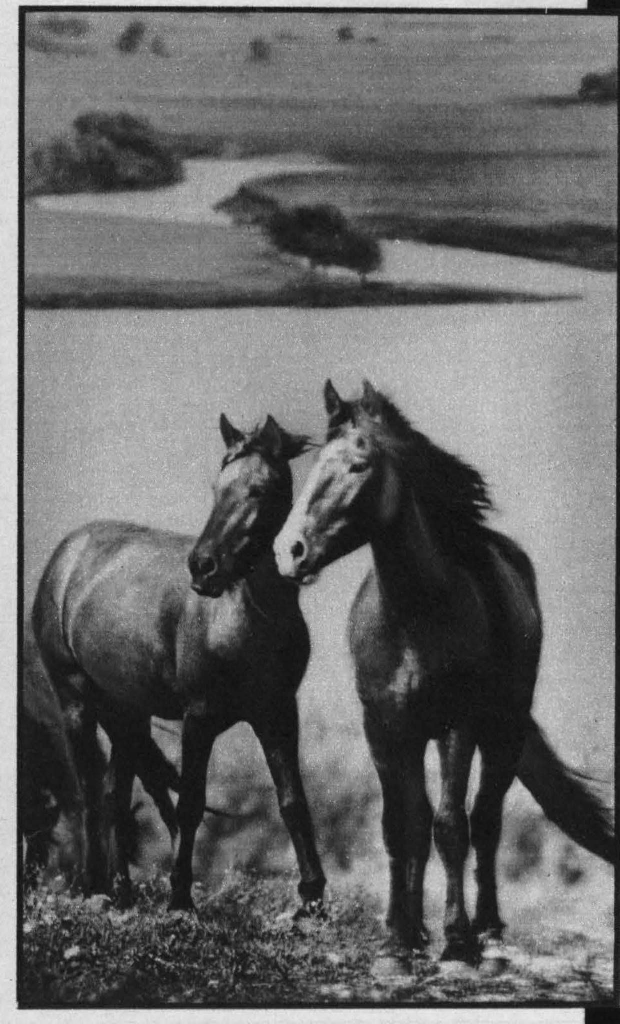

ка. Его герои смотрят в камеру доверчиво, с надеждой, что ли... Однажды мы с ним работали в школе, и уже в конце перемены на нем висели гроздьями малыши, на него томно глядели обычно суровые учительницы, а трудные подростки готовы были повести его на свой секретный чердак, о котором взрослые и не подозревали.

В нем не было ничего пижонско-фотокоровского, он всегда, когда работал, был спокоен, несуетлив, от него исходили уверенность и основательность.

Он любил снимать детей. А они обожали его. Дети моментально чувствуют фальшь и так же чувствуют доброту и искренность. Они тянулись к нему, дергали, мешали, а он только улыбался сам себе в усы... А больше всех на свете его любили Иван и Никита, два его сына, старший и младший, и его жена Оля, удивительно мягкий, терпеливый, нежный, спокойный человек, такой только и может быть жена настоящего фотокорреспондента, который мотается из командировки в командировку, прилетает, улетает, уезжает, уплывает, и так всю жизнь.

Жизнь Саши оказалась совсем короткой. Ему не исполнилось и тридцати.

Мы будем помнить его — те, кто знал Сашу. И кто не знал, а только видел на страницах журналов и газет его снимки — умные, талантливые, добрые...

Валентин ЮМАШЕВ

Случаи попрания законности, произвола и нарушений прав граждан МВД СССР рассматривает как чрезвычайные происшествия, поэтому по статье «404 дня» («Огонек» № 51, 1987) сразу после ее опубликования проведено необходимое разбирательство. Автор справедливо указывает, что оснований для доставления в служебной машине Леоновой из Москвы в г. Горький не было и задержание ее произведено без надлежащего по закону процессуального оформления. Содержание Леоновой свыше трех суток в ИВС также являлось неправомерным. При наличии санкции на арест ее требовалось перевести в следственный изолятор. Эти грубые нарушения законности свидетельствуют, что контроль за объективностью расследования дела и обоснованностью действий работников органов в нужной мере не осуществлялся. Что касается антисанитарного состояния ИВС, а также «раздевания догола», о чем писала Леонова, то эта информация недостоверна. Пол в камерах также не цементный, а деревянный, и задержанной выдавался матрац.

За отмеченные нарушения процессуального законодательства и бесконтрольность начальнику следственного управления УВД Горьковского облисполкома т. Кожевникову А. К. объявлен выговор, его заместитель т. Комаров В. И. предупрежден о неполном служебном соответствии, начальнику ИВС т. Оленеву Л. Н. (за необоснованное содержание в изоляторе Леоновой и других свыше трех суток) объявлен строгий выговор. Следователь Киреев А. А., непосредственно виновный в нарушениях законности, не привлечен к дисциплинарной ответственности, так как в декабре 1986 г. по болезни уволен из органов внутренних дел.

Приведенные в статье обстоятельства, а также прекращение дела за отсутствием состава преступления после столь длительного обвинения Леоновой и содержания ее под стражей требовали более глубокой проверки. В связи с чем Прокуратура СССР возбудила уголовное дело, о чем сообщила в редакцию. МВД СССР не информировало о принятых мерах и лицах, наказанных за нарушения законности, так как окончательное решение в данном случае зависит от результатов расследования. При этом учитывало, что за органами внутренних дел арестованная значилась 10 дней, остальное время за прокуратурой и судом.

Вы просите сообщить (для ответа многочисленным читателям), какие МВД СССР принимаются меры по реализации ноябрьского (1986 г.) постановления ЦК КПСС «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан». Признательны за такую постановку вопроса, так как многие популярные издания за последнее время делают акцент лишь на освещении негативных фактов, оставляя за строкой меры, принимаемые к их искоренению.

Ноябрьское (1986 г.) постановление ЦК КПСС, как известно, требует строжайшего соблюдения законности в деятельности самих органов внутренних дел и в то же время усиления охраны прав и законных интересов граждан от преступных посягательств. Для укрепления правопорядка в стране осуществляется комплекс социальных, экономических и правовых мер. Вследствие этого в динамике преступлений наметились позитивные тенденции, но некоторые виды правонарушений еще растут, много их совершается на улицах и других общественных местах, где несут службу наряды милиции. Велик остаток нераскрытых преступлений. Мер принимается немало, но дело, откровенно скажем, продвигается не так, как требуется.

Если я правильно понял, редакцию журнала в большей мере интересует, что сделано МВД СССР, его коллегией и на местах для искоренения произвола и беззакония, других недозволенных действий в органах внутренних дел. Изложу по поручению не мероприятия (их много), а что решено и влияет на укрепление законности или внедряется и, по нашему мнению, даст позитивные результаты.

Демократия и гласность в системе МВД в виде отчетов перед населением, выступлений на предприятиях и в учреждениях, пресс-конференций и брифингов с представителями прессы, вопросов и ответов трудящимся по прямому проводу стали повседневной практикой. Руководители и сотрудники многих органов при таких общениях с населением и прессой оказываются в сфере критики и выясняют свои недостатки. Это новая форма контроля за их деятельностью со стороны широкой общественности. Обсуждение вопросов укрепления законности на коллегиях, начиная с МВД СССР, образование в центральном аппарате и МВД, УВД соответствующих комиссий по обеспечению социалистической законности, установление порядка предоставления внеочередной информации о неосновательных задержаниях, неправомерных обысках, необоснованном привлечении граждан к уголовной ответственности и жесткий спрос за это позволили в большинстве органов создать обстановку взыскательности, оценки таких нарушений как чрезвычайные происшествия. Способствует этому и регулярная отчетность коммунистов, реагирование на нарушения законности политаппаратов и партийных организаций органов внутренних дел, введение в дежурных частях книг жалоб и предложений.

Приведение ведомственных актов в соответствие с требованиями сегодняшнего дня и отмена (более тысячи) устаревших инструкций и приказов, разработанных во времена приглушенной гласности, также должны положительно сказаться на укреплении законности в правоприменительной деятельности. Упорядочение регистрации преступлений, обязательное подтверждение прокурором обоснованности принятого решения перекрывает многие лазейки к укрытию криминальных деяний, искажению отчетности. Установление конструктивно нового подхода к определению раскрытого преступления не по акту предъявления следователем обвинения, а по утвержденному прокурором обвинительному заключению устраняет почву для принятия необоснованных, нередко бездоказательных решений о привлечении граждан к уголовной ответственности.

Коллегией МВД СССР одобрена вновь разработанная система ведомственного контроля за соблюдением законности, рассчитанная на упреждение неправомерных действий и уведомление о принятых мерах тех лиц, права которых были нарушены; определены пути укрепления кадров, прежде всего выполняющих процессуальные функции и наделенных административными правами, создания подготовленного резерва на замещение вакантных должностей; решены многие вопросы по совершенствованию процесса обучения в высших и средних специальных учебных заведениях министерства. В Академии МВД СССР образована научная лаборатория по исследованию проблем управления, работы с кадрами и изучения общественного мнения.

Министерство проводит широкий эксперимент, в соответствии с которым следственные подразделения в союзных республиках и ряде регионов РСФСР выделены из состава и подчинения органов внутренних дел районного, городского, областного и краевого звена. В процессе его решаются структурно-штатные, организационные, учебно-методические и другие вопросы, гарантируется независимое функционирование следователей, их процессуальная самостоятельность и объективность следствия.

Коллегия МВД СССР контролирует выполнение ноябрьского (1986 г.) постановления ЦК КПСС. Недавно заслушаны отчеты МВД Украинской ССР и Удмуртской АССР. Оценка дана неудовлетворительная, отдельные руководители наказаны. Взятый курс на искоренение произвола, вседозволенности, обвинительного уклона и других отступлений от закона в деятельности органов и прежде всего причин, их порождающих, необратим. Это одно из магистральных направлений перестройки, укрепления правопорядка, усиления охраны прав и законных интересов граждан. И публикации по таким вопросам, если они достоверны (главный принцип гласности), побуждают к поиску неординарных решений.

Б. ЗАБОТИН,
заместитель министра внутренних дел СССР.

КОММЕНТАРИЙ ОТДЕЛА МОРАЛИ И ПИСЕМ

Во времена не «приглушенной», а истинной гласности мы полагаем, что читатель, ознакомившись с документом, подписанным Б. Заботиным, в состоянии сам оценить усилия МВД СССР, направленные на «поиск неординарных решений».

Хотелось бы только добавить: в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан» отмечается, что «каждый случай нарушения законности, кем бы он ни допускался, должен получать принципиальную острую оценку, подвергаться суровому осуждению, а лица, виновные в этом, по всей строгости наказываться».

В связи с этим обращаем внимание на то обстоятельство, что в ответе не дается оценка роли в «деле Леоновой Л. И.» бывшего начальника УВД Горьковского облисполкома В. К. Панкина (в 1987 году переведен в г. Москву на должность начальника Главного управления уголовного розыска МВД СССР), бывшего начальника УБХСС УВД Горьковского облисполкома П. И. Сибирева (в 1987 году переведен на должность зам. начальника кафедры Высшей школы МВД СССР), старшего оперуполномоченного УБХСС УВД Горьковского облисполкома С. С. Харламова, старшего оперуполномоченного ГУ БХСС МВД СССР А. Г. Горелова (продолжающих работать на прежних должностях), заместителя начальника ГУ БХСС МВД СССР К. В. Костерина, также стоявшего у истоков незаконного уголовного преследования Леоновой Л. И.

И еще. Прочитав в ответе, что «А. А. Киреев... по болезни уволен из органов внутренних дел», мы засомневались в достоверности информации, так как располагаем сообщением Прокуратуры СССР о том, что «при задержании Леоновой Л. И. ... были нарушены требования уголовно-процессуального закона. Следователь Киреев, допустивший нарушения, из органов внутренних дел уволен».

Редакция получила также официальное сообщение начальника следственного управления УВД Горьковского облисполкома А. К. Кожевникова, где указано: «Следователь А. А. Киреев уволился из органов МВД по собственному желанию».

Достоверно можем сообщить лишь одно: в настоящее время А. А. Киреев по рекомендации отдела юстиции Горьковского облисполкома принят в областную коллегию адвокатов и работает в юрконсультации Московского района г. Горького.

И в заключение напоминаем читателям, что по фактам произвола и беззакония, допущенным правоохранительными органами в отношении Леоновой Л. И., Прокуратурой СССР ведется расследование. О его результатах мы сообщим дополнительно.

НА ТРИБУНУ XIX ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ ●
КТО ОНИ, ТВОРЦЫ БЕССМЫСЛЕННЫХ ЗАПРЕТОВ? ●
ТЫСЯЧА РУБЛЕЙ ЗА ОТДЫХ НА ВОЛГЕ ●

■

Хочу высказать свои мысли по поводу перестройки. Мое мнение — глубина перестройки усиливает сопротивление ей. Напряженность сопротивления четко обозначилась в последнее время. Думаю, что не случайны следующие факты: смена руководства в Казахстане — беспорядки; в центральной прессе критика руководства Армении — беспорядки; в Азербайджане начали активно бороться с коррупцией — тоже беспорядки. Есть силы, которые постоянно держат в руках веревочки напряжения с целью в нужный момент разжечь пожар. В этой связи не могу обойти вниманием и Украину. Вдруг пропал сахар — предмет первой необходимости в сахарной столице страны. Нет его в Киеве, других крупных промышленных центрах. Началась спекуляция, по 2—2,5 рубля за килограмм, паника. На моей памяти сохранились 60-е годы, когда белый хлеб выдавали по спискам, все мы знаем, чем это закончилось. Не приобретает ли сахар очертания бикфордова шнура?

Приближается XIX партконференция, которая должна стать и, уверен, станет преградой на пути назад. Решения конференции, несомненно, затронут интересы многих высокопоставленных групп и кланов. И они, их представители, к ней готовятся, постоянно создавая очаги напряженности; там — на почве национализма, тут — на почве трудностей с сахаром. Таким фактам саботирования перестройки необходимо давать решительный отпор гласно и своевременно.

Борис Григорьевич КОРОТКОВ, председатель кооператива «Коралл»
Киев

■

Родился я в 1926 году в Нарвике, Северная Норвегия. Вместе с другими норвежцами мы помогали русским военнопленным в 1942—1945 годах. У нас в семье есть медаль из Москвы, от Верховного Совета. В 1944 году был воздушный бой над Киркенесом. Немцы сбили советский самолет, летчик прыгнул с парашютом. Раненый, он из револьвера застрелил окруживших немцев. Утром муж тетки моего отца и его друг нашли и спрятали летчика в своем доме, рискуя жизнью. Шло время, русские побеждали. У первого советского офицера глаза стали огромными от удивления, когда он в доме норвежца увидел летчика-сибиряка. В 1945 году я был переводчиком в английской армии и помогал отправлять домой советских военнопленных. Они мне много дали вещей для музея в Нарвике. Обо мне даже в книге «Норвежские были» написано. Окончил три факультета университета в Осло. Стал преподавателем. И всегда любил русских, занимался русским языком. Был в вашей стране два раза. Но долгая брежневская эра заставила меня потерять интерес к русскому языку и нашим отношениям. Сейчас же я опять хочу путешествовать с палаткой и рюкзаком. До смерти хочу увидеть набережные Волги у Волгограда, горы вокруг Сочи. Сейчас живу в Испании. Стало легче дышать, когда Михаил Горбачев начал в вашей стране новую революцию, мирную. Но нельзя почивать на иллюзиях. Опыт говорит, что страны без гласности опасны для всеобщего мира. Пусть ваши и наши современные орудия молчат, они мертвы и неопасны, если у народа нет страха, ненависти и глупости. Враги ли мы с вами? Нет! Мы уже срабатываемся. Страх у нас и у вас постепенно исчезает. Люблю вас, народ Пушкина и Чайковского, народ терпеливый и много страдавший. Верю в перестройку и ее результат: общество с товарами в магазинах, общество без страха.

Арне РОЛ, бывший преподаватель истории, дед шести внуков
Гран-Канария, Испания

■

В Калужской областной газете «Знамя» за 14 мая опубликовано сообщение о выдвижении кандидата на XIX партконференцию от обнинского приборного завода «Сигнал». Кандидатуру предложил первый секретарь горкома партии, предлагали свои кандидатуры и рабочие, но по линию большинства выразил коммунист, остановившийся на рекомендации секретаря горкома. Единственный кандидат был утвержден единогласно.

На следующий день эта же газета сообщила о похожей процедуре на многотысячном Калужском машиностроительном заводе: сто коммунистов в присутствии секретарей обкома и горкома партии единогласно утверждают опять-таки единственную кандидатуру, несмотря на другие предложения. Внешне демократично. Но почему сто человек? Кто, в свою очередь, выбрал (или назначил) их? И почему опять кандидат один-единственный, разве нет ему равных и достойных?

Напрашивается вопрос: не является ли такая демократия псевдодемократией, за которой стоят прежние традиции? Настораживает и то, что в газетных заметках нет ни слова, какие конкретные позиции занимают делегаты, какие конкретные наказы дают им избиратели. Драться за перестройку? Но кто предлагает обратное?

Читая центральную прессу, мы видим, что такая ситуация с выдвижением сложилась не только у нас. Генеральный секретарь ЦК КПСС говорит одно, а на деле происходит другое, ибо механизм выдвижения делегатов настолько прочно был отработан в застойные годы, что перейти к новому его восприятию, к сожалению, не уддется.

Нам представляется, что для обеспечения подлинной демократии процесса выдвижения делегатов на столь важный для судьбы страны форум необходимо:

1. Опубликовать перечень основных вопросов и предложений, которые ЦК КПСС выносит на обсуждение конференции.

2. Обязать каждого кандидата в процессе выдвижения четко сформулировать свою позицию и довести ее до широкого круга граждан, как и наказы, данные ему трудовым коллективом.

3. Считать нормой выдвижения не одного, а нескольких кандидатов.

4. Поскольку партконференция имеет значение не только для членов КПСС, необходимо всем *гражданам дать возможность высказаться о предлагаемых делегатах и их платформах.*

Нам могут возразить, что осталось слишком мало времени и процесс избрания уже в разгаре. Именно поэтому нужно срочно пересмотреть механизм избрания, чтобы на партконференции работали делегаты партии, а не делегаты партийного номенклатурного аппарата.

Р. М. РИВКИН, участник Великой Отечественной войны, член КПСС, доцент Всесоюзного заочного финансово-экономического института,
О. М. БУШКО, участник Великой Отечественной войны, член Союза писателей СССР
Калуга

■

Почему каждый год повышается стоимость туристических путевок? Путешествие по Волге Москва — Волгоград — Астрахань лет восемь назад стоило 160 рублей, затем 370, а сегодня уже 529 рублей. Посчитайте, путешествие вдвоем обойдется в тысячу, а семье в три человека (мы за семейный отдых) — полторы. Кто может это позволить? Из каких расчетов Центральное бюро путешествий устанавливает цены? Можно догадываться: получить больше прибыль. А нам что же, год не есть, не пить, не одеваться, чтобы посмотреть окрестности Волги-матушки. За границу и то путевка дешевле.

В. И. ГРЕБЕННИКОВА
Симферополь

■

В журнале «Огонек» опубликованы под заголовком «Больше социализма!» отдельные фрагменты разговора участников «круглого стола» — ученых, которые, как сказано в предисловии, «еще не успели создать о перестройке научные трактаты».

Полезность дискуссии на эту тему не вызывает сомнений. Но в данных «фрагментах разговора» некоторые участники «круглого стола» акценты сместили на то, что принятая нашей партией в начале 30-х годов линия на форсированные темпы индустриализации страны якобы не вызывалась необходимостью и поэтому имевшие место трудности искусственно созданы.

Так, В. Н. Шубкин считает, что «...проблема форсированной индустриализации была искусственной, искусственно нагнетаемой. Саму идею сверхиндустриализации выдвинул, как вы знаете, не Сталин, а Троцкий. Потом Сталин, как он часто поступал, прибрал эту идею к рукам». Л. А. Гордон приводит такую «арифметику»: «...война-то велась не восемнадцатью миллионами тонн стали, которые были получены в 40-м году, война-то велась половиной этого количества. Ведь половина была потеряна в течение первых месяцев». Поэтому, заключает он, «такой потенциал скорее всего можно было создать в рамках неформированного развития. В рамках нэпа».

Направить дискуссию по научному руслу и облечь ее в корректную форму И. К. Пантину и Б. П. Курашвили не удалось. А Ю. Ф. Карякин заявил: «Мне кажется, все дело в невероятной мешанине, которую я нахожу в наших головах и в своей тоже. Каша из идеологических установок, эмоций, воспоминаний...» И так далее в таком же «научном» духе и стиле.

За такие слова и мысли дорого бы дал покойный Геббельс, который в тяжелые военные дни 1941 года, осыпая нас на фронте листовками, назойливо старался внушить, что все перенесенные советским народом трудности и невзгоды на стройках социализма были затеей Сталина и его ближайшего окружения и что начали они с нами войну только потому, что Сталин создал многочисленную армию, мощную промышленность, которые угрожают немецкому народу.

Это письмо я переслал секретарю ЦК КПСС. Гласность и перестройка не терпят демагогии, которая прозвучала под возвышенным призывом «Больше социализма!». Социализма не прибавится, если мы будем искажать и фальсифицировать героические годы нашей послеоктябрьской истории.

Александр Павлович КОМЛЕВ, член КПСС с 1939 года, инвалид войны
Москва

■

В №9 «Огонька» в статье «На колесах» добрым словом помянута охрана МГУ. Можно только порадоваться, что практически лишенному друзей инвалиду всегда готовы помочь «добродушные милиционеры». Но и хочется спросить: как вообще милиция оказалась в главном здании МГУ на Ленинских горах? Почему «храм науки», всегда славившийся своим демократизмом и свободолюбием, оказался буквально оцеплен милицией? Что она здесь охраняет? От кого? Почему я, проучившийся в МГУ восемь лет, приезжая сюда навестить друзей и преподавателей, не могу свободно войти, а должен униженно объяснять сержанту цель моего посещения? (Кстати, далеко не всегда это удается.) Да что я! Седовласые академики, лауреаты различных премий, профессора МГУ, которые десятки лет отдали родному университету, вынуждены суетливо шарить по карманам, отыскивая пропуск.

Недавно я вновь побывал в МГУ. Со мною были двое моих студентов. Они искренне дивились тому, как серьезно поставлена охрана главного вуза страны. А мне было стыдно, как в свое время было стыдно перед своими друзьями из Болгарии, ГДР, Ливана, Греции, Колумбии, студентами и аспирантами, которые немало поездили и повидали, но с таким явлением столкнулись впервые.

Зачем я теперь об этом пишу? Затем, что, уверен, в сегодняшние дни гласности и перестройки настало время пересмотреть прошлые бессмысленные запреты и доверить студентам МГУ самим быть хозяевами в «храме науки».

Иван Георгиевич ДЖУХА, доцент Вологодского пединститута

■

Где можно купить книгу М. С. Горбачева о перестройке? И каким тиражом она издана? Почему я ее не видела в свободной продаже, почему ее нельзя достать в библиотеке? Меня возмущает, что многие советские граждане, в отличие, например, от граждан Великобритании, в руках у которых я видела эту книгу во время одного из телемостов Москва — Лондон, лишены возможности прочесть книгу лидера своего государства.

Наталья Сергеевна МИХАЙЛОВА,
кандидат геолого-минералогических наук
Ленинград

■

Если верить книгам и статьям, то нашей страной правят народ, Советская власть. Советы, поссовет, райисполком, крайисполком, Верховный Совет, советские работники — эти термины прочно вошли в нашу жизнь, плоть и кровь. И мы заученно повторяем, что власть у нас народная. А на деле?

Годы сталинской эпохи и так называемого времени застоя достаточно четко показали, кто стоит у главного штурвала страны. В масштабах же республики, области, района извечно первым считался партийный секретарь, от его воли зависели и на нем замыкались и экономика, и сельское хозяйство, и право, и культура, и медицина, и образование, и судьбы людей...

По-прежнему все вопросы от разоружения до борьбы с алкоголизмом решаются в ЦК КПСС. А где же Советская власть? Она уныло плетется в хвосте...

Хочется надеяться, что партийная конференция, которая скоро соберется в Москве, вопрос о власти решит в пользу Советов. Без этого перестройка и демократия — пустые слова. Уж если следовать заветам Ленина, то начинать надо с претворения в жизнь главного лозунга революции — «Вся власть Советам!».

Е. Н. СМИРНОВ
Терней Приморского края

■

По просьбе моего друга, проживающего в Канаде, с которым переписываюсь с 1982 года, решил ему послать «Огонек». Ранее неоднократно отправлял ему книги по искусству, истории Псковщины, словари русского языка. Как всегда, обратился в городской отдел культуры за разрешением на пересылку. «Нельзя! — сказали мне в приемной.— Разве не знаете, что «Огонек» сейчас подвергается гонениям со стороны власти? Читали, наверно, в № 13, что журналу даже отказали в аккредитации на съезде колхозников! Кроме того, в нем воспроизводятся исторические фотографии руководителей партии, а такие издания пересылать запрещается». После разговора в приемной меня пригласили к зав. отделом культуры. Она дала более сдержанное объяснение по этому поводу и пожаловалась, в каком затруднительном положении находится их отдел. Дело в том, что никакими инструкциями на этот счет они не располагают и действуют на основании распоряжения горкома партии и районного узла связи. При мне начальник узла связи подтвердил, что без ведома отдела культуры никаких книг по-прежнему за границу посылать нельзя, а периодику, включенную в каталог «Союзпечати», вообще запрещено посылать за рубеж.

Интересно, правда? Тогда признаюсь, что часто вместе с письмом я посылал вырезки из газет и журналов, между прочим, включенных в каталог «Союзпечати». И все они доходили до адресата. Пока доходили. Может, после этого письма не будут? Так и не могу разобраться, что же в этой истории правильно, а что есть инерционная фантазия местных властей? Кто же истинный творец этого запрета?

Сергей Алексеевич ДЬЯКОНОВ,
архитектор
Великие Луки

■

Алма-атинские старожилы помнят то время (до и после войны), когда весь аппарат центральных органов — ЦК Компартии Казахстана, Президиума Верховного Совета и Совета Министров республики размещался в одном здании. И работа шла! Кстати, почти все центральные министерства и ведомства тоже умещались в одном-единственном здании — Доме министерств.

А вот в 60-е и особенно в 70-е годы с ростом управленческого аппарата этих ведомств, как грибы после дождичка, поднимались внушительные и весьма дорогостоящие объекты. Выросло монументальное здание Дома правительства. Правда, здание вскоре пришлось достраивать еще на треть объема. Но и этого оказалось мало: было возведено еще одно — отдельно для аппарата ЦК КП Казахстана. Расширившийся аппарат горкома партии и горисполкома сейчас размещен в собственных апартаментах — куда более вместительных, чем прежнее помещение, в котором они находились рядышком в течение многих и многих лет. Но и в новых стенах, поговаривают, им уже тесно.

А как же остальные ведомства и конторы республиканского и местного значения? Особенно впечатляет активность руководителей Министерства внутренних дел республики. Диву даешься, какими темпами это ведомство возводит все новые и новые административные здания. Сейчас готовятся «справить новоселье» алма-атинские областные комитеты — партийный и комсомольский. Для них заканчивается отделка новых, весьма дорогостоящих зданий... Откуда только фонды берутся?

Не пора ли остановиться? В последнее время об этом заговорили горожане вслух. В самом деле, население республики по сравнению с довоенным временем выросло примерно вдвое, а аппарат управления — в десятки, а возможно, и в сотню раз. Явная диспропорция!

Конечно, административные здания в республиканском центре нужны. Как же без них? Но все же, все же... в Алма-Ате острейшая нужда, не говоря уже о жилье, в других учреждениях чисто социального назначения. В городе не хватает мест в больницах, устроить ребенка в детсад или ясли — проблема, около трети студентов вузов не обеспечены общежитиями.

Кстати, в Алма-Ате с ее более чем миллионным населением до сих пор нет многих, действительно нужных учреждений. Например, специализированного Дома знаний, нет планетария. Нет и сносного помещения для Дома атеиста. Атеисты надеялись, что им отведут приличное помещение, хотя бы в новом здании Дома политпросвещения. Да куда там! Целое крыло в нем отошло под большущую контору облагропрома. Как же! Аппарат — великая сила!

Я. БЕЛОУСОВ,
член КПСС с 1945 года, кандидат философских наук
Алма-Ата

■

Уже писали, что Министерство связи ограничило подписку предприятиям и организациям. Попал под это ограничение и наш клуб глухих. Для людей, лишенных слуха, газеты и журналы — единственный источник, где мы черпаем информацию. Радио недоступно, телевидение — только «Время» по второй программе. После работы идем в клуб послушать на «своем» языке коллективную читку статей из журналов. Наши клубные работники тоже глухие, и они не имеют возможности читать современные журналы, чтобы рассказать нам, что читает сегодня вся страна. Нельзя же приравнивать клуб для глухих ко всем другим ведомствам.

П. Д. БУШЕВА,
по поручению глухих (150 человек)
г. Гусь-Хрустальный
Владимирской области

■

Жду очередного «Огонька» со страхом: вдруг и вы про «это» напишете?

Вы догадались, о чем идет речь? Конечно, о том происшествии, которое всколыхнуло, кажется, всю московскую журналистику: на окраине города, в Лианозове, сотрудники милиций с помощью добровольца задержали предполагаемого насильника-извращенца. Погоня, стрельба, испуганные дети, борьба врачей за жизнь пострадавшего — сюжет для детектива просто классический. И финал у истории достойный — хвала бдительности, слава бесстрашным людям!

Сначала я узнал о лианозовских страстях из телепрограммы «Добрый вечер, Москва!» вечером 27 апреля. Утром открываю «Правду», читаю материал «Задержание» и убеждаюсь, что специальный корреспондент А. Черненко знает о событии полнее и детальнее, чем тележурналисты; так мне показалось, ведь я, как вы понимаете, не конспектирую телепередачи. Удивило только, что задержание, судя по тексту, происходило в Москве, в Тимирязевском районе, а журналист собирал факты почему-то в городе Долгопрудном.

Беру в руки «Советскую Россию» — да нет же, все не так! Подписавший заметку «Кинопроба» с перестрелкой» А. Федоров располагает, оказывается, собственной версией. Дело было все-таки в Лианозове. Насильник соблазнял не девочку Надю, а девочек Надю и Таню и примкнувшего к ним пятиклассника Леню. Опознала преступника девочка, а не милиционер. Дальше что ни абзац — новые расхождения. Даже в арифметике журналисты не сходятся: один считает изъятые патроны — получается «более сотни», а другой прикидывает их на глазок — выходит «почти 60».

Ради любопытства купил в киоске «Московскую правду»... Есть! И. Табакова, «Погоня с выстрелами». Снова оригинальный вариант! Не те ехали в милицейской машине, иначе произошла встреча с преступником, совершенно не так состоялось задержание... Но доконал меня «Московский комсомолец» репортаже «Вооружен и очень опасен» Владимира Кравченко: оказывается, осечку дало не милицейское оружие, а пистолет бандита, да и мальчик Алеша (так Леня или Алеша?) не просто мелькал статистом в обещанной, но несостоявшейся киносъемке, а совсем наоборот: милиция выехала для того, чтобы его разыскать, а бандит «произвел в отношении него развратные действия».

Впрочем, А. Черненко утверждает в «Правде», что было дополнительно еще шестнадцать сотрудников милиции, но все они в момент задержания так удачно замаскировались в лесу (по другим источникам — там либо пустырь, либо болото), что никто до самого конца перестрелки их так и не увидел...

Конечно, все это мелочи, и даже журналисты центральных изданий не застрахованы от ошибок. В том случае, если работают с документами. А если пользуются случайными источниками, то это уже не ошибки, а домыслы, и нашу печать подобные «жареные» сенсации, как справедливо указывалось, отнюдь не украшают. Фантазии хороши для детективных романов. А гласность — это прежде всего точность!

И. КАЛАШНИКОВ
Москва

«ОГОНЬКУ» ОТВЕЧАЮТ

По опубликованному письму бывшего почтальона Кайры Жунусовой из села Кызыл-Коргон Алайского района Ошской области («Огонек» № 9) проведена проверка, и установлено, что трудовой договор Алайским районным узлом связи с К. Жунусовой был расторгнут без предварительного согласия профсоюзного комитета узла связи. Поэтому необоснованно изданный приказ об увольнении отменен, и К. Жунусова восстановлена на прежнем месте работы. За вынужденный прогул ей выплачена денежная компенсация за счет виновников.

М. Ч. БОТПАЕВ,
первый заместитель министра связи Киргизской ССР

Факт произвольно произведенных купюр в фильме «Покаяние», о котором сообщала М. Белкина («Огонек» № 13), подтвердился. В апреле прошлого года киномеханик Г. А. Семенова в аппаратной производила переходы с поста на пост не по сигнальным точкам в конце частей фильмокопии, а преждевременно, оставляя не спроецированными на экран по 30—40 метров из каждой части картины. За этот проступок она была лишена премии и ей объявлен выговор. Однако Г. А. Семенова не сделала надлежащих выводов, в связи с чем была освобождена от занимаемой должности. Этот факт, а также вопросы укрепления производственной дисциплины были обсуждены на собраниях коллективов всех кинотеатров г. Тюмени.

Е. Н. СЕМАГИНА,
главный редактор Главного управления кинофикации и кинопроката Госкино СССР

●

Дорогие читатели!
Еще можно выписать «Огонек» на второе полугодие 1988 года. Можно подарить подписку на наш журнал не только себе, но и друзьям, и знакомым.
О каждом отказе в подписке сообщайте нам, ибо подписку обязаны принимать во всех отделениях связи страны.

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ПОЧТА · ПОЧТА · «ОГОНЬКА» · ПОЧТА · ПОЧТА

НАСТУПИТ ЛИ ПЕРЕЛОМ

НАВСТРЕЧУ XIX ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Каждое утро на мой стол ложится стопка свежих газет, и по мере возможности начинаю рабочий день со знакомства с новостями. Читаю — и, честное слово, зависть берет: где-то за тысячи километров от Араратской долины набирает силу процесс демократизации общества, идут бурные дискуссии, сталкиваются мнения. Не без нравственных потерь и экономических издержек движется страна по пути обновления, но радостно, что все-таки это поступательное движение. Простое человеческое доказательство того, что перестройка принимает необратимый характер вот в чем: представьте себе, что вы снова проснулись в каком-нибудь семьдесят... году и по все тому же телевизору все того же престарелого руководителя украшают еще одной Золотой Звездой... Оторопь берет? Нет уж, спасибо, назад мы не хотим! Не хотим и не допустим больше поголовного вранья и лицемерия, приторно-елейного благодушия в задыхающейся от кризиса стране!

Никаких надежд на отступление не оставляет и недавнее выступление М. С. Горбачева перед руководителями средств массовой информации, идеологических учреждений и творческих союзов. Линия перестроечного фронта обозначена четко: «Мы должны нанести консерватизму поражение на путях перестройки. Консерватизм у части общества питают не только догматизм мышления, привычка к стереотипам, боязнь нового, но и корыстные интересы». А что же у нас, в Армении?

Здешняя атмосфера, к сожалению, настраивает отнюдь не на оптимистическую волну. И в Ереване, и в Раздане, где мне почти год назад довелось возглавить районную партийную организацию, витает в воздухе один и тот же вопрос: когда же будет положен конец этому поистине «затянувшемуся застою», глубоко въевшейся коррупции, припискам, парадности и местническому самодовольству? Когда и какие силы сумеют расконсервировать навязанный больше десяти лет назад «стиль» работы? Вот о чем спрашивают сегодня друг друга люди — и коммунисты, и беспартийные.

Если причины не подменять следствием, как это частенько любят делать, то ответ, конечно, имеется: это произойдет тогда, когда наша республика услышит наконец всю правду.

Ощущение порой такое, словно живешь на корабле в автономном плавании. И крепка, ох как крепка броня... Условие для экипажа простое: хочешь жить спокойно — не высовывайся, не учи капитана уму-разуму, не хватайся почем зря за штурвал, не пророчествуй, что, мол, плывем-то прямиком на рифы... И кто вообще ты такой? Обычный матрос, ну, мичман в лучшем случае! И что из того, что эскадра давно сменила курс? Наша вахта на местах, и мы-то знаем, куда плывем...

Но довольно метафор и аналогий. Положение дел в республиканской партийной организации давно уже вызывает озабоченность Центрального Комитета партии. Особенно резко прозвучала критика в прошлом году, на июньском Пленуме ЦК КПСС: в Армении «не развернута эффективная борьба со взяточничеством, спекуляцией, протекционизмом». Думалось, что столь серьезные обвинения подвергнут подробному анализу через месяц, на июльском пленуме ЦК КП Армении. Увы, ничего, кроме умеренно дозированной критики и самокритики, очевидных упреков в адрес руководства республики, присутствующие не услышали. Тогда я послал записку в президиум и попросил слова...

Что мне только не пришлось услышать потом! Мол, Котанджян бросил голословные обвинения «уважаемым в республике людям», что он-де пытается внести раскол в стройные ряды и даже, дескать, первый секретарь Разданского райкома «играет свою игру», «старается потрафить Москве», а сам мечтает «забраться повыше»... Говорил же я о вещах широко известных, но крайне неудобных президиуму пленума — как раз о том, что так или иначе затрагивало личные интересы руководства. И на самом деле, новость ли для членов ЦК Компартии Армении, что часть трудящихся, приписанных к организованным государством рабочим местам, воспринимает вознаграждение за свой труд (зарплата и «теневая доплата», выдвижение, награды и т. п.) в первую очередь не как оценку со стороны социалистического государства, а частную доплату за служение признанным хозяевам неофициальной экономики, часто с полномочиями государственных и партийных руководителей? Новость ли, что у нас существуют приписки, взятки, протекционизм на всех уровнях партийного, государственного и хозяйственного аппарата?

«Факты! Факты давайте!» — кричали из зала. Ну, что ж, давайте обратимся лишь к некоторым фактам.

17 апреля 1986 года прокуратура Ленинского района г. Еревана возбудила уголовное дело в отношении руководителей Ереванского станкостроительного производственного объединения. С целью «выполнения планов» в отчетах объединения за два года допущены приписки плана реализации продукции на 3 миллиона 991 тысячу рублей. Как выявило следствие, «реализация» достигалась так: из различных организаций на основании счетов-фактур бестоварного обеспечения были переведены крупные суммы на особый административный счет Ереванского станкостроительного завода без получения какой-либо продукции на эту сумму. Директора объединения А. Саркисяна освободили от должности, привлекли к партийной ответственности. А уголовное дело все же прекратили. Почему же, спрашивается? Очень просто: подоспела амнистия в связи с 70-летием Великой Октябрьской социалистической революции.

Директор Разданского пищекомбината В. Давтян в сговоре с начальником цеха А. Чобаняном отправил в Казахстан вместо спирта, настоянного на тархуне, 54 тонны воды с двухпроцентным содержанием спирта. Ущерб государству составил два миллиона триста сорок восемь тысяч рублей.

И примеры эти можно продолжать и продолжать.

А как у нас подбираются кадры?

Посудите сами, каким иным способом, кроме прямой протекции, одному и тому же человеку всего за три года удалось побывать в стольких должностях: первым секретарем трех райкомов партии — Мегринского, Баграмянского, Октемберянского и, наконец, секретарем ЦК?

Надо ли говорить, что после моего выступления на пленуме начались преследования? От анонимных звонков домой с угрозами расправы, от хулиганских запугиваний на трассе, по которой мне ежедневно приходится ездить на работу, до того, когда во время болезни по звонку из Еревана члены бюро Разданского райкома партии попытались «выразить недоверие Котанджяну» и ходатайствовать об отзыве с должности. Наконец, был предпринят беспрецедентный шаг: создана авторитетная комиссия по разбору критических замечаний на пленуме, но не всех выступавших, а исключительно моей персоны!

Тихая травля продолжалась, а ведь нужно было еще и работать: наследство, которое оставил в Разданском районе предшественник, С. Г. Даниелян, оказалось не из лучших. Приступив к своим обязанностям в августе прошлого года, я был просто поражен эпидемией воровства, коррупции и тотального взяточничества, охвативших Разданский район. Здесь словно происходило некое немыслимое соревнование, кто больше присвоит себе чужих денег. Начали понемногу разгребать эти «авгиевы конюшни», и с первых же шагов я осознал, что далеко не случайно С. Г. Даниеляна сняли с работы «за непринципиальность» с партийным выговором. Это минимум того, что могло себе позволить партийное руководство республики, памятуя еще и о том, что до назначения в Раздан Даниелян, «человек весьма кроткого нрава», как о нем многие в Ереване отзывались, работал помощником первого секретаря ЦК Компартии Армении.

Однако «человеком кроткого нрава» тем временем заинтересовалась прокуратура, началось следствие. Прошло несколько месяцев. И что же? Узнаем: о бывшем руководителе проявили поистине отеческую заботу — из кресла первого секретаря райкома партии он перекочевал в кресло заместителя директора Центра научной организации труда и управления Министерства легкой промышленности Армянской ССР!

Однако не стоит обольщаться, отеческую заботу у нас в Армении проявляют далеко не обо всех, а строго избирательно. В свое время Даниелян добился освобождения от занимаемой должности председателя Чаренцаванского горсовета В. Г. Аветисяна, то есть вынудил его написать заявление об уходе. В результате справедливость в деле Аветисяна и по сей день не восстановлена. Вопрос не решен даже после категорического требования ЦК КПСС. Не лучшая судьба постигла и Р. М. Геворкяна, бывшего секретаря Разданского райкома партии. При содействии высоких покровителей из Еревана Даниелян добился и его отставки. Из-за чего же? Геворкян, видите ли, «осмелился» высказать первому секретарю замечание о непродуманной кадровой политике райкома.

...На июльском пленуме ЦК КП Армении я выступил вскоре после того, как был выбран первым секретарем Разданского райкома партии. Естественно, нашлись люди, которые уже в перерыве между заседаниями пленума «дружески» советовали: «Зря ты так! Все равно стену лбом не проломишь, а секретарь ты еще новый, молодой... Тебе эту критику обязательно еще припомнят, учти. Район тебе достался тяжкий, а ведь пройдет несколько месяцев — начнутся проверки: как, мол, дела пошли при новом секретаре? Тут тебе несдобровать...» Все это я прекрасно понимал и сам, без чьих-либо советов.

И действительно, родилась в орготделе ЦК КП Армении записка «О некоторых замечаниях к стилю и методам работы Разданского райкома партии с июля 1987 года». Не стану перечислять все, с чем я несогласен: опровержение заняло бы два десятка страниц машинописного текста. По всей вероятности, записка служит недвусмысленным предупреждением?

В декабре прошлого года на очередном пленуме ЦК КП Армении мне вновь пришлось взять слово и выступить с критикой. Вслед за этим двадцать четыре человека предложили вывести меня из состава ЦК, а некоторые — даже исключить из партии. Однако на этом пленуме в декабре резко и принципиально выступил еще один коммунист — председатель комиссии партийного контроля при ЦК КП Армении С. М. Хачатрян. Но тут, видно, терпению руководства пришел конец. Сначала было не до Хачатряна, поскольку начались волнения вокруг Нагорного Карабаха, и его по заданию ЦК направили в Красносельский район для работы среди населения. Здесь он заболел. А едва выздоровев, узнал, что 21 апреля в его отсутствие и без его личного заявления Хачатряна освободили от занимаемой должности «в связи с пенсионным возрастом».

Саркису Макаровичу сейчас 63 года. О нем хочется рассказать особо. Его «беда» заключается в том, что за долгие годы партийной работы Хачатрян так и не научился подстраиваться под вкусы своего начальства, раболепно выполнять его заказы, слепо чтить его личные интересы. Скромный человек, он признает только одну власть — власть разума и таланта, руководствуется лишь одним интересом — интересом нашего партийного дела, ленинского дела. И характер, и должность заставляли его ни перед кем не заискивать, усвоить правило: вершина истины не всегда совпадает с вершиной власти.

Из тех самых 24 выступающих, которые обрушились на меня, не брезгуя никакими выражениями, по крайней мере семеро не обошли вниманием и Хачатряна. Но вот что странно: о выступлении Хачатряна отзывались одоб-

рительно. Мол, Саркис Макарович во многом прав. И мы, дескать, разделяем его озабоченность положением дел в республике. Эти реверансы в адрес Хачатряна легко объяснимы. За последние годы в руках Саркиса Макаровича сосредоточилась огромная информация, и вряд ли еще кто-либо из аппарата ЦК КП Армении лучше осведомлен о недостатках в партийной работе.

Говорил Хачатрян вещи крайне важные. Отметил, что перестройка в республике задыхается в искусственно созданных хитросплетениях. Что, несмотря на это, в Армении происходит консолидация демократических сил вокруг платформы ЦК КПСС. Отчет бюро ЦК КП Армении по руководству перестройкой он охарактеризовал как полуправду. Не согласился с той частью доклада, где говорится, что бюро ЦК усилило требовательность к кадрам и что проступкам тех или иных руководящих работников дается принципиальная партийная оценка. Разоблачаются и привлекаются к ответственности в республике, говорил Хачатрян, лишь второстепенные правонарушители, а преступники покрупнее уходят от наказания.

Например, в июле прошлого года комиссии партийного контроля стало известно, что первый секретарь Наирийского райкома партии М. С. Айрапетян злоупотребляет служебным положением, допускает протекционизм в подборе кадров и при приеме в ряды КПСС. Поехали партийные контролеры в Наири, убедились, что факты верны. Действительно, райком по инициативе Айрапетяна выдвигал на руководящую работу скомпрометировавших себя в прошлом людей. Директором хлебокомбината, скажем, выдвинули некоего Макагелова, который уже привлекался к партийной ответственности за то, что незаконно отгрохал себе «жилой дворец», и всякое другое... Комиссия справедливо предложила Бюро ЦК Компартии Армении исключить Айрапетяна из КПСС. Нет, возразили члены бюро, что-то строговато... Хачатрян внес новое предложение: объявить Айрапетяну строгий партийный выговор с занесением в учетную карточку и освободить его от должности — снова не поддержали. В конце концов Айрапетян получил строгий выговор (без занесения) и вынужден был уйти в отставку.

Или еще вот совсем недавний случай. Когда комиссия партийного контроля совместно с Разданским райкомом партии пыталась проверить сигналы о крупных приписках на заводе «Разданмаш», нас никто не поддержал, а соответствующий отдел ЦК и вовсе отошел в сторону, самоустранился, так сказать, хотя обещал сначала помочь самым действенным образом. Между тем речь шла о вещах серьезных: приписки на «Разданмаше» составляют несколько миллионов рублей, около полутора миллионов — незаконная выдача зарплаты...

Но теперь-то генеральный директор предприятия может быть спокоен. Есть покровители — можно не прятаться от партийных контролеров, подтасовывая документы, и не думать над тем, какие давать объяснения,— Хачатряна-то «вывели из игры».

...Три года минуло после исторического Апреля, положившего начало переменам в стране. Этого, конечно, мало, чтобы советское общество добилось «нового облика социализма». Но этого достаточно, чтобы оглянуться назад, спросить себя: ну, а мы-то, коммунисты, все ли от нас зависящее сделали для того, чтобы перестройка утвердилась в своем необратимом характере?

И коммунисты, и беспартийные — просто честные люди, настоящие патриоты земли своей — сегодня понимают: судьба революции в их руках. Все дело в уровне мышления. Наверное, следовало ожидать — и на пленумах ЦК партии не раз шла об этом речь: наивно полагать, что процесс демократизации и гласности станет равномерно развиваться во всех регионах страны. Так мы думали. И не ошиблись. Но сегодня видно и другое: чем сильнее и глубже авторитарно-бюрократические извращения, тем медленнее, мучительнее, я бы сказал, идет перестройка. Армения — красноречивый этому пример.

Что здесь произошло? Резкая критика (повторю: неоднократная!) деятельности руководства республики не привела к каким-либо кардинальным переменам. Но еще казалось, что кредит доверия не исчерпан; работайте, мол, докажите делом, что вам по плечу новые задачи, которые выдвигает партия. Однако по-прежнему редко в какой республике, крае или области так резко бросается в глаза то, сколь многие «инициативы снизу» глохнут в прохладных, тихих, будто напуганных коридорах учреждений. Скрытое, лицемерное сопротивление перестройке хочется назвать контрперестройкой. Среди ее сторонников те, кто остро нуждается в охранении своих прав и привилегий. Кому все труднее сохранить былой престиж и неприкасаемость, неоспоримое влияние. В чьи слова, напечатанные или произнесенные, все меньше верят, на чьи призывы уже откликаются не с таким энтузиазмом, как десять лет назад. Те, кто не может или не желает понимать, что прежними методами, в прежнем духе уже не увлечь людей на самые добрые дела, даже имея самые благие намерения.

Вот почему, смотря московские телепрограммы, слушая радио, читая центральные газеты, нередко чувствуешь себя так, будто вся эта информация совсем не о твоей республике, и удивляешься, насколько велик разрыв в уровне осмысления сегодняшней политики партии. Смотришь, слушаешь, читаешь и сравниваешь...

В Москве накануне партийной конференции уже открыто говорят: начинается новый и сложнейший этап перестройки. Коммунисты страны готовятся к разговору о том, что новизна проблем, масштабы новых явлений поставили в качественно иную ситуацию всю партию, наши кадры. В Москве видят и понимают, что без сплочения, консолидации общества, объединения усилий единомышленников будет трудно двигаться дальше и в экономическом, и в политическом, и в нравственном отношении. В Ереване же подчас призывы к консолидации воспринимают как примирение демократически настроенной общественности с теми, кому никак не удается расстаться с архаикой методов командно-административной системы. В Москве, наконец, считают, что активная перестройка — это вовсе не отход от социалистических принципов. Более того, выдвигается задача переосмыслить традиционные представления о социализме, поднять их до уровня современных требований, дать простор социалистическому плюрализму мнений, интересов, потребностей. Таким виделся социализм В. И. Ленину, такая модель социализма будет обсуждаться на Всесоюзной партконференции. В Ереване же слишком часто любое самостоятельное суждение, всякая критика, которые, по мнению руководства, выходят из «рамок дозволенного», воспринимаются как враждебный вызов, как начало неких запутанных аппаратных игр, игр весьма опасных, могущих привести в конце концов к потере самого дорогого — а именно власти над людьми.

Иные времена — когда общество борется и отстаивает демократические свободы именно ради того, чтобы в будущем избавить себя и от расстрелянных партийных съездов, и от миллионов сломанных, разрушенных судеб, корыстной прохиндиады, втаскиваемой на постаменты под туш духовых оркестров. Чтобы первый секретарь обкома партии не стеснялся не то что за хлебом в магазин сходить, а смело выйти к микрофону перед многотысячной толпой, стихийно собравшейся у партийного дома, и без шпаргалки сказать людям правду, не боясь смотреть им в глаза. Чтобы в час беды прежде всего не своих собственных, а чужих детей посадить в самолет и перенести подальше от незримой, неосязаемой, беззвучной, но смертельной опасности. Чтобы партийный руководитель любого ранга не отгораживался от народа непроницаемыми заборами, не устанавливал на подступах к своему кабинету такой пропускной режим, что даже член КПСС, не говоря уже об обычном посетителе, должен часами, теряя время и унижаясь, добиваться высочайшего соизволения на аудиенцию. Чтобы можно было запросто в окружении рабочих разговаривать искренне, шутить и смеяться так душевно и заразительно, как умели делать это Ленин и Киров... И в этом тоже перестройка сознания!

Да, о многом приходится думать, читая центральные газеты. За самое сердце задела статья А. Гельмана «Время собирания сил», которая показалась мне боевым манифестом демократических, перестроечных сил перед партконференцией. «Именно командный принцип деятельности стал причиной массового упрощенчества,— пишет он.— Грех упрощения — застарелый наш грех, от него очень трудно отвыкать. Это одна из причин сопротивления демократизации — многие работники партии просто не способны справляться со сложными задачами, не обладают требуемыми для этого качествами. А каждый хочет то, что может. А если чего не может, говорит, что этого не надо, что это вредно и опасно для основ социализма». Добавлю от себя: упрощенчество идет рука об руку с некомпетентностью, организаторской недееспособностью. Особенно ясно это становится видно в экстремальной ситуации.

Три года после Апреля нас, партийных работников, не покидало странное ощущение — над вязким, ватным молчанием потерявших надежду на перемены людей произносились откуда-то сверху слова о перестройке в республике. Говорилось даже о том, что жителям Армении и перестраиваться не надо, мы, так сказать, прирожденные революционеры и, дескать, начали перестройку раньше всех, еще в семьдесят пятом. В наступившей духоте тонули трезвые, честные голоса. Однако атмосфера должна была разрядиться — и грянул гром...

Первые его раскаты донеслись с Нагорного Карабаха. Пролилась кровь в Сумгаите. Тысячи армян вышли на ереванские улицы... Кто из них вспоминал тогда слова из отчета Бюро ЦК КП Армении, прозвучавшие меньше чем за два месяца до карабахских событий: «Больше стало уделяться внимания вопросам интернационального воспитания трудящихся. В целом успешно реализуется комплексный план мероприятий ЦК компартий трех закавказских братских республик по дальнейшему развитию интернациональных связей...»? Больно обо всем этом говорить... К сожалению, в этой тревожной ситуации руководство республики впало-таки в «грех упрощения». Мне, как первому секретарю райкома партии, пришлось испытать это и на себе.

Дело в том, что в Разданском районе проживает около 2700 азербайджанцев — земледельцев, работников сферы обслуживания в курортной зоне. После трагедии в Сумгаите на территорию Армении хлынули беженцы. Разумеется, и разданцы приняли около двухсот своих родственников и знакомых из Карабаха. Но тут узнаю о решении поселить на территории Разданского района еще около полутора тысяч сумгаитцев-армян в наших горных пансионатах. Я обратился, к сожалению безуспешно, в ЦК Компартии Армении с запиской: целесообразно ли размещать сумгаитцев в нашем районе? Не лучше ли устроить их в более подходящем месте?

...Снова и снова прокручиваю в памяти минувший декабрь, заседание пленума ЦК КП Армении, неодобрительный гул в зале во время моего и хачатряновского выступлений, лица людей, напряженно перешептывающийся президиум... Крепко надо было подумать над расстановкой кадров, затем над выдвижением в кандидаты, члены ЦК, чтобы подавляющее большинство их превратить в послушный механизм, дружно осуждающий или одобряющий, голосующий за любое решение единогласно, стоит лишь взмахнуть сверху дирижерской палочкой.

Вспоминаю и пытаюсь понять глубинные причины профанации перестройки при помощи якобы демократических методов. Возрастающую время от времени агрессивность противников перестройки. Еще вчера они надеялись, что дорога перемен сама собой упрется в тупик. Когда эти надежды не оправдались, заговорили о некоей «армянской специфике», которая на деле маскирует проблему отсутствия полнокровной демократии.

Сегодня ситуация обострилась. Безнравственному умолчанию и деланию хорошей мины при скверной игре противопоставлены массы. То, что не желают видеть сверху, делается снизу — ежедневно в рабочих коллективах, на собраниях сторонники перестройки ведут последовательное развенчание и дискредитацию консервативных позиций. Так наступит ли перелом?

Вопрос этот во многом риторический. Несмотря на значительные кадровые перестановки, от периода застоя нам достался в наследство весьма неоднородный состав партийного актива. С этим приходится считаться. В то же время Центральный Комитет КПСС возлагает большие надежды на партию как на политический авангард общества, призывает нас перед партийной конференцией еще глубже осмыслить ее возрастающую роль. И это не просто слова: если раньше партийному работнику можно было «функционировать», то сегодня от него ждут вполне определенного действия, политической смелости, ответственности брать на себя выполнение этой возрастающей роли. Вот какой неожиданной гранью обернулась перестройка — она заставляет ежедневно, ежечасно делать идейный, нравственный, политический выбор, чтобы в нужную сторону вести за собой людей! И чем дальше двигаемся мы по этому пути, тем большему числу людей так или иначе приходится этот выбор совершать.

Будем же помнить: перестройка пока еще не защищена вполне надежно. Пока еще сохраняется опасность, что консервативно настроенные к ней чиновники разного ранга не мытьем так катаньем настроят против магистрального пути, намеченного XXVII съездом, часть трудящихся, пытаясь тем самым удержать в руках власть. Этого допустить нельзя.

Гайк КОТАНДЖЯН,
первый секретарь
Разданского райкома партии,
член ЦК КП Армении,
кандидат философских наук

1861—1939

1871—1960

КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ КОРОВИН

ИГОРЬ ЭММАНУИЛОВИЧ ГРАБАРЬ

Существовал ли импрессионизм в русском изобразительном искусстве на рубеже XIX—XX веков? Если говорить о каком-то прямом подражании знаменитым французским мастерам, то его, бесспорно, не было. Некоей школы или организационно оформленного объединения русских импрессионистов также не возникало.

Но импрессионизм — это не просто сумма приемов, стилевая манера. Скорее уж это особая философско-поэтическая концепция. В свое время она была новым шагом на пути художественного постижения мира и человека. Импрессионисты пошли в глубины реальности, показывая ее не в общих, статичных формах (что свойственно их предшественникам), но во всем богатстве тонких, сложных, быстролетных видоизменений, как они представляются людскому восприятию. Отсюда, например, особое внимание к воздушной среде, которая в их полотнах утрачивает холодную нейтральность (характерную для академической живописи) и обретает огромное множество динамичных переходов и взаимодействий, свойственных живой природе. Отсюда и обостренный интерес к неповторимости каждого отдельного мгновения, к оттенкам материальной красоты предметного мира, к тем изменчивым настроениям, которые внушают чуткой душе восходы и закаты, полуденный час и начало сумерек. И пестрая, шумная жизнь городских улиц, и молчаливый домашний интерьер, и туман над рекой, и стук дождя за окном — словом, любой миг, любые впечатления повседневности стали темами живописи импрессионистов.

Обращение к такому кругу образов до всякого знакомства с работами и открытиями французских мастеров самостоятельно и органично произошло и в русском искусстве. Можно вспомнить в этой связи, например, о «живописи настроений» и виртуозно используемых пленэрных приемах у И. Левитана. А знаменитые «Девушки» Валентина Серова — разве не были они подлинным откровением, которое «промыло глаза» русскому зрителю и представило ему во всем очаровании и светлой красе юность, «освещенную солнцем»?

Но все же первым художником в России, который убежденно и последовательно, с артистическим совершенством развил живописные принципы, перекликающиеся с эстетикой импрессионизма, был Константин Алексеевич Коровин.

* * *

Нет точных документальных данных, которые могли бы указать на то, когда именно К. Коровин впервые основательно познакомился с творчеством французских импрессионистов. Скорее всего во время зарубежных поездок начала 90-х годов (что, впрочем, не доказано). Но уже и к этому времени он был вполне сложившимся мастером, причем с таким направлением исканий, которые, сохраняя глубоко национальную природу, оказывались как бы параллельны импрессионистической поэтике.

История искусств не подчиняется строгой календарной последовательности. «Вчера» и «сегодня» в ней легко меняются местами, старые традиции порой обнаруживают себя позже новых находок. В 1894 году Коровин написал знаменитый этюд «Зимой», который явственно связан с таким чувством русской природы, которое есть у Левитана, Саврасова, даже у Перова. Иначе ведь и не оценишь эту бесхитростную простоту сельского мотива, его проникновенно-любовную, чуть печальную интонацию. Очень важна тут и объективная уравновешенность всех составных изображения — ничто не подчеркнуто, не смещено, не обладает прихотливой заостренностью.

Но и раньше этюда «Зимой», и одновременно с ним К. Коровин пишет полотна, построенные на совершенно иной системе выразительности. Эти, как их часто называют, «серебристые» портреты и пейзажи мастера всякий раз содержат особую живописно-поэтическую идею, которой здесь подчиняется все. Скажем, в портрете С. Н. Голицыной (1886) лицо молодой женщины нейтрально, а вот тончайшая вибрация бело-розовых оттенков платья, погруженных в прозрачную воздушную среду, создает ощущение весенней свежести, покоряющего обаяния. Чувственное впечатление, игра цвета явно преобладают в картине над фабулой, рассказом.

Или один из ранних шедевров Коровина — «Гаммерфест. Северное сияние». Очертания маленького норвежского порта, прибрежные дома, лодки на глади залива — все это лишь проступает сквозь зыбкое марево тумана, прорезанного таинственными вспышками сияния. Серые, зеленеющие, розовато-коричневые цветовые тона, при всем неисчислимом множестве оттенков, образуют прочное единство. Сохранена ли тут верность натуре? И да, и нет. Конечно же, мастер изображал реальное, непосредственно увиденное. Но он отыскал особый угол зрения на ландшафт, заботясь не столько о строгом сходстве с ним, сколько о поэтическом впечатлении. Его-то и воссоздает прежде всего и сложное соотношение красок, и движение теней, и узорчатый ритм линий. Потому-то зритель, глядя на картину, запоминает не просто экзотический вид Гаммерфеста — он проникается чувством загадочной красоты северной ночи, приобщается к чему-то неведомому, странному и бесконечному.

Точно так же строится образ в полотне «Летом» (1895). Выхваченная резко-белым, словно расплавленным в воздухе, солнечным лучом фигура жадно припавшей к кусту сирени молодой женщины полна прелести и обаяния. Нет, тут не следует отыскивать некую символику во врубелевском духе, сложный романтический «подтекст». Все на виду, все, так сказать, на поверхности полотна — и пронизанная жаром полдневного зноя зелень кустов, и раскаленный песок, и словно ставшее сгустком лучей светлое платье. Сверкающая, радостная музыка жизни! И воссоздана она прежде всего силой живописи, созвучиями красок, которые исходно увидены в натуре, но преобразованы и «аранжированы» до степени высокого поэтического образа.

Вот с какой живописно-артистической системой пришел в XX век К. Коровин. Она была глубоко национальна не только по основному кругу сюжетов и мотивов. Сами поиски «отрадного» (как говорил Валентин Серов), внутренней свободы, которая с какой-то обжигающей вольностью позволяет провидеть в повседневном и прозаическом красоту и человечность,— плоть от плоти общественной и духовной жизни России в начале нынешнего столетия. Не такими ли качествами отличается творчество Врубеля и Голубкиной, Блока и Бунина, Скрябина и Рахманинова? В одном ряду с ними оказался и Коровин.

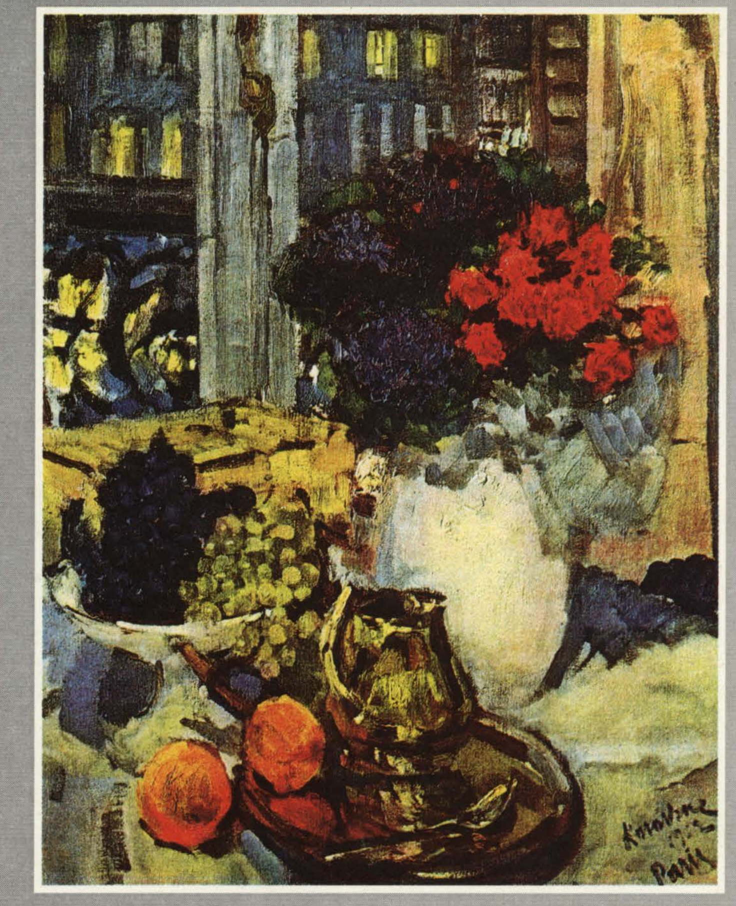
Бесспорно, техника и стилистика его полотен становится более изощренной и утонченной после ближайшего знакомства с работами французских импрессионистов. Но художник остался полностью верен своему ви́дению и жизневосприятию, воспитанному российской традицией. Взгляните на его парижские и крымские виды 1900 и 1910 годов, и вы без труда убедитесь в этом. Что представляют собой, например, его «Бульвары Капуцинок» 1906 и 1911 годов, «Итальянский бульвар» 1908 года из Третьяковской галереи? Ночной Париж и тут показан во всем своем несравненном великолепии. Сверкают и рассыпаются неверные, миражные огни, мигают рекламы, безостановочно мчатся пестрые людские толпы... Вечный, несмолкающий, будоражащий душу праздник жизни... И как по-русски врываются в эти сказочные феерии интонации грусти, утомления, «одиночества в толпе»! Автор ощущает себя посреди этого красочного ликования не столько самозабвенным участником, сколько восхищенным зрителем, который вдосталь полюбуется, насладится этим блистательным спектаклем да и отправится к себе домой, в свою далекую, успокоительную тишину.

Любопытно и примечательно, что все эти помеченные разными датами парижские «Бульвары» Коровина изображены им откуда-то сверху — с балкона,

что ли, с чердака или из мансардного окошечка. Так создается ощущение отдаленной и несколько чуждой панорамы. Это зрелище, а не среда привычного обитания. Но ни в одном из полотен парижского цикла головокружительный калейдоскоп не превращается в бесформенное месиво мазков. Всюду есть строгий конструктивный костяк, четко обозначенные остовы домов, пролеты улиц, деревьев. Стремительный вихрь чувства не теряет логической основы. И это тоже ясный отзвук национальных традиций мастерства.

Чуть поодаль от «Бульваров» в Третьяковке нередко висели «Кафе в Ялте» (1905), «На берегу моря в Крыму» (1909). Живописные приемы у «крымских» и «парижских» полотен близки: свободный, несколько небрежный разворот пространства в глубину, сложное сочетание раздельных, трепещущих мазков, вспыхивающие и замирающие блики цвета, мелькающие световые оттенки. Действие выносится на открытый воздух, на пленэр, все показывается быстро, намеком, с полуслова — что говорить, чистый импрессионизм! Но как изменчиво и неоднозначно употребляет его приемы Коровин! И в крымских видах особо ощутимо декоративное богатство изображения, фейерверки цвета, отточенный артистизм самого прикосновения кисти — мгновенного, но безукоризненно точного — к поверхности холста. Но если парижские пейзажи более всего напоминали ослепительные театральные мизансцены, то крымские кажутся

К. А. КОРОВИН.
ГУРЗУФ
1914.

НАТЮРМОРТ.
1912.

ГАММЕРФЕСТ. СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ. 1894—1895.

страницами из лирического дневника. Тут-то уж вовсе нет отстраненности, вчуже любующегося «взгляда из партера». Напротив, художник чувствует себя прямо сопричастным всему показанному, но без остатка погружается душой в эту приветливо улыбающуюся красоту летних дней, морского ветра, благоухающей зелени. «И дым отечества нам сладок и приятен...»

Импрессионизм, в том числе русский, научился проникать в неведомые ранее свойства натуры, извлекая из нее тончайшие красочно-пластические эффекты, которые тут же связывались с изменчивыми людскими настроениями и впечатлениями. Сложные философские конструкции, парадоксы и противоречия психологического порядка не были его стихией. Это, в частности, проявлялось в ограниченности портретных возможностей импрессионистов. Так и К. Коровин — в своих портретах он изображал, порой блистательно, лишь то, что, так сказать, «написано на лице» у человека. Такой концепционной силы, всесторонности и могущества характеров, которые встречаются на портретных полотнах его ближайшего друга Валентина Серова, у Коровина не встретишь. А во многих более поздних коровинских композициях («Гурзуф», 1914, «Веранда», 1916, «У окна», 1917 и других) люди просто сливаются с пейзажно-натюрмортной обстановкой, становятся их декоративными деталями.

Но зато сами-то пейзажи, натюрморты и интерьеры, не осложненные никакими дополнительными задачами, у Коровина в десятые годы — истинные шедевры. Примечательно, что именно в этот период все названные три жанра как бы сливаются, составляя некий новый видовой сплав. Своей поэзии радости жизни Коровин стремится придать как можно более широкое и масштабное звучание. Ради этого он изобретает и смело разрабатывает новый сюжетный принцип. Речь не идет о каких-то событиях, в которых так или иначе участвуют люди. В полотнах Коровина встречается иной тип сюжета. Например, в двух картинах с одинаковым названием «Розы» (1910 и 1911 годы) столики, на которых державно царствуют огромные букеты, буквально «всажены» в морские пейзажи. Вопреки всякой обычной житейской логике цветы становятся частью огромных водных просторов, вбирают в себя их голубизну и, напротив, отбрасывают красочные рефлексы на эти далеко разворачивающиеся пространства. Чем не сюжет?! Но это не лихая эксцентрика, а оригинальная метафора цветущего и благоухающего мира.

А сопоставление расставленных на столе кувшина с цветами, блюда с фруктами, кофейного прибора с мерцающим за окном волнующе-таинственным видом ночного Парижа («Натюрморт»)! Одно явственно переходит в другое, стена тает, словно исчезающая кулиса, зрелище становится единым и слитным. Так же, как и в «Розах и фиалках» 1912 года, «Сирени» 1915 года и других подобных полотнах, где интерьеры освещены отблесками пейзажей за окнами, в каком-то смысле объединяются и перекликаются с ними. В чем скрытая суть такого часто повторяемого Коровиным приема (и близких к нему композиционных «ходов»)? Несомненно, тут есть своего рода «подстановка», условная двойственность содержания. Домашние интерьеры и просто отдельные букеты, вазы

Продолжение на вкл. 3

РОЗЫ. 1912.

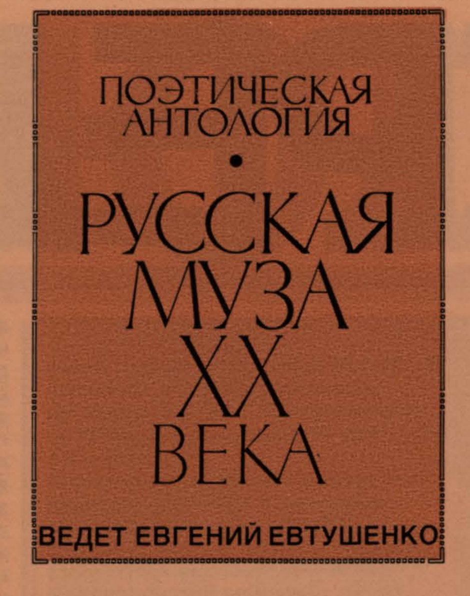
Наша страна входит в пору социальной зрелости. Один из показателей зрелости — собирательство всего нашего литературного наследия, включая и произведения, написанные в эмиграции. Такие публикации ничего общего не имеют со всеядным примиренчеством, с беспринципным всепрощением, с проскуринским оскорбительным термином «некрофилия». Одна из задач этой антологии — изучение истории через историю поэзии. А такое изучение невозможно без знания трагедии эмиграции. Ни редакция, ни составитель отнюдь не разделяют многих взглядов и позиций печатаемых в этом номере авторов, как это нам недобросовестно пытались приписать в случае с З. Гиппиус.
Десять разных человеческих судеб, но их объединяет одно — та самая душераздирающая тоска по родине, о которой писала Цветаева. Наиболее крупной фигурой из этих поэтов был, пожалуй, эссеист петербуржец Г. Адамович, ставший своего рода «законодателем мод» в литературном Париже. Надежда Александровна Лохвицкая, писавшая под псевдонимом Тэффи, еще до революции была одним из знаменитых фельетонистов аверченковского «Сатирикона». Раиса Блох — автор знаменитого стихотворения, исполнявшегося А. Вертинским, погибла в фашистском концлагере.
И. Елагин — представитель так называемой «второй волны» эмиграции, сын владивостокского поэта-футуриста В. Марта. После войны писал грубые стихотворные фельетоны политического характера. Затем резко отошел от газетной поденщины, занявшись преподаванием русской литературы в Питсбурге, США, серьезной работой над лирическими стихами, переводами американской классики. В отличие от Г. Струве и затем некоторых эмигрантов «третьей волны», с завистливой желчностью пытающихся дискредитировать современную русскую советскую поэзию, и Г. Адамович, и И. Елагин относились ко многим явлениям в ней с огромным вниманием и доброжелательством.

Георгий АДАМОВИЧ

1894—1972

* * *

Когда мы в Россию вернемся...
о, Гамлет восточный, когда?
Пешком, по размытым дорогам,
в стоградусные холода,
Без всяких коней и триумфов,
без всяких там кликов, пешком,
Но только наверное знать бы,
что вовремя мы добредем...
Больница. Когда мы в Россию...
колышется счастье в бреду,
Как будто «Коль славен» играют
в каком-то приморском саду,
Как будто сквозь белые стены,
в морозной предутренней мгле
Колышутся тонкие свечи
в морозном и спящем Кремле.
Когда мы... довольно, довольно.
Он болен, измучен и наг.
Над нами трехцветным позором
полощется нищенский флаг,
И слишком здесь пахнет эфиром,
и душно, и слишком тепло.
Когда мы в Россию вернемся...
но снегом ее замело.
Пора собираться. Светает.
Пора бы и двигаться в путь.
Две медных монеты на веки.
Скрещенные руки на грудь.

ТЭФФИ

1872—1952

ПЕРЕД КАРТОЙ РОССИИ

В чужой стране, в чужом старом
доме
На стене повешен ее портрет,
Ее, умершей, как нищенка,
на соломе,
В муках, которым имени нет.

Но здесь на портрете она вся,
как прежде,
Она богата, она молода,
Она в своей пышной зеленой
одежде,
В какой рисовали ее всегда.

На лик твой смотрю я, как на икону...
«Да святится имя твое, убиенная
Русь».

Одежду твою рукой тихо трону
И этой рукою перекрещусь.

Раиса БЛОХ

1901—1943

* * *

Принесла случайная молва
Милые, ненужные слова:
Летний Сад, Фонтанка и Нева.
Вы, слова залетные, куда?
Здесь шумят чужие города
И чужая плещется вода.
Вас не взять, не спрятать,
не прогнать.
Надо жить — не надо вспоминать,
Чтобы больно не было опять.
Не идти ведь по снегу к реке,
Пряча щеки в пензенском платке,
Рукавица в маминой руке.
Это было, было и прошло.
Что прошло, то вьюгой замело.
Оттого так пусто и светло.

Георгий РАЕВСКИЙ

1897—1962

* * *

Ты думаешь: в твое жилище
Судьба клюкой не постучит?..
И что тебе до этой нищей,
Что там, на улице, стоит!
Но грозной круговой порукой
Мы связаны и не дано
Одним томиться смертной мукой,
Другим пить радости вино.
Мы — те, кто падает и стонет,
И те, чье нынче торжество;
Мы — тот корабль, который тонет,
И тот, что потопил его.

Владимир КОРВИН-ПИОТРОВСКИЙ

1891—1966

* * *

Прощайте, ротмистр. Вы, бывало,
Внезапно изменясь в лице,
Любили мчаться где попало
На сумасшедшем жеребце.
Вы не вернетесь. У киоска,
Жуя табачные усы,
В плаще, заношенном до лоска,
Вы молча сверили часы.
А время, сроки нарушая,
Бежит, как горная река,
И кажется — рука большая
С водой смешала облака.
И кажется — в стремнине громкой,
Ломая в щепы тарантас,
Шальная лошадь иль Пегас,
Полуудавленный постромкой,
Глядит насмешливо на нас.

Дмитрий КЛЕНОВСКИЙ

1894—1972

* * *

Нас было двое. Женщина была
Веселой, молодой и рыжеватой,
Умела лгать и изменять могла,
Не быв притом ни разу виноватой.
Теперь она...— но нет,
мне легче с ней
На «ты»! — теперь ты все уже
забыла:
Как целовала с каждым днем
скучней,
Как мучила меня и как убила.
Нет, не сама, конечно!
Кто теперь
Сам убивает? Я отлично помню,
Как ты на выстрел распахнула
дверь
И кинулась ко мне, и как легко
мне
Внезапно стало: я в твоих глазах
Прочел все то, во что уже
не верил —
Недоумение, и боль, и страх,
И чувство горькой все-таки
потери.
...О, если бы из тишины моей,
Из моего прекрасного свершенья
Вернуться снова в ужас этих
дней,
Изведать снова все твое
презренье,
Всю ложь прикосновенья твоего
И как последнюю земную милость
Спустить курок — все только
для того,
Чтоб ты опять вот так ко мне
склонилась.

1956

Юрий ОДАРЧЕНКО

1890—1960

* * *

Фуражка, шпага и цветы,
Друзей за гробом много...
Но вот от нас уходишь ты —
Пуста твоя дорога.
С тобой ни шпаги, ни цветов,
В Крыму твоя фуражка...
И хор из русских голосов —
Излишняя поблажка.

Иван ЕЛАГИН

1918—1987

Знаю, не убьет меня злодей,
Где-нибудь впотьмах подкараулят,
А во имя чьих-нибудь идей
Мне затылок проломает пуля.

И расправу учинят, и суд
Надо мной какие-нибудь дяди,
И не просто схватят и убьют,
А прикончат идеалов ради.

Еще буду в луже я лежать,
Камни придорожные обнюхав,
А уже наступит благодать —
Благорастворение воздухов,

Изобилье всех плодов земных,
Благоденствие и справедливость,
То, чему я, будучи в живых,
Помешал, отчаянно противясь.

И тогда по музам мой собрат,
Что о правде сокрушаться любит,
Вспомнит и про щепки, что летят,
Вспомнит и про лес,
который рубят.

Анна ПРИСМАНОВА

1898—1960

СИРЕНА

В. Корвину-Пиотровскому

Старались мы сказать на сей
земле
о жажде и ее неутоленьи,
о крике скорби, рвущем нас
во мгле,
и остановленном в своем
стремленьи.

Но нам навстречу тянется в тиши
влекущий нас, призывный
и прощальный,
крик парохода, крик его души,
уже плывущей в сумрак
изначальный.

Вбираемый нутром и головой,
просачивающийся даже в ноги,
сей выспренний и допотопный
вой —
слияние покоя и тревоги.

Во мглу и в ночь уходит пароход.
Но стон сирены как бы замер
в оном.
Так рыцари в крестовый шли
поход,
напутствуемые церковным звоном.

И мы, душа моя, вот так,
точь-в-точь,
утратив до конца остаток спеси,
уйдем — вдвигаясь неотступно
в ночь,
немного взяв и ничего
не взвесив.

Сирена ждет нас на конце земли,
и знаю я — томленье в ней какое:
ей хочется и чтоб за нею шли,
и чтоб ее оставили в покое...

Так воет пароход, и воет тьма.
Противодействовать такому вою
не в силах я. Я, может быть, сама
в трубе такого парохода вою.

Александр ГИНГЕР

1897—1965

ИМЯ

Никогда я не буду героем
ни в гражданской войне,
ни в другой,
но зато малодушья не скрою
перед Богом и перед собой.

О бездонная горькая честность —
одинокая смелость моя!
Соблазнительная неуместность
нарциссического бытия...

Я люблю на меня не похожих:
пехотинца, месящего грязь,
и лубочного всадника тоже,
под шрапнелью держащего связь.

Но геройству не счесть
категорий:
сколько крови, и гноя, и слез,
горя женщин и детского горя,
седины... этот пепел волос!

Не солдат, кто других убивает,
но солдат, кто другими убит.
Только жертвенность путь очищает
и душе о душе говорит.

ПЕРЕДАТ

Лев Александрович Зильбер (1894—1966) — выдающийся советский ученый, академик АМН СССР, лауреат двух Государственных премий СССР. Под его руководством открыт вирус клещевого дальневосточного энцефалита, разработана оригинальная вирусо-генетическая теория происхождения опухолей, проведены основополагающие исследования в области иммунологии рака.

В нелегкой и неспокойной жизни ученого высокий романтизм первооткрывателя, оптимизм, успех и признание переплелись с трагическими событиями эпохи. В 1937 году сразу же после блестяще проведенной экспедиции на Дальний Восток, в небывало короткий срок установившей и вирус, и переносчик свирепствовавшего там энцефалита, Льва Александровича арестовали, обвинив во вредительстве в связи с им же сделанным открытием вируса, и приговорили к длительному заключению. Его имени не было в числе авторов открытия, сделанного им, и среди лауреатов Сталинской премии. В 1939 году при смене руководства НКВД Льва Александровича освобождают, и он сразу же публикует подробный научный отчет о дальневосточной экспедиции, подготовленный еще в 1937 году.

В конце 1940 года снова арест. Книгу рассыпают в наборе. Случайно сохранившийся экземпляр верстки помог восстановить и издать ее через несколько лет. Профессора Зильбера освобождают досрочно, в 1944 году, главным образом благодаря упорству и настойчивости его друга, нашего замечательного микробиолога Зинаиды Виссарионовны Ермольевой, создавшей в те военные годы отечественный пенициллин. В 1945—1946 годах выходит его книга «Эпидемические энцефалиты», которая приносит ему Сталинскую премию и избрание в только что созданную Академию медицинских наук СССР.

Лев Александрович редко вспоминал о годах заключения. Тем более ценна публикация его воспоминаний в «Огоньке», подготовленная его сыном Федором Львовичем Киселевым, доктором биологических наук.

А мы, его ученики, все, кто знал Льва Александровича и работал с ним, навсегда сохранили в памяти его образ — романтического и одухотворенного, страстного исследователя, человека бесстрашного, глубоко уверенного в торжестве справедливости.

Г. И. АБЕЛЕВ,
член-корреспондент АН СССР

Конвойный открыл дверь и приказал:

— Входи!

Я зашел в кабинет. Комиссар 2-го ранга сидел за столом лицом ко мне. Седеющий, начинающий полнеть, хорошо выбритый, он смотрел на меня ленивым, недовольным взглядом. Круглое лицо, безучастные выцветшие голубые глаза.

— Я прочел ваше заявление и не могу понять, чего вы хотите. У вас есть лаборатория, книги, что еще вам нужно?

Вынул портсигар, закурил, сердито бросил спичку в пепельницу.

— Вы осуждены по очень серьезным статьям, и вообще непонятно, почему вам дали возможность работать в лаборатории. Похоже, что вы не очень дорожите этим, если забрасываете нас заявлениями.

— Гражданин комиссар, дело совсем не во мне. Дело в результатах моей работы. Прошу вас понять, речь идет о страшной болезни, о раке.

— Сейчас война, и никого ваш рак не интересует. И что особенного вы сделали? Научились лечить рак?

— Война кончится, а от рака умирают и будут умирать немногим меньше, чем на войне. Я не научился лечить рак, но мои опыты показывают, что химические вещества, которые вызывают рак, на самом деле только способствуют истинной причине — вирусу — проявить свое действие подобно тому, как простуда способствует заболеванию туберкулезом. Когда будет ясна истинная причина рака, тогда легче будет найти средство для его лечения.

Я старался говорить медленно, убедительно. Комиссар смотрел на меня в упор. В этих блеклых голубых глазах не было никакого интереса ни ко мне, ни к тому, о чем я говорил.

— Все эти вещества,— продолжал я,— можно уподобить механизму, который взводит курок, но ведь убивает пуля, так и при раке — убивает вирус, а все, что считают причиной рака, дает вирусу возможность «выстрелить».

Сравнение было неточное, но я лихорадочно искал слова, привычные для этого человека. Мне показалось, что в его глазах промелькнула искорка интереса. Я продолжал уже более горячо и настойчиво:

— Самое интересное, гражданин комиссар, заключается в том, что вирус только начинает болезнь, он наследственно превращает нормальную клетку в опухолевую, а дальше опухоль растет без его участия. Больше того, в опухолевых клетках создаются неблагоприятные условия для существования вируса, и он исчезает из них. Трагедия ученых, которые искали вирусы в опухолях, заключается в том, что они искали их тогда, когда в большинстве случаев их в опухолях уже не было.

Комиссар задумался.

— Ну вот что. Напишите подробно, что вы там наделали, мы пошлем ваш отчет в наркомздрав.

У меня сжалось сердце.

— Я не сделаю этого, гражданин комиссар.

— То есть как не сделаете? — тон стал угрожающим.— Почему?

— В 1937 году, когда я и мои сотрудники открыли вирус дальневосточного энцефалита, а меня через несколько месяцев арестовали, мои подробные доклады наркомздраву послужили материалом для публикаций лицам, которые пытались присвоить себе открытие. Сейчас речь идет о научных данных, имеющих гораздо более крупное значение. Я не хочу повторения чего-либо подобного.

— А-а-а! Значит, ваши личные интересы, вашу научную амбицию вы ставите выше интересов советской науки! Конечно, от вас трудно было бы ожидать другого!

Глаза его горели презрением. Я понял — полная неудача.

— Нет, гражданин комиссар, совсем нет,— говорил я уже горячо.— Я прошу опубликовать результаты работы не под моей, а под какой-либо вымышленной фамилией, чтобы советские исследователи могли использовать эти данные и вместе с тем чтобы никто не мог их присвоить.

— Что же, может, опубликовать ваше «произведение» в «Известиях» или «Правде»?

Довольный своей шуткой, он нажал кнопку звонка. Вошел офицер. Небрежный взмах рукой в мою сторону:

— Взять, обратно.

* * *

На шарашке (так называли мы закрытую лабораторию, где работали) жизнь шла своим чередом. Нас было человек тридцать. Мы жили в двух комнатах. В одной маленькой помещалось три человека, в том числе и я, в другой — все остальные. Все почти исключительно химики или люди близкой специальности. Среди них было много больших специалистов, которые могли бы быть продуктивно использованы, особенно во время войны. Я попал в их компанию до некоторой степени случайно. Будучи в одном из северных лагерей, я узнал, что олений мох — ягель содержит много углеводов, и организовал производство дрожжей. Дрожжи были очень важным продуктом в наших условиях, главным источником витаминов. При подкожном введении они оказывали весьма благоприятное действие на тяжелые авитаминозы и дистрофии, в которых не было недостатка. Мои дрожжи спасли немало жизней. Затем я узнал, что из ягеля можно делать и спирт. В военных условиях это казалось целесообразным. Я написал начальнику довольно обстоятельную записку с соответствующими выкладками. Между тем подкожные инъекции дрожжей для лечения авитаминозов и дистрофий начали применять и в других лазаретах.

Работами заинтересовалось санитарное начальство лагеря, и по моему предложению был устроен съезд врачей лагеря, на котором в числе других вопросов обсуждался и вопрос о подкожном лечении дрожжами. Съезд происходил за Полярным кругом, очень оживленно и интересно.

После моего доклада меня вызвали к начальнику и сообщили, что на следующий день я должен ехать в Москву, ясно намекнули, что на пересмотр дела. Меня повез начальник одного из отделов управления лагеря. Учитывая состояние моего здоровья, мне дали для сопровождения сестру милосердия, которая работала санитарным инспектором нашего лагеря. Я хорошо знал ее. Очень милый и сердечный человек, она, случалось, присылала нам в «лабораторию» для «анализа» килограммов по десять — пятнадцать мяса, которое после промывания в марганцовке было более или менее пригодным для употребления. Все мы звали ее Зиночка.

Начальник отдела, который вез меня в Москву, был исключительно вежлив и корректен. Похоже, что меня везли не просто на пересмотр дела, а на пересмотр с явно благоприятным исходом.

Но в Москве ждало горькое разочарование. Начальник следственной части, к которому я был вызван по приезде, сказал совершенно категорически, что на ходатайство наркома здравоохранения о пересмотре дела отвечено отказом.

— Вам надеяться не на что,— прибавил он,— будете отбывать свой срок, полный, целиком!

Через пару дней меня вызвали и предложили работать в бактериологической лаборатории. Я отказался. Предложение повторяли еще дважды. Уговаривали, грозили. Я отказался категорически. Продержали две недели с уголовниками. Одного из них побил за кражу у меня масла. После этого отношения с ними наладились. Вызывали еще раз. Я опять отказался.

Тогда вспомнили о моем предложении производить спирт из ягеля и направили в химическую лабораторию для уточнения технологии производства. Так я очутился в химической шарашке. Но работать по использованию ягеля не пришлось — не было соответствующей аппаратуры и помощи, так как приданный мне инженер-винодел занимался главным образом писанием подробных отчетов начальству о всех наших разговорах, о чем я достоверно узнал, подложив хорошо маскированный лист копировальной бумаги к нему на стол.

Так я получил возможность работать

Л. А. Зильбер (справа) и известный французский ученый П. Грабар. Лондон. 1963 год.

Ь ЛЮДЯМ

по своей теме — проблемам рака. Быстро организовал лабораторию, получив оборудование из института, где раньше работал, и нужную иностранную литературу, что в то время для ученых на воле было сложно.

По особому разрешению мне можно было оставаться в лаборатории допоздна, чем я широко пользовался. В лагере я уже наладил научно-исследовательскую работу, но не хватало экспериментальных животных. Заключенные за табак ловили мне домашних и полевых мышей.

Лаборатории помещались, по-видимому, на каком-то химическом заводе в расстоянии семи — десяти минут ходьбы от корпуса, где мы жили. Когда конвойный водил нас туда и обратно, мы проходили мимо зенитной батареи, и несколько девушек-красноармейцев недоуменно смотрели на нас. Как-то одна из них обратилась ко мне:

— Дед, а дед, скажи, который час?

Неужели я уже выглядел дедом? Я не чувствовал себя стариком, ведь нет еще и пятидесяти. Голова полна идей, связанных с моей работой, казалось, я мог бы двигать горы, если бы мне дали свободу...

* * *

Теперь, вернувшись от комиссара, я впервые почувствовал себя стариком. На что еще можно надеяться? Позади троекратный арест, годы тюрьмы и лагеря. Особо тяжелые были два года, когда шло так называемое следствие, стоившее мне двух ребер, два заседания Военной коллегии Верховного суда с обвинениями по пяти статьям, из которых каждая грозила смертью. Для оптимизма мало оснований. Как и чем пробить эту стальную стену равнодушия и бессмысленности?

Припадки грудной жабы участились. Не хотелось больше работать. Сознание, что все сделанное мной никогда не увидит света, было мучительным. Ученый не может работать только «для себя». Во многих случаях работу двигает своеобразное «любопытство». Очень интересно узнать, как природа «сочинила» тот или другой процесс, каков его механизм. Но потребность сообщить познанное людям выше и сильнее этого «любопытства». И если для изучения нужна тишина лабораторий, то для научных сообщений нужна аудитория с шумом возражений, с беспокойством споров, разное видение одного и того же материала. Тишины у меня было сколько угодно, холодной, мертвящей. Ничего другого не было...

Не знаю, откуда и зачем, но у нас в лаборатории оказалась папиросная бумага, очень тонкая, высокого качества. Даже если писать на ней чернилами, они не расплывались. А карандашом можно было писать очень-очень мелко. Что, если попробовать написать на ней хотя бы основные результаты работы и передать на волю?

То была очень трудная работа. Не только потому, что приходилось писать микроскопическими буквочками, но и потому, что это нужно было делать так, чтобы решительно никто не видел, не только стража, которая ежеминутно наблюдала за нами через «глазок» в двери, но и другие работающие в лаборатории. Среди них был и мой инженер-винодел. Я вспомнил, как студентами мы хранили массу для гектографа, на котором печатались прокламации, в цветочных горшках. Масса наливалась на дно, покрывалась восковой бумагой, а сверху помещалась земля с цветами. Нечто подобное сделал и теперь. Папиросная бумага складывалась в пакетик из восковой бумаги и помещалась в студень очень темного (я прибавлял краску) агара-агара, который также был в лаборатории. Кончая работу, я всегда оставлял сосуд с агаром на самом видном месте.

С друзьями и коллегами академиком В. А. Энгельгардтом и академиком АМН СССР З. В. Ермольевой. 1928 год.

Труднее было найти возможность писать так, чтобы никто не видел. Работа шла очень медленно.

Папиросную бумагу, на которой я писал остро отточенным карандашом, приходилось часто складывать, запись на сгибах оказывалась испорченной, и не один раз все приходилось переделывать. Я торопился закончить к очередному свиданию с родственниками, которые были один раз в два-три месяца. Но как передать незаметно на свидании хотя бы и такую маленькую вещь, размером с пуговицу? На свидании всегда присутствовал один, а чаще два человека из соответствующего персонала. Они не только слушали, они внимательно смотрели. Обмануть их было почти невозможно.

Мне приходилось сидеть с уголовниками, в частности с карманными ворами. Все они, между прочим, замечательные слушатели. Они часами слушали, как я пересказывал им романы Дюма или Жюля Верна. Они делились со мной и тайнами своей «профессии».

— Самое главное,— говорил мне один парнишка лет восемнадцати,— отвлечь внимание, тогда он (обкрадываемый) как баран становится, не только кошелек из кармана вынешь, а и часы срежешь. Ничего не заметит.

Отвлечь внимание! Но как? Ведь нужно было отвлечь внимание только у охраны, а не у моих посетителей. Меня обычно посещали мой брат писатель Вениамин Александрович Каверин и давний и близкий друг Зинаида Виссарионовна Ермольева, которая организовала поистине титаническую борьбу за мое освобождение. Как, отвлекая внимание охраны, сделать внимание друзей еще более напряженным. Ведь для них это будет неожиданным.

Сделал четыре фигурки из хлеба. Пользуясь ими, разрабатывал всевозможные варианты, чтобы встать, заслоняя от наблюдавших правую или левую руку, или хотя бы кисть руки.

Наконец настал день свидания. К среднему и безымянному пальцам левой руки я приклеил «пуговицу» с рукописью. Быстро протекали положенные минуты свидания. Прощаясь, я стал левым боком ближе к Ермольевой. Один из наблюдателей оказался за моей спиной, другой — за ее спиной. Я уронил носовой платок, который был у меня в правой руке, и тут же вложил пуговицу в ладонь соседки. Ее ладонь закрылась, рука не дрогнула. Ермольева и Каверин вышли. Наблюдающий сам поднял мне платок, предварительно тщательно его осмотрев. Кажется, удалось!

Вернулся на шарашку счастливым. Рукопись была в верных руках. Рано или поздно она увидит свет...

* * *

...Освобождение пришло неожиданно. После тяжелого припадка грудной жабы меня положили в Бутырскую больницу. На пятый или шестой день вечером загремел засов, открылась дверь, и в камеру вошел... комиссар 2-го ранга, тот самый, у которого я недавно был. Зачем? Что ему еще нужно от меня? Волна беспокойства и тревоги заставила насторожиться до предела. Комиссар был большим начальством, полагалось встать. Но я продолжал лежать в постели и молчал. Комиссар сел на свободную кровать, стоящую у противоположной стены.

— Как ваше здоровье, профессор?

Ко мне так давно не обращались. Что это значит?

— Я чувствую себя хорошо. Почему это интересует вас?

Он пристально посмотрел на меня. В голубых глазах не было неприязни, скорее интерес.

— Вы, я вижу, здесь читаете.— Он перелистнул научный английский журнал, который я взял с собой из шарашки перед отправкой в больницу.— Прочли что-нибудь интересное?

— Для меня, да.

Я недоумевал. Комиссары 2-го ранга не ездят по тюрьмам, чтобы осведомиться о здоровье заключенного или узнать, что он читает. Что ему от меня нужно? Одно за другим, самые невероятные предположения проносились в мозгу. Я напрягся, как заведенная до отказа стальная пружина.

— Вот что я хочу сказать вам, профессор, только, пожалуйста, не волнуйтесь, все будет теперь хорошо. Ведь жить у нас вам, наверное, надоело, не правда ли?

Мне показалось, что комиссар просто издевается надо мной, разыгрывает комедию.

— Пожалуйста, не волнуйтесь, профессор,— продолжал он.— Я приехал сказать вам, что вы можете ехать домой, да, домой.

Я не верил ни одному его слову. Старался понять, что это за непонятная игра. Может быть, я для чего-то срочно понадобился?

Лежал, укрытый одеялом, и молчал.

— Я говорю вам совершенно определенно — вы будете освобождены. Вызовите сюда дежурного врача,— обратился комиссар к конвойному, вместе с которым вошел в камеру.

Не прошло и минуты, как вошла женщина-врач. Ясно, она была предупреждена и находилась где-то рядом.

— Каково состояние заключенного? Могу я его у вас забрать? — обратился комиссар к врачу.

— Да, состояние удовлетворительное, можно взять.

Женщина-врач даже не посмотрела на меня.

— Прикажите, чтобы принесли его одежду.

Доктор и конвойный вышли.

Комиссар вновь сел на противоположную кровать.

— Ну что же, скоро поедем. Я не вижу, профессор, чтобы вы были рады.

— Жизнь «у вас» научила меня не радоваться преждевременно. Может быть, покажете мне распоряжение о моем освобождении?

Комиссар улыбнулся.

— Не беспокойтесь, все будет в порядке.

Принесли одежду. Я встал. Немного кружилась голова. Неотступно сверлила мысль: что же это все-таки значит?

Вышли в коридор. Вдоль камер беззвучно ходили часовые, заглядывая в «глазки». Они становились во фрунт, когда мы проходили мимо, и отдавали честь комиссару. Мне стало весело. Никогда не думал, что буду ходить по этим знакомым коридорам под таким почетным эскортом. Но что дальше? Спустились на первый этаж. Зашли в какую-то комнату канцелярского типа.

— Подождите меня здесь. Я зайду к начальнику тюрьмы и сейчас же вернусь.

Я остался один. Конвоя не было. Посмотрел в окно. Оно было зарешечено, но железного щита, который позволял видеть только клочок неба, как в камерах, на нем не было. Наступила ночь.

Сел на стул и попытался еще раз разобраться в происходящем. У меня был уже двукратный опыт «освобождения». Я твердо знал, что освобождают, давая на руки, после довольно длительной процедуры, во-первых, соответствующий документ, во-вторых, личные вещи. Ни того, ни другого мне не давали. Следовательно, это не освобождение. Но что же? Оставалось ждать.

Комиссар вернулся, и мы пошли с ним к выходу из тюрьмы. Стража взяла под козырек, прогремели засовы, открылись громадные, звенящие железом двери, и мы очутились в ярко освещенном дворе.

Подъехала большая черная лакированная машина. На переднем сиденье рядом с шофером сидел офицер. Комиссар открыл заднюю дверь и пригласил меня войти, сел рядом. Машина тронулась. Громадные стальные ворота раздвинулись, и Москва приняла нас в свои родные улицы.

* * *

— Куда вас отвезти, профессор?

«Дома» у меня не было: жена и дети оказались в немецком плену, и я не знал, живы ли они, квартира была занята. Все это было известно еще в лагере из писем друзей. Что же сказать?

— Везите меня на Сивцев Вражек, к профессору Ермольевой.

— Какой точный адрес?

Машина остановилась у подъезда, где жила Ермольева. Комиссар приказал офицеру подняться в квартиру Ермольевой и передать ей, что я внизу и прошу ее спуститься к машине. Я похолодел. Зинаиду Виссарионовну заманивают в машину, может быть, хотят арестовать!

— Но, позвольте,— почти закричал я,— я вовсе не прошу ее спуститься вниз!

Не обращая на меня внимания, офицер вышел из машины, хлопнула дверь в подъезде...

Комиссар сидел справа от меня, ближе к подъезду, офицер был где-то на лестнице, документов у меня не было. Нет, прорваться к Ермольевой невозможно, с горечью подумал я.

Офицер вернулся.

— Ермольева,— доложил он комиссару,— не открывает дверь.— Требует, чтобы явился сам профессор или представитель домоуправления. Я просил, убеждал, но безуспешно.

— Придется вам идти самому.— Комиссар был явно недоволен.— Желаю здоровья и успеха. Не поминайте лихом. Проводите профессора,— обратился он к офицеру.

Я вышел из машины вместе с сопровождающим и поднялся на третий этаж.

Вся квартира была в страшном волнении. Все были на ногах, хотя наступил уже первый час ночи.

— Ваши документы и вещи вам привезут через несколько дней,— предупредил офицер.— Если в течение этого времени вас будет беспокоить милиция или домоуправление, звоните нам. Вот наш телефон.

Он откозырял и ушел. Я выскочил на лестницу и посмотрел в окно. Машина медленно отъезжала от дома. Непонятная слабость охватила меня. Трудно было даже двигаться.

Потом Зинаида Виссарионовна рассказала мне, что утром мать моей жены передала в Кремль письмо виднейших ученых страны, адресованное Сталину. Первыми его подписали ныне покойные главный хирург Красной Армии академик Н. Н. Бурденко и вице-президент Академии наук Л. А. Орбели. В письме они выражали уверенность в моей невиновности, указывали на значение моих работ и просили Сталина о пересмотре дела. Этот акт требовал немалого мужества. Поразительна была быстрота реакции. Письмо передали в Кремль в десять часов утра первого марта, а в тот день в первом часу ночи меня освободили. На следующий день привезли мои вещи. В полном порядке оказались записи, протоколы опытов, копии заявлений.

Седьмого марта я получил справку об освобождении, из коей явствовало, что я освобожден решением Особого Совещания от 6 марта (!) 1944 года. Все это укрепило меня в мысли, что Сталин лично распорядился о моем освобождении. Однако много лет спустя я узнал, что это не так. Письмо столь видных ученых произвело переполох в руководящих кругах тогдашнего КГБ. Не знали, вероятно, как будет реагировать на него И. В. Сталин: а вдруг им достанется за арест? Вот и решили освободить, не передавая письмо Сталину. Эту версию сообщил мне потом один из военных прокуроров, близко знакомый с моим делом.

Через несколько дней я получил обратно свою квартиру. В ней жила Т. М. Дворецкая, моя лаборантка, которая за время моего отсутствия сделалась заместителем директора института по административной части. Все было в полном порядке, книги, вещи. В буфете нашел наполовину опорожненную бутылку коньяка. Я помнил эту бутылку. Арест помешал ее прикончить четыре года назад. Как мог уцелеть коньяк, да еще в военное время?

— Да ведь мы все время ждали вас,— сказала Татьяна Михайловна.— Берегли, чтобы выпить за ваше освобождение.

Я остался один в четырех стенах. Поминутно натыкался на вещи жены, на игрушки детей. Где они? Живы ли?

* * *

Мой первый визит, не считая, конечно, друзей, был к народному комиссару здравоохранения. Г. А. Митерев принял меня ласково, почти дружески, и в этой теплоте чувствовались искренность, горячее желание помочь. Я сидел у него долго и, конечно, подробно рассказал о своей работе по раку. Он внимательно слушал, спрашивал о деталях. Потом рассказал об организации Академии медицинских наук.

— Вот видите, война еще не окончилась, а мы строим уже мирную жизнь.

— А ведь, пожалуй, рак-то будет одной из самых важных проблем, которыми займутся в Академии,— продолжал он.— А что, если бы вам написать подвал для «Известий» или «Правды» о своих опытах? А? Это было бы очень полезно. А кроме того, все узнали бы, что вы пишете ... в центральных газетах. Это радость не только для меня.

Вскоре газета «Известия» напечатала мою статью «Новое в учении о раке», где были изложены и мои тюремные эксперименты.

Прошло около двух недель. Я работал в лаборатории. И вдруг телефонный звонок того самого комиссара, что вошел в мою судьбу.

— Я понимаю, что вам не очень приятно приезжать к нам.— В его голосе звучала теперь умоляющая нотка.— Но, уверяю, речь идет о небольшой научной консультации. Я пришлю машину. Когда вам удобнее приехать?

Оказывается, у него жена заболела раком... Комиссар хотел узнать, нет ли каких-либо новых средств лечения. Я рассказал все, что знал, словом, мало утешительного. До лечения этой страшной болезни было очень далеко...

* * *

В 1962 году в Москве проходил VIII Международный онкологический конгресс. Мне пришлось на нем читать лекцию о роли вирусов в происхождении рака. В основу лекции была положена та же старая теория, родившаяся в тюремных стенах. За 18 лет она обросла большим экспериментальным материалом, получила прямые и косвенные подтверждения. Актовый зал университета был переполнен. На лекции присутствовали ученые многих стран. В одном из передних рядов я заметил военного, который уж очень бурно аплодировал. Да, да. Это был он, комиссар...

Борис ТУМАНОВ

НЕ ПО

Лет пятнадцать назад, когда мы и не подозревали, что живем в эпоху застоя, пришел ко мне мой старый университетский знакомый — тогда еще только талантливый, а теперь еще и признанный театральный режиссер — и, апеллируя к моему опыту африканиста-практика, попросил проконсультировать заявку на киносценарий, составленную одним талантливым ленинградским кинорежиссером. Сразу оговорюсь: в приведенных мною оценках нет ни грамма иронии по отношению к обоим упомянутым режиссерам. Они действительно талантливые люди. Подчеркиваю же я это обстоятельство лишь для того, чтобы рельефней очертить проблему, о которой поведу речь.

По мере того, как я углублялся в предложенное чтение, во мне росло отчетливое подозрение, что я попался на розыгрыш. «Все ясно,— думал я,— расчет тут сделан на то, что ты примешь эту пародию за настоящий профессиональный замысел фильма и начнешь всерьез высказывать свои рекомендации и замечания. Тут-то над тобой и посмеются со всем твоим африканским опытом...» Соображая, как бы поудачнее парировать грядущие шпильки, я опасливо взглянул на своего приятеля и, честно говоря, окончательно потерял почву под ногами, поняв по смиренно-уважительному выражению его лица, что он самым благонамеренным образом мается в ожидании моего вердикта.

Схема будущего сценария в упрощенном, но абсолютно точном пересказе представляла собой следующее. Советский геолог Саша любит советскую циркачку. Маша выступает в цирке с дрессированным слоном Петей. Саша ищет полезные ископаемые в труднодоступных районах наших необъятных просторов. Понятно, что в таких условиях влюбленные видятся очень редко, и это служит источником постоянных, но в общем-то безобидных конфликтов между ними. Серьезный кризис в их отношениях наступает, когда Саша, руководствуясь самыми высокими побуждениями, обрекает себя и Машу на двух- или трехлетнюю разлуку, приняв предложение поработать в одной из африканских стран. Предстоящий отъезд Саши приводит к разрыву между молодыми людьми. Оба невыносимо страдают, но ничего не поделаешь.

Затем действие переносится в Африку. Саша успел обнаружить в местных джунглях массу полезной ископаемой всячины и продолжает поиски. Это вызывает злобу в определенных кругах Запада. Тем временем далекая Маша в составе советской цирковой труппы приезжает со слоном Петей на гастроли в столицу того самого африканского государства, где трудится Саша. При этом Маша даже не подозревает, что ее возлюбленный находится где-то совсем рядом. Не подозревает она также и того, что ее ручной слон Петя родом как раз из этих мест.

И вот кульминация. На какой-то там день триумфальнейших гастролей слон Петя, подчиняясь зову родных джунглей, сбегает из цирка. В то же самое время наемники совершают нападение на лагерь наших геологов. Саше удается бежать в джунгли. Несколько дней он бродит по тропическому лесу, страдая от голода, жары и укусов всякой экзотической нечисти, пока не падает без сознания в каком-то совсем гиблом месте. Не лучше обстоят дела и у Маши, трезво понимающей, что слон Петя для нее безвозвратно потерян, а вместе с ним и дело ее жизни.

Дальше все идет как положено. Вы догадываетесь, конечно, что слон Петя, ностальгически блуждая по родным джунглям, случайно натыкается на погибающего Сашу, узнает в нем человека, кормившего его морковкой в далекой заснеженной России, и, победив в себе эгоистические инстинкты, доставляет Сашу прямо в объятия Маши.

В этом пересказе, повторяю, нет никакой отсебятины, хотя и понимаю, что в это трудно поверить. И тем не менее сегодня я испытываю задним числом неловкость и даже корю себя за тот самодовольный пыл, с которым я громил эту заявку. А громил я ее, как вы догадываетесь, за полный отрыв от реальности, за пародийную надуманность, за лубковую примитивность и за многое другое. Помнится, я даже ввернул что-то насчет «неуважения к будущему зрителю».

Между тем авторы заявки к будущему зрителю относились с уважением. Хотя бы потому, что добросовестно следовали тому набору фактов, который в те времена, да и сегодня, пожалуй, тоже официально представлял у нас африканские реалии. Оставим в стороне вечный, общепризнанный и не нуждающийся в подтверждении факт наличия слонов в Африке. Что же мог почерпнуть в нашей печати в дополнение к этим сведениям сценарист, обратившийся к африканской теме? Практически то, что было известно из газет любому потенциальному зрителю: мы помогаем освободившейся Африке (геологи, инженеры, преподаватели,

Борис Григорьевич Туманов, журналист-международник, родился в 1938 году. Окончил факультет журналистики МГУ. В качестве собственного корреспондента «Известий» и ТАСС работал в Народной Республике Конго, в Заире, в Мавритании, побывал во многих других странах африканского континента. Автор ряда очерков и публицистических статей на международные темы.

В настоящее время работает заместителем начальника Управления внешних сношений ТАСС.

...УЧАТЬ В НЕЗНАНИИ

врачи), африканцы получили возможность знакомиться с советским искусством (здесь с успехом прошли гастроли советской цирковой — эстрадной, фольклорной — группы), неоколониалисты не унимаются (наемники, заговоры, перевороты и т. п.).

Нет, я вовсе не пытаюсь иронизировать. Все правильно. Мы действительно помогали и помогаем освободившейся Африке. Африканский зритель действительно имеет возможность знакомиться с советским искусством. Заговоры против молодых африканских государств, наемники, используемые Западом в Африке с подрывными целями,— это тоже реальность. Все дело в том, что эти абсолютно достоверные факты и явления соотносились с подлинной Африкой и с комплексом африканских реалий так же, как соотносится с океанским простором надводная цель, выхваченная круглым глазом перископа.

Африка здесь, разумеется, не больше чем пример. «Перископный» взгляд на внешний мир — это общее явление, характеризующее ту дидактически-пропагандистскую, иллюстративную концепцию международной информации, которая бытовала у нас с незапамятных времен. Это сегодня гласность начинает открывать перед нами калейдоскопический круговорот хрупкого всемирного равновесия, сложную, противоречивую, часто парадоксальную соподчиненность земных деяний и идей. Еще вчера мы даже сами себя познавали через умозрительные муляжи очередной установки.

Мы еще только-только начинаем отвыкать от аксиоматичности нашего мышления, собственных представлений о самих себе и о внешнем мире. Административно рожденный суррогат единомыслия, единодушия и единогласия, долгие годы заменявший нам собственное мнение и превращавший наши личные убеждения в нечто массово-оптовое, привел к своего рода атрофии любознательности, умения анализировать, умения диалектически мыслить. В этих условиях подлинное знание было просто не нужно. Психология международного противостояния придавала этой ненужности ореол государственного интереса. И в конце концов мы постигла изнеженность незнания или полузнания...

Это та самая изнеженность, которая делает сегодня непереносимой для многих из нас правду о самих себе. Это та самая изнеженность, которая у некоторых предполагает твердость убеждений лишь при условии нашей абсолютной, постоянной правоты и первенства во всем. Это та самая изнеженность, которая заставляла нас попросту отбрасывать все, что не укладывалось в рамки наших представлений о мире либо опровергало их.

В Третьяковской галерее в разделе советской живописи до недавних пор висела картина Ф. Решетникова, которая называлась, если не ошибаюсь, «За мир». Она изображает французского мальчугана, украдкой выводящего масляной краской слово «мир» на стене дома в каком-то парижском квартале. А за углом здания, в конце переулка, маячат зловещие, эсэсовского обличья фигуры полицейских. Короче, к реальности эта картина имела такое же отношение, что и святочный рассказ. «Шел по улице малютка, посинел и весь дрожал...» Помните?

А ведь писана-то эта картина с натуры. Точнее, с того, что в те времена было назначено натурой,— с газетных заметок о происках поджигателей войны и об антивоенном движении в Западной Европе.

Формирование полноценной гражданской позиции, гражданской убежденности, способности к автономному активному мышлению невозможно в тех условиях полуизоляции от внешнего мира, которые только сейчас начинают меняться для нашего общества. Понятие исторического спора между двумя социально-политическими системами нельзя было чисто этимологически сводить к понятию перебранки — кто кого удачнее «срежет», кто даст наиболее «достойный отпор» оппоненту. Кое-кто и сейчас считает, что перестройку в наших взаимоотношениях с внешним миром можно свести к повышению качества дискуссий с тамошними оппонентами. Глубочайшее заблуждение!

Пробудившаяся и растущая гражданская активность советских людей является прямым результатом гласности, то есть познания самих себя, своего общества, своей реальности. Этот процесс неразделим — не может, не должно быть гласности внутренней и гласности внешней. Процесс познания един.

Чиновничье мышление эту истину отвергает. Бюрократ просто инстинктивно разгораживает огромный, просторный зал объективной действительности на множество комнатушек, чуланчиков, каморок, навешивает на них амбарные замки и отпирает их выборочно и только тогда, когда считает, что ему лично это выгодно. Объективное существование вещей, фактов, явлений опасно для него, поскольку ему неподвластно.

Даже географическую истину чиновник норовит приспособить к своим интересам. «Что вы мне тычете в глаза этой Японией! Подумаешь — безотходное производство, экономия сырья, снижение энергоемкости... Да они такими экономными не от хорошей жизни стали — у них своего-то сырья и в помине нет. А у нас где ни копни — так полезное ископаемое. Вы не равняйте!» Или: «Что? Нерационально, говорите, используем природные ресурсы? Истощаются, говорите, наши сырьевые запасы? Ну и что? Вон, смотрите, Япония — вообще ничего не имела и не имеет, на привозном сырье всю жизнь живет. А ведь как живет!»

Вот уже многие десятилетия мы исповедуем все тот же валово-оптовый принцип в познании реалий внешнего мира. Поневоле поверишь в то, что экономика распространяет свое влияние на все без исключения сферы жизни. Сложнейшая живая ткань западного общества — да, противостоящего нам, да, исповедующего иные принципы политической и экономической морали, да, иногда открыто враждебного нам, но, кроме того, и прежде всего тесно связанного с нами приоритетами общечеловеческих интересов,— долгое время была представлена в нашем общественном сознании подобием соломенного чучела, на котором мы упражнялись в приемах штыкового боя. Чучела не горюют и не радуются, не нянчат детей, не занимают денег у соседей, не имеют убеждений, национальной психологии, патриотизма, принципов, привычек, друзей, они не читают, не мыслят, не страдают, у них нет понятий о чести и совести, о добре и зле, они не сострадают ближнему, не любят, не ненавидят, не мечтают, не заблуждаются и много чего еще не делают.

Сон разума порождает чудовищ. Сон гражданской мысли порождает внешне вполне благообразных бюрократов, чья лучезарно-безмятежная некомпетентность пострашнее, однако, иных монстров. Бюрократу некогда и незачем копаться в нюансах всемирного бытия. Карьера не ждет. Поэтому он во всем ищет суть. Выглядит это очень по-марксистски: дойти до сути явления, проблемы. На самом же деле бюрократ вылущивает из переплетения противоречивых явлений бытия наиболее доступный его пониманию факт и превращает его в незатейливый, но универсальный постулат. Это с его легкой руки внешний мир упрощен до «звериного оскала империализма» и «широких масс трудящихся».

Несколько лет назад, бывая за границей, я с горечью видел, как постепенно тускнеет, меркнет обаяние нашей революции даже в глазах наших искренних друзей, как некогда полное спокойного достоинства поведение моих соотечественников сменялось каким-то нервным чванством, едва скрывавшим комплекс неполноценности, вызванный жадным благоговением перед материальной культурой Запада; обладание объедками этой культуры в пределах отечественных становилось признаком избранности, и, странным образом сделавшись в годы застоя достоянием избранных, знание тоже стало чем-то вроде модного дефицита, бесплодным атрибутом престижных должностей.

Рядовой потребитель информации питался официальными суррогатами реальности. Сама же реальность была вытеснена в подполье общественной жизни: в анекдоты, сплетни, слухи. Правда, время от времени ответственные товарищи из ответственных учреждений с невозмутимыми лицами авгуров выступали перед «закрытыми аудиториями», сообщая слушателям с каким-то брезгливым удовольствием ошеломляющие цифры и факты наших неудач и провалов в экономике либо меланхолично повествуя о полной бесперспективности надежд на нормализацию международной обстановки. Эти сообщения поначалу вселяли в аудиторию тревожную энергию, требовавшую действий. Ожидали, вот-вот оратор скажет: «Так больше продолжаться не может. С сегодняшнего дня будем действовать по-другому». Думали: раз там, наверху, знают, что все так плохо, значит, не могут не искать выхода. Надеялись: раз нам все это рассказывают, то не для того же, чтобы просто потешить наше любопытство. Значит, ждут от нас чего-то, какого-то действия.

Ответственные ораторы ограничивались констатацией фактов и величаво удалялись с трибун. Они не предлагали никаких решений и никуда не звали. То была имитация гласности. И постепенно гражданская тревога за судьбы страны стала сменяться в аудиториях восторгом от чувства приобщенности к «закрытой» информации, а потом и вовсе превратилась в какой-то забубенный мазохизм.

Информация, честно и глубоко отражающая объективную реальность, становилась раздражающе обременительной. Она не находила практического применения. Нет, она, конечно же, существовала в некоторых социально-политических нишах нашего общества, но пользы от нее было столько же, сколько и от известных манипуляций ослика Иа с пустым горшком и лопнувшим воздушным шариком.

Наше общество смотрелось не в зеркало, а в розовощекие плакаты. Внешний мир представлялся нам причудливым сочетанием учебника географии, каталогов западных ширпотребных фирм и перечня козней и социальных язв империализма. Растущее число командируемых за границу советских граждан создавало впечатление, что мы полностью освоились во внешнем мире, оставив далеко позади процесс его всестороннего познания. Но это тоже было имитацией компетентности. Знание парижских улиц возводилось в приобщение к французской культуре. Умение обращаться со стереосистемой «Шарп» и палочками для еды считалось признаком тонкого знания японского быта. Торопливо снятые за границей фильмы, где кадры с долгими прогулками героини на подножке лондонского автобуса и снисходительно-небрежной трехминутной импровизацией угасающей французской кинозвезды играют роль оправдательных документов для бухгалтерии, претендовали на «анатомическое исследование природы международного терроризма». Умение складно пересказать содержание статьи из «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», стоя на фоне миллиардерского особняка где-нибудь в окрестностях Нью-Йорка, считалось эталоном политического памфлета...

Парадоксальное порождение периода застоя — профессионализм торжествующего дилетантства.

В силу известных причин наша международная журналистика была поставлена в куда более жесткие рамки, нежели журналистика внутренняя, и это привело к неожиданным результатам. Заданность темы, заданность аргументации, заданность выводов с неизменной здравицей в честь любых наших действий во внешнем мире и столь же неизменным развенчанием практически любых действий наших идеологических противников, конечно же, оставляли крайне мало простора для полноценного анализа и осмысления окружающей действительности, конечно же, били по творческому самолюбию международников. Но, с другой стороны, их положение не было лишено и своеобразного психологического и даже физического комфорта. Нет, я имею в виду вовсе не комфорт заграничной жизни. Речь совсем о другом. Во-первых, это положение избавляло от необходимости самостоятельного, кропотливого и ответственного анализа, который, того и гляди, мог войти в противоречие с ортодоксальными на данный момент установками. Во-вторых, оно избавляло от сопряженной с этим анализом необходимости постоянного и напряженного поиска источников информации. В-третьих, в отличие от «домашней» журналистики эта

положение практически полностью исключало опасность опровержений, жалоб, обвинений в клевете и возможных оргвыводов. В-четвертых, жесткость требований, предъявляемых к политической информации, с лихвой компенсировалась самым широким простором для фантазии в области факультативных занятий — очерки, путевые дневники, публицистические книги и даже повести, пьесы и романы. И тут гарантией комфортабельной безнаказанности любой натяжки, любой халтуры и даже любой выдумки служит вполне обоснованная уверенность в том, что рядовой советский читатель практически никогда не сможет поймать автора за руку. Это — жестокое обвинение, и я никогда не стал бы высказывать его без достаточных на то оснований.

Я знаю коллегу, который, не владея ни одним из иностранных языков, бойко пересказывал содержание своих победоносных споров с католическим священником на темы общечеловеческой нравственности; я знаю коллегу, живо описывавшего опасливые (с оглядкой на ФБР, разумеется) признания «одного американского журналиста», в уста которого он вложил хвалебный отзыв о нашей политике, опубликованный утром в местной газете; знаю коллегу, который, не разобравшись в названии киншасской площади и перепутав фамилию лейтенанта Браконье с браконьерами, с серьезным видом излагал «рассказанную старожилом Муломбе историю о том, что на этой площади в старину браконьеры продавали мясо убитых ими зверей. Так и пошло с тех пор — площадь Браконьеров».

Предвосхищая возможные протесты против «огульных обобщений» и пр., я столь же истово могу утверждать, что мне известны также многие коллеги-международники, свято соблюдающие правила профессиональной этики. Но не будем заниматься арифметикой. Вышеприведенные примеры интересуют меня в той степени, в какой они представляют собой побочное, но достаточно типичное следствие явления общего порядка — поверхностности нашей международной журналистики. Пространственно-объемная, многомерная, находящаяся в постоянной эволюции система координат современного мира, являющаяся одним из важнейших критериев объективного самоощущения и общества, и личности, выглядела и все еще выглядит на страницах и на экранах наших средств массовой информации как обыкновенная двухмерная диаграмма.

Современный облик нашей международной журналистики берет свои истоки на рубеже пятидесятых — шестидесятых годов, когда потепление наших отношений с Западом вызвало бум в области информационного освоения внешнего мира и колоссальный спрос на журналистов-международников. Мы открывали для себя целые континенты, обживались в новых корпунктах за десятки тысяч километров от Москвы, смаковали экзотические названия городов, ранее вообще не появлявшихся на страницах нашей прессы, и с энтузиазмом описывали открывающийся перед нами мир, не подозревая, что занимаемся, по существу, разновидностью туризма. Мы гонялись не за информацией, а за впечатлениями.

Свежесть зарубежных впечатлений — вот что было тогда нашим профессиональным методом. Очень ценилась форма. Талантливый наш журналист, начиная работу собкором в Лондоне, прислал, помнится, представительскую статью, в которой банальные в общем-то истины были остроумно и изящно изложены в виде этакого венка сонетов — последняя фраза предыдущего абзаца начинала абзац следующий, а заключительная фраза возвращала читателя к первой строчке статьи.

Социально-политический анализ зарубежной действительности оставался для нас чем-то вроде обязательных фигур из одиночного катания. Кто-то из нас справлялся со «школой» лучше, кто-то — зануднее, но все мы оставались в невидимых рамках «ведомственной журналистики», изобиловавшей всякого рода табу.

Мы прославляли гибкость и реалистичность нашей дипломатической школы, а наши дипломаты приобретали во внешнем мире прочную репутацию «мистеров «Нет». На протяжении многих лет мы с восторгом повторяли банально-корректный отзыв западных коммерсантов о своих советских партнерах: «О, русские упорно торгуются, но зато в поставках и платежах на них можно положиться»,— даже не предполагая, что эта неизменная формула просто вежливо отказывает нашим внешнеторговым работникам в таких первейших качествах коммерсанта, как предприимчивость, умение рисковать и умение предвидеть конъюнктуру рынка. Мы умиленно воспевали рост наших доходов в валюте, не замечая сильнейшего запаха нефти, которой эта валюта пропахла. Мы писали о наших специалистах в Африке, и мы писали о наемниках в Африке, но так, как будто те и другие находились на разных планетах. А когда действительность трагически сводила их вместе, мы сообщали об этом почти четыре года спустя.

Нам нельзя было волновать советских людей. «Что они подумают, когда узнают?» Точно так же нашей внутренней журналистике нельзя было волновать заграницу. «Что они скажут, когда узнают?»

Вообще — и это гораздо серьезнее, чем нам кажется,— иногда создается впечатление, что нас поразило какое-то повальное любопытство к тому, что о нас скажут. Не что мы есть на самом деле, в реальности, а что о нас скажут. И как мы сами о себе скажем.

Психология показухи заставляла нас буквально гоняться за откликами и отзывами. Иногда дело доходило до абсурда: достаточно было какой-нибудь западной газете, гордящейся своей стойкой репутацией борца против коммунизма и считающейся у нас воплощенным свидетельством лживости буржуазной прессы, проронить нечаянно слово недоуменной похвалы, скажем, московскому метро, как она тиражированно цитировалась у нас в качестве объективного и мудрого мнения...

У этого нашего любопытства есть последствия и посерьезнее. В конце шестидесятых годов тогдашний конголезский министр лесного хозяйства Шарль Да Коста, человек, далекий от политики и от сверхреволюционных порывов, модных в то время в Конго, но весьма компетентный в своей области, съездив в Москву, говорил мне с полунасмешливым удивлением: «У меня сложилось впечатление, что ваши функционеры уж очень политизированы. Вы ведь знаете, я очень далек от марксизма, да и в отношении африканского социализма у меня есть сомнения... Но, будучи в Москве, я уловил одну закономерность и очень эффективно пользовался ею в контактах с вашими представителями. Они прямо-таки ждут со стороны таких визитеров, как я, совершенно определенных оценок вашей страны и ее роли в мире, и я сам видел, как меняется к лучшему атмосфера переговоров и отношение к вам собеседника, если сказать ему, что «Октябрьская революция открыла новую эру в истории человечества», что «победа Советского Союза над фашизмом привела к полному развалу колониальной системы» и что... погодите, сейчас вспомню, ... да, и что «Советский Союз является оплотом борьбы развивающихся стран против неоколониализма»... После таких заявлений настороженность наших советских собеседников исчезала, и нам удавалось получить больше того, что мы ожидали. Я, может быть, немного утрирую, но вопрос для меня остается тем же: из чего же все-таки исходили ваши должностные лица — из объективных требований советской политики в Конго или из моего личного отношения к вашей стране?»

Шли годы. Растущая когорта наших журналистов-международников постепенно осваивалась в зарубежных весях. Восторженно-описательный тон постепенно сменялся на страницах наших газет и на экранах телевизоров назидательными толкованиями событий во внешнем мире, различавшимися лишь качеством аргументов. Мы стали приобретать профессиональную самоуверенность, которая, однако, взращивалась в искусственной среде, лишенной оппонентов и напоминающей гидропонную систему: тепло, не дует, вредителей нет и в помине, питательные ингредиенты поступают вовремя и в нужных количествах. Не было главного — самостоятельной корневой системы. Не было и все еще нет качества, присущего любому организму, развивающемуся в естественных условиях,— умения адекватно реагировать на изменения окружающей среды.

Не потому ли многие наши собкоры продолжают с радостным предвкушением близкого распада западного общества сообщать нам данные о росте наркомании и проституции на Западе?

Мне представляется, что на протяжении многих лет в нашей международной журналистике происходил своего рода концептуальный сдвиг, который в конечном итоге поставил все с ног на голову. Оказавшись за рубежом, мы продолжаем писать о самих себе: о нашей политике, о наших закупках и продажах, о наших спортсменах, танцевальных ансамблях, музыкантах, гастролирующих за границей с неизменным успехом, о наших специалистах и т. п. Излишне ломиться в открытую дверь и оговариваться, что такая информация, конечно же, необходима. Но она не должна разрастаться до такой степени, чтобы превращать информацию о собственно внешнем мире в нечто факультативное.

Кстати, обратите внимание на одну настораживающую закономерность: очень часто бывает так, что зарубежные наблюдения наших коллег, пишущих на внутренние темы, дают читателю гораздо больше познавательной информации, чем наблюдения заграничных собкоров. Посмотрите, например, какую умную цепочку точных, ярких и оригинальных размышлений о критериях западного сервиса выстроил в «Известиях» Н. Боднарук, оттолкнувшись от простого житейского наблюдения: индус без пальто в зимнем международном аэропорту.

В последние десять — пятнадцать лет наше гипертрофированное внимание к самим себе за рубежом стало выплескиваться со страниц газет и в беллетристику. В нашей литературе появилось новое понятие — «политический роман», в котором слово «политический» как бы предупреждало о том, что действие романа разворачивается за рубежом и одновременно служило авансовым отпущением литературных грехов произведения. Поскольку этот жанр, судя по всему, намерен прочно закрепиться в нашей литературе, я по зрелом размышлении предложил бы все-таки назвать его «внешнеполитический роман», чтобы не вносить сумятицу в головы читателей. Мне вообще непонятно, почему обозначение «политический» узурпировано авторами-международниками. Неужели к этой категории могут относиться только произведения, описывающие внутренние смуты где-нибудь в Мозамбике и Кампучии, а романы о нашей гражданской войне такой привилегии не заслуживают?

«Политический роман», на мой взгляд, страдает наследственной болезнью породившей его международной журналистики: независимо от степени литературного дарования его авторов он повернут спиной к подлинной зарубежной жизни. При этом никакие попытки авторов насытить повествование деталями «местного колорита», имеющими отчетливый открыточно-этнографический привкус, положения не спасают. Читатель, однако, верит в подлинность изображаемого политико-географического фона, поскольку совсем недавно читал о чем-то подобном в газетах. Иногда за подписью того же автора. Точно так же он верит и образу главного героя — журналиста, кинорежиссера, художника. Читатель привык: в нашей литературе представители этих профессий, как правило, постоянно решают сложные нравственно-философские проблемы; вполне естественно, что они занимаются этим и за рубежом.

Вообще должен сказать, что присущая героям «политического романа» изящная непринужденность, с которой они меняют к обеду легкие тропические костюмы, угощают собеседников виски, покупают книги, общаются с красивыми иностранками, разъезжают в автомашинах по бог знает каким подозрительным кварталам зарубежных городов и ведут утонченно-философские беседы с первым встречным, даже меня заставляла забывать о размерах суточных в валюте и существовании правил поведения советского человека за границей. Статья Л. Почивалова в «Литературной газете» «Наши за границей» кажется в сравнении с этим великолепием просто пасквилем на советских граждан. Да и М. Ганина тоже хороша!

Сегодня, на фоне порожденной «новым мышлением» беспрецедентной активизации отношений между Востоком и Западом, практически во всех областях человеческой деятельности особенно остро ощущаются последствия долгих лет их взаимного отчуждения. Что касается нас самих, то надо признать, что интеллектуальные процессы, культурно-бытовая среда нашего общества находились в состоянии известной обособленности от внешнего мира в целом, включая и социалистические страны. В этих условиях межличностное общение и в целом человеческий фактор, как метод и средство познания, были оттеснены на задний план ведомственным подходом к зарубежной реальности, который неизбежно страдал фрагментарным видением мира и утилитарностью. Бытовавшая у нас жесткая социально-политическая схема зарубежной действительности, определявшая не столько наше реальное восприятие внешнего мира, сколько наше глобально-принципиальное отношение к нему, зачастую грешила умозрительным толкованием многих его явлений (я помню, как в середине семидесятых годов моя статья о процессе зарождения рабочего класса в Африке натолкнулась на авторитетное сопротивление тех, кто считал наличие промышленных предприятий на африканском континенте признаком и доказательством наличия рабочего класса). Наша международная журналистика практически была производным подобной методологии, и объективно-беспристрастное (я не хочу сказать, внеклассовое) исследование внешней среды, требующее не просто фиксирования явлений, а постоянного осмысления их, в систему ее стимулов не входила.

Не будем обольщаться: пребывание за границей наших журналистов-международников зачастую не выходит за рамки своеобразного алиби, аттестующего зарубежное происхождение сообщаемых ими сведений; редко кому удается подавить в себе синдром всезна-

ния, неизбежно возникающий в каждом из нас после того, как мы к концу первого года командировки истаптываем пятачок «проходных» тем, и удержаться по возвращении от конструирования произведений о «тамошней жизни», герои которых столь же типичны, сколь и политически сознательные африканские слоны, а «местный антураж» списан с прилавка «Березки».

Нам не хватает терпения. Мы прекрасно понимаем, что нам еще многое непонятно в окружающем нас мире. Мы понимаем, что многого не знаем о нем в силу того, что мало общались с ним, а общаясь, мало присматривались к нему в силу разных причин, но присматривались все-таки плохо. Мы понимаем и то, что надо уходить от привычных стереотипов, слежавшихся складок, диаграмм. Мы понимаем, наконец, и то, что процесс познания будет долгим и кропотливым. Но уж очень хочется вскочить на несущийся мимо поезд на ходу...

Не будем же строить себе иллюзий. Нам предстоит долгий путь пешком. Это единственный способ познать окружающий мир. Новое мышление позвало в дорогу и другую сторону. Так стоит ли торопиться, рискуя вызвать к жизни новые стереотипы, столь же поверхностные, что и прежние, но с обратным знаком?

Не поленитесь, пожалуйста, и перечитайте гоголевский «Рим». В этой повести есть полторы странички, которые я считаю самым ярким из всех доказательств гениальности Гоголя. Я имею в виду то место, которое посвящено французскому национальному характеру и национальному бытию Франции. С моей точки зрения, это самая точная характеристика французов и самая точная характеристика чужого народа вообще, данная иностранным наблюдателем. Это великолепная гоголевская проза, но это не менее великолепный образец журналистского видения и анализа!

Я не призываю никого соперничать с Гоголем. Но, может быть, мы начнем у него учиться? Разумеется, не с целью немедленного создания шедевров. А хотя бы для того, чтобы исключить из нашего обихода выражения типа: «Свидетельствуя об антииранской истерии в США, документ президента в то же время обходит гробовым молчанием тот факт, что напряженность в Персидском заливе вызвана присутствием там американских военных кораблей»,— уяснив при этом раз и навсегда, что нельзя калечить русский язык даже во имя благородной цели борьбы с американским империализмом. Или для того, чтобы выработать в себе спокойный, раскрепощенно-непредвзятый взгляд на внешний мир, чтобы не впадать в соблазн торопливого и поверхностного скорописания, чтобы не поучать в незнании.

●

ПРОШУ СЛОВА!

Сначала о жанре. Есть в нем что-то обидное и для адресата, и для автора. Пишут такие письма тогда, когда для обычного человеческого общения нет уже ни места, ни слов, ни сил, когда каждая из сторон еще не дошла до судебного разбирательства, но непременно бы к нему прибегла, будь здесь хоть что-нибудь для работы человека с законом в руках. Мое письмо адресовано учителям моего сына, ученика четвертого класса.

Я ПРОТИВ ТАКОЙ «ПЕДАГОГИКИ»

Учителя!

...Почему я не могу написать «дорогие»? Или хотя бы «уважаемые»? Почему? Мой сын пошел в школу, и первого сентября со школьного крыльца, которому было посвящено немало восторженных слов, директор говорил, что им, первоклашкам, повезло, они начинают свою «взрослую» жизнь в год начала реформы школы. Потом была цитата из речи Константина Устиновича Черненко, из которой выходило, что никакого другого счастья человеку не надо и быть не может, как только учиться в советской школе. Дети томились. Их одергивали, но все понимали, что «без красного словца» не обойтись, и, может быть, это кому-то нужно, может быть, здесь, в толпе простых детей и простых родителей, затерялся одетый под простого человека инспектор из роно, или министерства, или еще кто знает откуда. Я думал о том, какой вал демагогии, чванства и пошлости придется пройти моему ребенку, прежде чем он получит свидетельство об окончании школы. Но, с другой стороны, и я, и все, все, все, кто стоял в тот день возле школы рядом со своими детьми, тоже прошли сквозь все это. И ничего. Живут. Работают. Растят детей.

Тогда я еще не знал, что мне предстоит.

Установка была одна — не ругаться, в конфликты со школой не вступать, на все кланяться и говорить «да». Теперь от нее зависела наша жизнь. Мы, правда, этого еще не знали, но опытные люди говорили: несите все, делайте для школы все, потому что если они не полюбят вашего ребенка... И они его не полюбили.

Молоденькая учительница оказалась с красным дипломом, и это обеспечивало ей такую самоуверенность, что говорить уже через несколько недель мы стали только в присутствии завуча. И «наш» тоже оказался хорош: вдруг вставал из-за парты, бегал на перемене, а когда его за руку водили по кругу, он вертелся. Читал плохо. Он уже умел читать до школы, но, оказывается, мы его учили неправильно — «по складам», а тут надо сразу «брать слово». И пошла гонка — сколько знаков в минуту. Быстрее! Быстрее! Мы мучительно потом еще догоняли эту минуту, но вкуса к чтению так и не получилось. Через три месяца за две недели сыну поставили 21 (двадцать одну!) двойку, и учителя стали настойчиво говорить о том, что его надо показать психиатру. Нет, он не делал ничего такого. Он просто был невнимателен, вертелся, бегал на перемене.

Вышел из школы, как после бани. Убедился: доказать, что семилетний мальчик не сумасшедший, что бегать в его возрасте нормально, а сидеть и слушать урок тяжело, невозможно. Было единогласно решено, что за ребенка надо взяться и, конечно же, надо переводить в другую школу. Так он оказался в двадцать шестой. Коллеги, друзья — все единодушно говорили: «Им ничего не докажешь». Им — это учителям.

Кстати, через месяц молоденькая учительница ушла из школы. Родители не выдержали, и ее «попросили». А я, значит, просто был первый.

Не без сложностей у старой, опытной учительницы он проучился до четвертого класса. Грехи его были все те же — бегает, отвлекается. Мы продолжали на все кланяться и говорить «да». Кто бы мне сказал тогда, что это цветочки: ягодки были впереди.

Первый раз я пришел в школу в этом учебном году, когда случилось ЧП. Мой забежал после физкультуры в девичью раздевалку. И вот я, уехав с работы, иду с сыном в школу. По дороге спрашиваю: «Чего ты там забыл?» А он отвечает: «Мы подглядывали». Я пытаюсь растолковать ему его «страшный грех», но, наверное, у меня плохо получается, потому что не могу не понимать, что до тех пор, пока будет существовать мир, дети будут без разрешения «классной дамы» подглядывать, я и сам подглядывал в свое время. Конечно, думаю я, его надо отругать, но интересно, что скажет учительница. А она повторяет вопросы, не имеющие ответов: «Кто тебе разрешил?», «Как ты мог?», «Как ты посмел?», «Что ты там делал?».

И я молчу — мне надо кланяться и говорить «да», я, как и сын, со всем навсегда, на много лет вперед согласен. Лишь бы ему не было хуже. «Им» ничего не докажешь». А мой сын — он называет фамилии тех, кто там был тоже, и я с недоумением смотрю на него, и душа полна горечи: товарищей выдавать! Ну, думаю, завтра его побьют! Но нет, и другой мальчик тоже... А потом я понимаю, что у них доносительство — добродетель! Оказывается, совершенно нормально, когда кто-то из учеников класса звонит родителям и говорит, кто с кем в школе подрался. Это, оказывается, хорошо,— он не врет, доносчик, он говорит правду.

В итоге сумма прегрешений вылилась в двойку по поведению. Я звоню своему школьному приятелю и между делом спрашиваю, как дела у его сына. Оказывается, его сын на учете в милиции. Я потрясен: парень не чета моему лоботрясу, самостоятелен, к технике тягу имеет, на пианино играет, музыку сочиняет... Нет, он не украл, не был в шайке, не ходил по подъездам. Он, оказывается, «огрызается».

«А как твой?» Что мне сказать? По английскому у него учитель, и он занимается увлеченно, ходит в театральную студию, играет в спектаклях, стихи пишет. А по литературе — три, по русскому — два, по поведению — два. Самый плохой ученик в школе! «Молчи,— говорит мне мой старый школьный друг.— Молчи».— «Я и так молчу».— «Ну и правильно делаешь».

В один прекрасный день сын пришел домой без галстука — его исключили из пионеров. Для сына это было потрясением — галстуком своим он гордился и дорожил. На этот раз меня в школу не вызывали. За плохое поведение исключать нельзя, но кто-то из «настоящих товарищей», самый, видно, принципиальный, довел до учительницы давнишнюю, в начале года брошенную Володей в запале, когда угрожали отнять галстук, неуважительную об этом галстуке фразу. И началось. Советские дети — самые добрые дети на свете, а учителя самые лучшие, и кто не с нами, тот против нас. Директор опять убеждал меня, что его надо показать психиатру, потому что весь дневник у него исписан, и это ненормально, так не бывает. Да, все было черным-черно, красным-красно от убористого учительского почерка. Убористого потому, видимо, что много еще можно было записать. «На перемене бегал», «На перемене бегал и хулиганил», «На перемене играл в футбол, принес в школу мячик», «Во время уроков в туалет не ходят, для этого существует перемена», «На улице играл в снежки после группы ГПД, поведение два».

Я мысленно обращаюсь к себе: может, я ослеплен родительской любовью? Может, я не вижу, что представляет собой мой десятилетний сын? Я готов стать требовательнее, но в чем? Как заставить ребенка не бегать, быть внимательным? И вообще, слово «заставить» из сферы педагогики или нет? Не выдерживаю и иду «сдаваться» в поликлинику, к психиатру. «Какие у вас жалобы?» — спрашивает она. «У меня жалоб нет, в школе жалуются...» — «Что же они там каждого второго к нам направляют? А ты, Володя,— советует врач сыну,— будь похитрей, ведь все бегают, а ты попадаешься. Будь похитрей!»

После еще одной четвертной двойки по поведению взял лист бумаги, ручку, посадил рядом сына и сказал: «Понимаешь, в жизни есть друзья и враги. Это нормально. Но надо знать, кто есть кто, и попытаться изменить ситуацию, чтобы врагов стало меньше, а друзей больше». Мы разделили лист на две колонки. «Друзья» — их оказалось немало — 17 человек. Семеро из театральной студии, в которой он занимается. Два мальчика с дачи. Дети моих друзей, с которыми мы отдыхаем, двухлетняя сестра и собака Лордик.

«Родители — это не друзья, это родители»,— объяснил он.

Из школы друзей не было. «В школе есть только товарищи». Странное превращение этого слова, тут оно означало, что с некоторыми ребятами он играет в шахматы и с некоторыми «можно поговорить». Врагами оказались председатель совета отряда, председатель совета дружины, потом он назвал еще несколько фамилий, а потом сказал, что вообще-то полкласса враги.

Самое страшное, что все учителя тоже оказались врагами. Все. «Так не бывает»,— сказал я. «Бывает». Мы довели работу до конца — написали в столбик имена и отчества, а против каждого сын прочертил стрелочки разной длины в сторону, где друзья. Самая короткая стрелочка оказалась у классного руководителя, а у преподавателя русского языка и литературы стрелка поползла даже в противоположную сторону, туда, где не просто враги, а злодеи.

Я поступил антипедагогично? Я должен поддерживать авторитет учителя? Я должен упрямо твердить священное — «Учитель всегда прав»? Да. Готов, зажавши рот, кивать головой, готов, но для этого я должен иметь минимум опоры. В школе же сыну громогласно заявляют, что его оставят на второй год, что от него избавятся. А преподаватель по русскому языку сказала: «Заболел бы ты, другие хоть болеют!» Если я остаюсь на стороне учителей, значит, я становлюсь не просто родителем, я оказываюсь врагом, врагом своего ребенка! И почему, по какому праву взрослый человек, ничем не лучше меня, с тем же уровнем образования, на основании десятка прочитанных книг получает такую власть над моим ребенком? Кто ему ее дал? Этот вопрос поразил своей простотой и актуальностью. Кто? Почему? Как такое стало возможным? Школа не несет никакой реальной ответственности за судьбу ребенка, а я, лишенный собственного мнения родитель, должен кивать и со всем соглашаться! До каких пор? Если это педагогика, то я против этой педагогики, уравненной с искусством дрессировки. Я против педагогики, втаптывающей в грязь личность ребенка, где доносительство и фискальство стали добродетелью. Я против педагогики, где учитель все знает, а я не знаю ничего, где из моего сына «хотят сделать», но я не знаю кого, не знаю как и зачем. Где мое, наше родительское право? За что его отняли и не пора ли вернуть?

Мне говорят, что есть педагогика сотрудничества. Та, где все сотрудничают со всеми — учитель с учеником, учитель с родителем. Но о каком сотрудничестве речь, если «им ничего не докажешь»?! Справно составляются новые методички и новые отчеты в духе перемен, входят в жизнь новые слова, приходят молодые учителя. Но все остается по-старому в нашей обновленной школе. Да нет же, хуже! Они были разные, наши учителя, были блестящие, были нормальные, средние и, позволю себе теперь уже за давностью лет, плохие. Но даже от последних не веяло таким холодом. Иные говорят: давайте в школу компьютеры и цветные телевизоры! Но не они нужны — нужны настоящие учителя. И не надо сотрудничества — не до жиру! — не было бы вражды.

Сочинение. Тема «Кем ты хочешь быть?». Вот что пишет мой сын. «Я буду адвокатом. Адвокат — очень хорошая профессия, потому что надо защищать невинных людей. Векшину я не буду защищать и скажу, что она виновата. Я буду адвокатом. Я буду любить свою жену. На свадьбу жена подарит мне собаку. Собака один раз укусит меня. Я захочу ее выгнать, но жена меня остановит».

Это сочинение стало последним, какое сын написал в двадцать шестой московской школе. Четыре непоставленные запятые и одна ошибка — два за русский и за литературу тоже два. Как образец издевательства над темой и над учителем сочинение зачитали в классе, а потом еще в пятых и шестых. Чтобы забрать его, мы пришли в школу, но учительница, уверенная в себе, отдавать его не собиралась: она, оказывается, «еще не всем прочитала» и отдала тетрадь только в кабинете директора. «Сотрудничество» с педагогическим коллективом школы дошло до своего предела.

Думаю: сколько раз нужно показывать фильм «Доживем до понедельника», чтобы поняли: читать без согласия автора, прилюдно его сочинение низко... Думаю: сколько еще надо писать, что мир ребенка — это не выдумка художников, а реальность? Сколько? Да, у нас в государстве любят детей, но — не в школе. Здесь они обуза, «контингент», масса, здесь «они должны», и не больше. Так какие они, наши дети, что за люди?

Как динозавры, вымирают в наших детях человеческие качества, потому что вымирают они и в школе, в среде учительства. От плакатов и лозунгов рябит в глазах, а бездуховность и формализм не в школе существуют, как мы любим выражаться, а в части нашего учительства, которые, возомнив о себе бог весть что, требуют, чтобы поднимали авторитет. «Авторитет надо завоевать», «авторитет надо не потерять»,— не понимаю, какое отношение эти истины имеют к молодым учителям, пришедшим из пединститутов, еще не ставшим родителями, получающим сплошь и рядом неограниченное право на ребенка. Право карать и миловать, право определять судьбу человека. Мы ужасаемся: наркомания, пьянство, проституция,— но не напрямую ли связаны они с той атмосферой бездуховности и пустоты, которая стала в школе нормой?

Думаю, что каждый учитель должен спросить себя: с какой стати я учитель? Чему я могу научить? Я, человек, пришедший к детям в класс, что я могу дать? Нет, не учебную программу, которую твердят тысячи предметников, а сам по себе — как личность. К сожалению, учителей-личностей не так много, а есть раздутый авторитет учителя, который стал репродуктором учебных программ и методических планов. Мы говорим: «подготовить к жизни». Это — клише всех педагогических размышлений в нашей печати. И «слева», и «справа» все за «подготовку к жизни». Но в чем она? Если в обществе ценится «умение жить», значит, мы должны учить этому? Или мы имеем в виду профессиональную подготовку? Но мы не знаем еще, кем они будут. Умение забить гвоздь или приготовить обед — неужели это и есть жизнь? Попробуйте в школе заговорить о чувстве товарищества, о дружбе, о доброте, сострадании, бескорыстии, о человеческих качествах, которых так не хватает всем нам в жизни и так не хватает уже нашим детям,— учителя посмотрят на вас с недоумением. На родительском собрании над доской повесят график оценок, будут говорить, что два года ученик должен вести календарь погоды, будто он учится в церковноприходской школе. С вас, родитель, потребуют, чтобы поля были ровно в четыре с половиной клеточки, ровно! Чтобы, упаси бог, не писали черной пастой, чтобы не синей тоже, а голубой, только голубой! Чтобы не бегали, не дрались и вообще не мешали работать. И вы выйдете из школы после родительского собрания с непонятным чувством, будто не вы родитель своего ребенка, будто не вы хотите, чтобы он был умный, добрый, хороший, воспитанный, культурный, вы этому только мешаете. Вы можете умолять, чтобы они «учли», «помогли», «были снисходительнее», но в стройных рядах не должно быть идущих не с той ноги, и если не с нами, то вы — никто. «Скажите спасибо, что мы терпим вашего ребенка».

Нет, «спасибо» не выговаривается. «Уважаемые и дорогие» — тоже. Конечно, есть те, кому можно кланяться в пояс, кого нужно послушать в концертной студии Останкина, но есть и другие, которых, увы, на сегодняшний день больше.

Я принес заявление: «Прошу выдать мне документы для перевода сына в другую школу».

Учителя моего сына прочли это совершенно спокойно, они не сказали ни слова, не попытались разуверить, а молча отдали мне личное дело. Что ж, такая «педагогика» привела к желаемому результату — они избавились от этого ученика. На очереди следующий.

Григорий КАКОВКИН

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

Борис РЯЗАНЦЕВ, Игорь ФЛИС (фото), специальные корреспонденты «Огонька»

Не найти в справочниках слова, вынесенного в заголовок. Оно появилось при поиске наиболее точного определения Норильска. В нем неразрывно сосуществует комплекс предприятий, который здесь произносят с большой буквы,— Комбинат и город со своими спутниками. Причем хозяин этого неразрывного целого действительно горно-металлургический комбинат. Вот почему Норильск — монополис, своеобразный город-республика, но не замкнутый сам на себя.

Нужно напомнить, что Норильск расположен близ 69-й параллели, в заполярной тундре, на вечной мерзлоте. Он открыт всем ветрам, полгода погружен в ночь, два месяца солнце остается над горизонтом. Условия жизни тут весьма суровы. И город строился так, чтобы максимально смягчить населению северные холода. Обилие торговых, бытовых точек, детских учреждений объясняется жизненной необходимостью. Без максимума удобств здесь просто нельзя выжить. А значит, и закрепить людей, труд которых очень нужен стране.

МОНОПОЛИС ТАЙМЫРА

ПОД ШАТРОМ СЕРВИСА

Именно так можно представить сферу услуг для норильчан. Практически все — лечебные учреждения, тепловые и электрические сети, выращивание цветов, овощей, шампиньонов, содержание курортов, прачечных, бань, эксплуатация речного флота — словом, вся социальная инфраструктура сосредоточена в одних руках. Ею занимается подразделение комбината с длинным названием — производственное объединение по реконструкции, ремонту и эксплуатации объектов социально-культурного назначения «Норильскбыт». Все жилье и коммунальное хозяйство в ведении «Норильскбыта». Транспорт, связь, жилье, гостиницы, общежития, совхоз «Заполярный», дошкольные учреждения, пионерские лагеря, профилактории «Валек» и «Енисей», санаторий «Заполярье» в Сочи, дом отдыха «Белое озеро» под Москвой. В одну фразу без передышки не уместилась и десятая часть схемы, география которой, кстати, распространяется и на спутники Норильска — Дудинку, Талнах, Кайеркан, село Тесь возле Минусинска. Многое в структуре, как и ином жилищно-коммунальном хозяйстве, вполне обычно. Но есть в ней такие удобства, которые мне, как горожанину, очень симпатичны. Скажем, целый набор телефонных автоответчиков, которые сообщают массу полезной информации.

Позднее и в школах, и в комнатах отдыха на различных предприятиях комбината мы встречали изделия столярного цеха бытового объединения. Чаще всего — ладные журнальные и шахматные столики. Это продукция серийная, товары широкого потребления, на которые всегда имеется спрос. Но, пожалуй, не меньшей потребностью будет пользоваться свадебная карета — этакое белое лаковое чудо на двоих. На такой колеснице впору коронованным особам ездить. Но разве в древнем брачном обряде не называют молодых князем и княгинею?

Хороша коляска для лета. А зимой, быть может, ее на полозья поставят. Новобрачную с ее цветами из теплицы «Норильскбыта» мехами укутают, и на тройке!.. Кстати, о мехах. И тут объединение не упускает возможности проявить себя: организованы питомники песцов и нутрий. Понемногу, но шьет и шапки, и шубки, и жилеты. Мясо нутрий идет как диетический продукт в столовые комбината. Изготовляют в том же пошивочном цехе и обувь из телячьих шкур, из оленьего и собачьего меха.

Можно рассказать о поросятах и шампиньонах, которые выращивает объединение, о бассейнах в детских комбинатах и об обилии бань и саун, которые ныне принято называть реабилитационно - восстановительными центрами. Но гораздо проще сказать, что норильчане довольны своей службой быта. И чувствуют себя под ее опекой, как под надежной кровлей.

Городское управление торговли — одно из немногих структур, не входящих в прямое подчинение комбинату. Конкуренция между тем не мешает им прекрасно дополнять друг друга.

Скажем, бытовики предлагают отремонтировать квартиру, обставить ее нестандартной мебелью, оформить интерьер. А клиенту, к примеру, не нравится сантехника или цвет кафеля. И тогда он шагает в магазин «Сделай сам». Выбор материалов и оборудования в нем пошире не только, чем в бюро строительных услуг, но и иных материковых строительно-торговых баз.

Соперничают предприятия и в снабжении продовольственными продуктами — овощами, мясом. Нет слов, хороши угодья подсобного хозяйства «Норильскбыта». Но животноводческие отделения управления торговли могли бы посоперничать с иным передовым сельскохозяйственным производством. К примеру, животноводческая ферма, на которой в прошлом году надоили по 4870 литров от коровы. И это на вечной мерзлоте!

Казалось бы, ничего удивительного нет ни в тепличных огурцах, ни в уютном кафе, ни в просторном детском комбинате, ни в сауне с бильярдом. И только последний кадр сообщает необычный адрес съемки: Норильск, температура около минус тридцати.

НОВЫЙ АНСАМБЛЬ ВПЕРВЫЕ ЗАЯВИЛ О СЕБЕ В ЭСТРАДНОМ ТЕАТРЕ САДА «ЭРМИТАЖ» 15 МАЯ 1948 ГОДА. В ПРОГРАММЕ СБОРНОГО КОНЦЕРТА ЕМУ ОТВОДИЛСЯ ТОЛЬКО ОДИН НОМЕР: РУССКИЙ ДЕВИЧИЙ ХОРОВОД «БЕРЕЗКА».
ПРИЗНАНИЕ И СЛАВА ПРИШЛИ К КОЛЛЕКТИВУ СРАЗУ. ЧУТЬ ПОЗЖЕ ЕГО РУКОВОДИТЕЛЬ Н. С. НАДЕЖДИНА СКАЖЕТ: «В ЦЕНТРЕ ЛЮБОЙ НАШЕЙ РАБОТЫ, БУДЬ ТО ЛИРИЧЕСКИЙ ХОРОВОД ИЛИ ВЕСЕЛАЯ ПЛЯСКА,— ПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РУССКОЙ ДЕВУШКИ... МЫ ХОТИМ КАК МОЖНО ЯРЧЕ ОТРАЗИТЬ ЧИСТОТУ И ВЕЛИЧИЕ РУССКОГО НАРОДНОГО ИСКУССТВА. ЭТО ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ ДЛЯ НАШЕГО АНСАМБЛЯ».
В ЭТИ ДНИ ГОСУДАРСТВЕННОМУ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОМУ АНСАМБЛЮ «БЕРЕЗКА» ИСПОЛНЯЕТСЯ 40 ЛЕТ. «ОНИ ПРЕЛЕСТНЫ, ОНИ НЕОТРАЗИМЫ, ОНИ ТАЛАНТЛИВЫ...» — ТАКИЕ ОТЗЫВЫ СОПРОВОЖДАЛИ «БЕРЕЗКУ» ВО ВСЕХ ЕЕ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ГАСТРОЛЬНЫХ ПОЕЗДКАХ ПО НАШЕЙ СТРАНЕ И ПО ВСЕМУ МИРУ.

Моя профессия — одна из немногих, которая дает возможность вернуть назад, еще раз увидеть прошедшее время. Для этого достаточно лишь протянуть руку и взять необходимый негатив.

В моем архиве фоторепортера немногим более ста тысяч негативов, на долю «Березки» приходится примерно две. Первые из них сделаны почти тридцать лет назад, последние — совсем недавно.

ЗНАКОМАЯ И НЕЗ

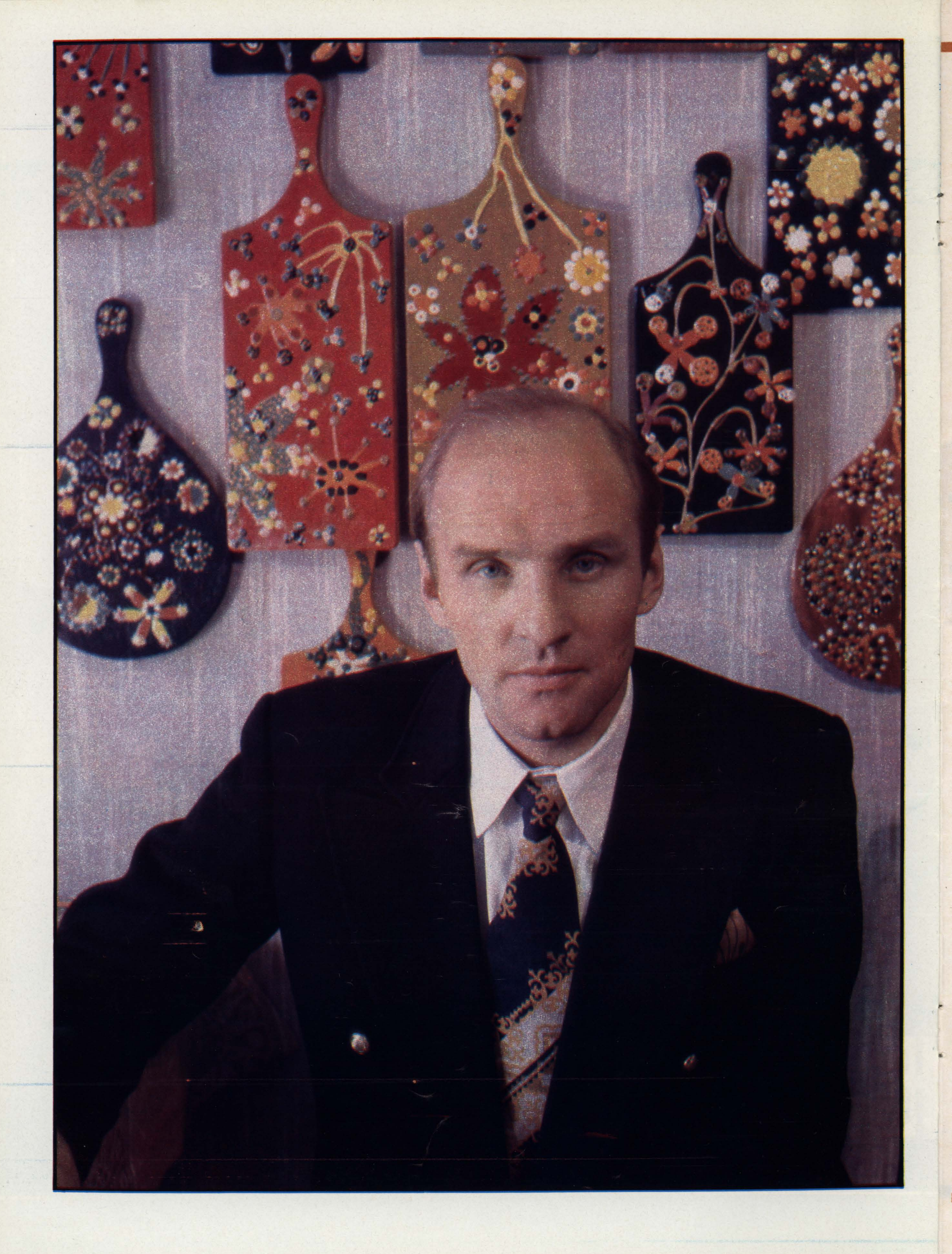
Валерий ГЕНДЕ-РОТЕ
Фото автора

Окончание на стр. 25.

...ЗНАКОМАЯ «БЕРЕЗКА»

В 1977 году Андрей Тарковский поставил на сцене Театра имени Ленинского комсомола в Москве спектакль «Гамлет». Мне кажется, сейчас пришло время, когда можно вспомнить этот спектакль непредвзято, сказать о нем те слова, которые он заслуживает: опыт замечательного кинорежиссера, который мечтал поставить «Гамлета» в кино, а свой замысел осуществил в театре, поучителен.

Я написал повесть о старшем брате — Анатолии Солоницыне, который работал с Андреем Тарковским почти пятнадцать лет, играл многие роли в его фильмах, играл и Гамлета. Анатолий снимался почти у всех ведущих режиссеров шестидесятых — семидесятых годов, был в самом центре художественных исканий своего времени, работая с Вадимом Абдрашитовым, Аловым и Наумовым, Сергеем Герасимовым, Алексеем Германом, Глебом Панфиловым, Ларисой Шепитько...

И все же главным его режиссером был Андрей Тарковский. Внешне очень разные, они жили одной напряженной духовной жизнью, мучились одними проблемами. Они и умерли от одной и той же болезни...

Алексей СОЛОНИЦЫН

ПО ВАШИМ ПРОСЬБАМ

Фото Николая ГНИСЮКА

НАЙТИ В СЕБЕ ШЕКСПИРА

Анатолию исполнилось сорок два года, когда Андрей Тарковский пригласил его в Москву. В это время брат тяжело переживал личную драму, почти ничего не делал в Театре Ленсовета, где работал,— стала окончательно ясной противоположность творческих устремлений главного режиссера и актера. Жизнь Анатолию надо было начинать как бы сызнова.

Его поселили в общежитии Театра имени Ленинского комсомола, рядом с Бауманским рынком.

Как театрального актера в Москве Анатолия не знали, но ждали от него многого. Да и вызвали его — на Гамлета. Офелию должна была играть Инна Чурикова, совсем не «голубая» актриса. На роль Гертруды приглашалась Маргарита Терехова из Театра имени Моссовета, хотя с ее внешними данными, казалось бы, играть ей именно Офелию, а не мать Гамлета. Как видим, с распределения ролей будущий спектакль обещал стать необычным.

Тарковский, как обычно, почти не говорил о своем замысле, а если и говорил, то столь иносказательно, что понять его было очень трудно. Он вообще выработал особую манеру разговора: официально отвечал в самой общей форме, а знакомым — в эдакой покровительственно-шутливой манере: «Да ведь это Шекспир, старик. Ну как ты не понимаешь? Все очень сложно».

Дважды во время репетиций «Гамлета» я приезжал в Москву и оба раза заставал Анатолия подавленным, растерянным.

Брат не любил говорить о том, что еще не сделано, тоже отделывался общими словами. Обычно я не надоедал, но в тот раз, видя его тяжелое состояние, пристал:

— Что ты киснешь? Первый раз, что ли, с ним работаешь? А «Гамлет» что, впервые ставится?

— В том-то и дело, что Тарковский восстанавливает текст Шекспира. Получается, как в первый раз. Играем пастернаковский перевод, он шел строго за Шекспиром. А у Шекспира Офелия так же борется за власть, как и все остальные. Ее обычно играют ангелом, а она дочь царедворца.

— Гамлет какой?

— Увидишь. Я никогда так не уставал. Иногда думаю даже: не по мне, не одолею, лучше бросить все...

— Ты же еще в Свердловске мечтал о Гамлете?

— Вот и уеду в Свердловск, пойду, как в юности, на весоремзавод. Представляешь, в какой я сейчас был бы цене? Весы ремонтирую всем торгашам, везде свой — «дорогой-любимый». Знаешь, сколько мяса ты бы увозил в Самару?

Я засмеялся. Потом осторожно поинтересовался:

— А на Таганке ты «Гамлета» видел?

— Нет. Высоцкий — такой актер... Очень легко попасть под его влияние. Посмотрю потом, когда выйдет наш спектакль.

Меня поражало прямо противоположное отношение к делу Тарковского и брата: если Анатолий был весь как бы соткан из сомнений, бесконечных вопросов к самому себе, работы свои называл «рольками», то Тарковский являл собою почти абсолютную уверенность в том, что он делает все так, как надо. По крайней мере такое он производил впечатление.

С первого дня знакомства и до последней встречи Анатолий называл Тарковского по имени-отчеству. Тарковский не раз протестовал, но Анатолий ничего не менял: он относился к Тарковскому как к учителю, «со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Вечером мы улеглись валетом на Толиной тахтушке.

— А все же Гамлета буду играть я,— сказал вдруг он,— и не где-нибудь, а в Москве. Для русского актера это посерьезней, чем в Лондоне или Париже. Вот только сыграть надо как следует...

Не знаю, волновался ли я так когда-нибудь, как в тот февральский вечер, на премьере «Гамлета». Как будто мне самому предстояло выйти на сцену.

...Гамлет в черном камзоле, в высоких сапогах. Волосы его светлы, лицо сосредоточенно. Он готов познать тайну — уже не юноша, а человек в расцвете сил и лет, спокойный, знающий цену и себе, и людям.

Тайна открыта. Душа Гамлета содрогнулась. Одну за другой узнает он мерзости Эльсинора, видит мать в любовном угаре, короля-фата, пьяного, блудливого...

А вот и Офелия.

Ее появление вызвало почти шоковую реакцию. Да, она дочь своего отца, лукавого царедворца. Да, она, как и все эти люди, бьется за свое место под солнцем, за Гамлета, который должен стать ее мужем и королем. Но чтобы она выглядела такой...

Впрочем, если согласиться с тем, что Офелию используют как приманку и что она согласна на такую роль, то почему бы ей не стать любовницей Гамлета, почему бы не быть беременной?

Позже я узнал, что знаменитый английский режиссер Гордон Крэг, приезжавший во МХАТ на постановку «Гамлета», именно так трактовал образ Офелии. «Она похожа на того несчастного поросенка, которого ставят на берегу Нила для ловли крокодилов. Она действительно жалкая девушка»,— объяснял Крэг Станиславскому. Станиславский, согласившись с Крэгом, все же не решился из чистой девушки, к которой привык зритель, делать «приманку».

Идею Крэга реализовали Питер Брук и актриса Мэри Юр. Но Тарковский пошел по этому пути еще дальше. В начале трагедии Офелия была чувственной, даже грубой, а в сцене безумия происходило преображение: Офелия Инны Чуриковой становилась возвышенно-одухотворенной.

«Мышеловка».

Бродячие актеры готовятся разыграть сцену убийства короля.

Барабанный бой подчеркивает накаляющуюся страсть. Обольстительная, в красном трико, танцует на подиуме Маргарита Терехова. Крутится вокруг нее король — его изображает тот же актер, что играет Клавдия.

Преступники сами показывают, как они совершили убийство. Эффект поразительный, в зале — овация.

А Гамлет? Почему он не действует? Вокруг рушится мир, а он, тихий, сосредоточенный, все думает, думает, словно придавил его камень, который не может сбросить с плеч.

«Качалов сводит Гамлета с пьедестала, на который поставили его столетия,— написал Валерий Брюсов, откликаясь в свое время на спектакль Станиславского.— В исполнении Качалова датский принц — самый обыкновенный человек... То, что произошло с Гамлетом, по толкованию Качалова, не более как обыкновенное житейское происшествие, какие случаются не так редко. Качалов старается как можно проще произносить все монологи Гамлета».

По этому же пути шли Тарковский и Анатолий Солоницын, стремясь максимально приблизить Гамлета к зрительному залу.

Одна из самых впечатляющих — сцена объяснения Гамлета с матерью. Вот он заходит к ней. Лицо искажено страданием. Он высказывает все, что терзало душу. Он не обвиняет мать, он страдает вместе с ней, мучаясь несовершенством человека. Мать истерзана, убита...

Но страдание очищает и мать, и сына.

Конец. Подиум, который был брачным ложем, сценой, троном, теперь стал могилой. И вдруг...

— Смотрите! — вскрикивает кто-то, и все видят, как Гамлет поднимается. Тихая улыбка на его лице. Он протягивает руку и поднимает Лаэрта, Клавдия, мать, гладит их всех, прощая. Он знал, что и сам будет убивать, знал, что станет таким же, как они, властители Эльсинора, если начнет действовать. А теперь, когда все кончено, дух его освобожден, и он может обнять, как брата, даже Клавдия.

Видение исчезает...

Эта роль оказалась последней театральной работой Анатолия. В тетрадке, где он делал записи для себя, есть выписка из дневника Жюля Ренара:

«Шекспир, Шекспир! Ты всегда говоришь: «Шекспир!» Шекспир в тебе — найди его».

Анатолий Солоницын в роли Гамлета.

Мария ДЕМЕНТЬЕВА

КОНФЛИКТ в ТЕ

Назначение Леся Степановича Танюка в молодежный театр стало событием. Киевская интеллигенция помнила его как громкого «шестидесятника», переводчика, театроведа, большого знатока украинской культуры, страстно исповедующего творчество легендарного украинского режиссера и теоретика театра Леся Курбаса. Словом, в Киеве от него ждали многого, и действовать новый главный режиссер начал весьма энергично.

И печатно, и устно он стал говорить о проблемах украинского театра, говорить жестко и честно. О том, что свою художественную задачу видит в реконструкции идей Леся Курбаса, выдающегося новатора, автора и идеолога самобытнейшей театральной эстетики. «Конечно, не в «музейных» формах: это невозможно и неисторично. Но освоить все плодотворное в этом методе — наш долг». Свою задачу Танюк видел в строительстве истинно украинского театра, в возрождении лучших образцов национальной драматургии, возвращении на сцену правильной украинской речи.

Режиссера с такими идеями, да еще «из самой Москвы», труппа приняла на «ура». В Москве у Танюка «большого имени», впрочем, не было, но идея стать коллективом, на основе которого начнется возрождение всего украинского театра, вызвала единодушную поддержку. О том, что такой театр реально существует и действует, в ту пору вспоминали не все. В атмосфере обожания нового главного режиссера начались репетиции первого спектакля по пьесе М. Шатрова «Диктатура совести». И результат оказался удачным. Острый разговор о времени, о его проблемах привлек внимание и прессы, и общественности. У театра начала укрепляться репутация.

Собственно говоря, молодежный театр в Киеве и до этого был не один год, к нему начали привыкать. На иные спектакли, такие, как «За двумя зайцами» или «Сирано де Бержерак», попасть было трудно, люди месяцами добывали билеты и рады были втиснуться в маленький, на несколько сот мест, зал клуба Метростроя, где играли актеры в те дни, когда метростроевцы не проводили профсоюзных или иных собраний. Театр был и вроде бы не был, потому что какой это театр, если ему работать и репетировать негде. А то, что гастроли — даже дальние, даже на Сахалине — проходили успешно, не утешало. Не успокаивал и тот факт, что в Киеве был не один только этот, молодежный, театр без своего здания, без гардеробщиков с позументами, без уверенности в завтрашнем дне. Таких театров оказалось несколько, об этом время от времени писали в местной прессе, пока к полуофициальному статусу молодежного не привыкли. Но вот пришел Танюк, и все стало по-иному, все задвигалось. Вымечтанное помещение становилось реальностью, а возможность превратиться в самый украинский театр республики обрадовала многих мечтателей.

Новый руководитель театра оказался принципиален не только в борьбе за объявленные им постулаты. Он очень твердо, сразу же разобравшись кто есть кто, выступил против присуждения почетного звания одному из членов труппы, по совпадению — секретарю комсомольской организации театра. И выстоял, и доказал свое. Отношений с комсомольской организацией города это не улучшило, но главного режиссера поддержали и коллектив, и министр культуры УССР Ю. Олененко, и начальник городского управления культуры Н. Безверхий.

Вскоре состоялся съезд СТД Украины, по своему значению для украинского театра революционный, где Танюк опять оказался на переднем плане споров о театральной перестройке, сыграл одну из центральных ролей в дискуссии: требовал, доказывал, укорял.

Прекрасный оратор и организатор, он придумал и стал проводить на базе своего театра киевские театральные вечера. Привлек писательскую общественность.

Каждый вечер становился подлинным событием в культурной жизни города. Вечера сопровождались диспутами, где разговор об истории переходил на современность, нравственные проблемы дня сегодняшнего. (Точно и умно Танюк сочетал в обсуждениях проблему театра и города.)

Наконец, при поддержке писательской общественности и Министерства культуры Лесю Степановичу удалось получить легендарное здание — кинотеатр «Комсомолец Украины», где некогда и работал театр Леся Курбаса.

Словом, вся общественная сторона деятельности Танюка представляла цепь удач.

Но, странное дело, театр, как некий центр, клуб, играл все более заметную роль в повседневной киевской жизни; о нем говорили, на его вечера стремились попасть. Речи Танюка пересказывались, он выступал на многих собраниях, и везде убедительно, зажигательно, сильно. Гораздо хуже дело обстояло со спектаклями.

После удачи с «Диктатурой совести» нужно было столь же громкое продолжение. Успех надо было «подтвердить», закрепить. Однако, получилось наоборот.

Ранее объявленный «Вечный бунт» М. Кулиша, с которого и должно было начаться возрождение национальной драматургии в репертуаре, Танюк заменил на «Революционный этюд» М. Шатрова. Спектакль стали спешно готовить к 70-летию Октября, и через полтора месяца репетиций он был показан, но признан весьма неудачным.

В театре распространилась практика самостоятельных работ. Сама по себе самостоятельная работа — вещь совсем неплохая, но в сочетании с другими, выполненными под руководством мастера. Но когда занимаешься только ею, неизбежно появляется чувство, что «варишься в собственном соку»,— не на кого равняться, нет необходимого чувства высоко поднятой планки. У актеров появлялись неуверенность, страх: деградируем, скоро уже ни в один театр не примут...

Вскоре состоялось профсоюзное собрание, где впервые прозвучали критические замечания в адрес главного режиссера. Один из ведущих в труппе, заслуженный артист УССР В. Шептекита сказал о полном разрыве выступлений в прессе главного режиссера и конкретных дел. О том, что он потерял связь с коллективом. «Вы уделяете основное внимание своей деятельности вне театра. Лучше бы вы заботились о нем, а не хлопотали вокруг гостей «Театральных вечеров». Артист В. Слонко сказал: «У меня ощущение, что используется перестройка для решения сугубо личных дел, в которых непосредственно сам театр имеет лишь частичное значение и далеко не главное». Прорвалось то, что назревало давно...

Не умели артисты понять потребность своего лидера в общественной деятельности. Им играть хотелось спектакли.

Была ли здесь ревность? Наверное, точнее было бы сказать — ревность, замешанная на горечи. Главному режиссеру вроде бы удалось создать театру шумную популярность. Но в коллективе все более усиливалось чувство непрочности такой репутации. Главное, ради чего существует учреждение под названием театр,— все же спектакли. Хорошие спектакли. Это единственно возможная «визитная карточка» коллектива, наглядное свидетельство — чего же он стоит. Спектаклей-то и не было...

Было ли нетерпение? Думается, в этом актеров упрекнуть трудно. Два сезона для режиссера — срок достаточный, чтобы «сделать» театр. Тем более что, как мы помним, завоевывать авторитет в труппе Танюку не пришлось — его приняли как мессию. Дело оставалось лишь за работой. В труппе ждали, что он займется своим прямым делом — постановками. Напомним: зарплату Танюк получал все же не за общественную деятельность, а именно как главный режиссер. Ждали тех самых спектаклей, на основе которых должно и можно определять место театра в идейной жизни города, его гражданское и художественное лицо. Неловко повторять банальную истину, но, к сожалению, мы как-то в последнее время стали ее забывать: только хорошая работа на своем месте делает убедительным гражданский пафос самых прекрасных умных речей...

Труппа разделилась. Часть продолжала верить в обещанную Танюком программу. Часть перестала, предъявив режиссеру ряд серьезных претензий. Начались жалобы, письма.

Тогда-то управление культуры и решилось на весьма редкий по нынешним временам шаг — отменило созданный Танюком худсовет (что, кстати, формально в компетенции управления — театр не в эксперименте), с целью наладить в коллективе нормальную обстановку, и обязало директора срочно провести выборы нового художественного совета. Административное вмешательство одни восприняли как оскорбление, другие как избавление.

После этого и появилось письмо в самые высокие инстанции.

«После XXVII съезда КПСС у нас всех появилась реальная надежда на коренные изменения, в том числе и в культурной жизни. Так сложилось, что в области театра эти надежды связывались и с предстоящей в Киеве деятельностью известного режиссера Л. С. Танюка, который вскоре после чернобыльской трагедии переехал в Киев для работы главным режиссером в столичном молодежном театре. Но — увы! — уже первые месяцы пребывания Л. С. Танюка в Киеве были омрачены беспардонными выпадами отдельных чиновников от культуры против его энергичной деятельности как «строптивого» художественного руководителя театра.

Впрочем, ларчик открывался просто. Не привыкли в Киеве к ослушанию со стороны художника. А у Л. С. Танюка — своя линия. Его театр стал притягательным центром культурной жизни города, средоточием перестройки в духовной сфере.

И вот включается рычаг уже отлаженного еще со времен сталинских беззаконий и усовершенствованного в недавние годы застоя административного механизма».

Авторы письма требовали восстановления справедливости.

Под этим письмом триста четыре подписи. Это актеры, писатели, ученые. Есть даже студенты из Чили, Сальвадора. Всех объединила любовь к киевскому молодежному театру.

Что это? У киевского руководства — рецидив методов управления культурой эпохи застоя?

Подписи собирались где угодно, шум был велик.

Убеждена, что все подписавшие письмо были искренни. Мы так соскучились по правдивым, честным, острым словам, так хотим порой верить демократическому пафосу иных речей... И в этом своем упоении еще не научились замечать, как же они реализуются в дела, конкретные дела, которых требует жизнь, отличать истинное от пены. Наверное, сейчас не просто время некоей абстрактной откровенности. Мы должны осмысливать происходящее — на пользу дела...

Зачем я рассказываю эту историю? О том, что случилось с режиссером, известным в основном специалистам? Признаюсь честно: соблазнила та гротескная поучительность, с которой жизнь эту ситуацию выстроила, позволяя увидеть в ней некоторые черты, характерные для сегодняшнего театрального процесса.

Танюк был приглашен из Москвы. Он работал там более двадцати лет, сформировался как художник и профессионал. Принес с собой внутреннее ощущение московской театральной ситуации.

Что же в Москве?

«Второй год свободы» — так называется пьеса А. Буравского, премьеру которой в постановке В. Фокина в Московском театре имени Ермоловой ждали еще в октябре. Название весьма символичное. Наши театры скоро заканчивают второй сезон, когда они сами за себя отвечают. Второй сезон свободы и — ответственности.

Давайте посмотрим, что же произошло на столичной сцене за эти два года.

Вот — ТЮЗ. Скоро год, как Г. Яновская выпустила «Собачье сердце» М. Булгакова, спектакль, ставший бесспорным событием прошлого сезона. Что же сейчас? Нового спектакля Яновской пока нет, в коллективе идет сотрудничество одной и война другой части труппы с М. Розовским, ставящим в ТЮЗе «Рыжика» в собственной инсценировке. (Лично для меня — загадка, как в одном театре могут идти такие разные произведения.) Ведь на дворе — 1988-й, а юные зрители по-прежнему потчуются тем же репертуаром, за который сняли бывшего главного режиссера театра Ю. Жигульского. А вахтанговский театр после принципиального спектакля «Брестский мир» М. Шатрова вдруг выпускает «Стакан воды» Скриба, пьесу, золотые времена которой прошли на нашей сцене 30, или 40, или 50 лет назад. Я понимаю, конечно, что классика не стареет, и все же, все же...

У Фокина в театре за сезон появился один спектакль, но не его. Выпуск собственного спектакля главного режиссера затянулся на полгода — конечно, борьба за создание новой модели и за новый тип работника Министерства культуры отнимает немало времени...

Последняя премьера в театре имени Ленинского комсомола состоялась год назад, и опять — не в постановке главного режиссера. Сам М. Захаров после ошеломляющего успеха «Диктатуры совести» более чем два года в своем театре ничего не ставил. Занимался режиссурой на телевидении, окончательно утвердил за собой репутацию блестящего публициста, а в свой театр вернулся совсем недавно.

Наконец, О. Ефремов. Ладно, прошлый сезон у него «съело» деление МХАТа. В этом он выпустил «Перламутровую Зинаиду» М. Рощина, которую в прессе практически не обсуждали, дабы не обострять отношения двух нынешних МХАТов. Во второй труппе Т. Доронина возобновила «На дне», «Три сестры», также не снискав особых оваций, но и упреков не услыхав. Билетов на спектакли как нельзя было достать раньше, так и теперь нельзя. Пока суд да дело, «Зинаида» с Ефремовым уехали в Японию знакомить японцев с советским искусством. Объявленные «Белые одежды» и «Дети Арбата» продолжают оставаться лишь в планах. Боюсь, что в этом сезоне мы не встретимся с новыми постановками Захарова и Ефремова. Очень хочу ошибиться, очень люблю этих режиссеров, но опасаюсь, что...

Я намеренно говорю о лидерах.

Нам все время кажется, что каяться должен кто-то другой, хочется переложить вину на чьи-то плечи. Винили всех по очереди, больше всего и не без оснований — органы руководства культурой. Но если раньше можно было валить на министерство, то сейчас ситуация стала более сложной. Количество речей в несколько раз превысило число хороших спектаклей, и тенденция сохраняется. А ведь сезон этот — принципиальный. Если прошлый можно было списать на растерянность, поиск путей, то сегодня уже тревожно от ощущения, что многое остается в обещаниях, пропадает в говорильне, а режиссеров словно нечистой силой уносит на трибуны из родных репетиционных залов... Так и хочется сказать: начни с себя.

Конечно, все сразу не делается, не так просто расплачиваться за все наши застои с простоями, переходить на новые рельсы. Сколько задумано прекрасных экономических преобразований, принято новых законов, но как еще мало предприятий, которые начали хорошо работать по-новому... Театр со своими сегодняшними бедами отражает общую ситуацию, часть жизни страны: он бедствовал вместе с ней и с нею же ищет пути к возрождению, спотыкаясь.

И, конечно, ни в чем не хотелось упрекать наших ведущих режиссеров. Им только — бесконечная любовь и уважение, и вряд ли стоит всерьез обсуждать их полное — творческое и человеческое — право на простой, на отдых. Но сегодня важен пример успешно работающего мастера, расправившего крылья в новых условиях, делом поддержавшего наши реформы и эксперименты.

Главные режиссеры — тоже люди. Они устали, как и мы с вами. А новые имена? Есть, но пробиваются с трудом, и, боюсь, не скоро появятся новые мастера, напор которых заставил бы, например, Ефремова или Захарова вновь утверждать свое право на лидерство. Давайте посмотрим правде в глаза — они незаменимы сегодня, и лучше будем относиться к ним бережно.

...Но почему же все-таки «буксуют» театры?

Прошлый сезон ознаменовался бурными закулисными событиями. Наверное, по всей стране не было спокойного театра, где бы труппа и главный режиссер не выражали друг другу недоверия, где бы актеры не бунтовали, не «сбрасывали» своих режиссеров. Сколько раздавалось взволнованных голосов о невозможности демократии в театре, об опасности диктатуры серого большинства.

Да, конечно. И все же думается, что бунты в театре не были бунтами распоясавшейся от демократии «черни». Призыв «Говори!» относился и к рядовым актерам, и в их «брожениях» выявилась до этого старательно не замечаемая картина болезни.

Профессия актера — подвижническая профессия. Она занимает все время, все помыслы, требует присутствия на работе утром, вечером, а часто и днем, заставляет выдерживать огромные психологические нагрузки, и все это — при до неприличия маленьком денежном вознаграждении. Это одна из самых низкооплачиваемых профессий. Заниматься этим поистине героическим трудом можно только в одном случае — если режиссер обладает идеей, которая способна увлечь коллектив и заставить его не помнить о заработке. Если такая идея есть и все будут ее реализацией заняты — порядок в труппе обеспечен. В ином случае актеры начинают напоминать распоясавшихся школьников, взбунтовавшихся против учителя. И это понятно — учитель, то есть главный режиссер, не дает им главного, того, ради чего они простят все,— вдохновения. Бунты, прокатившиеся по стране, означали, что руководители обеспечить свои труппы этими новыми идеями оказались не в состоянии.

Театр, как и всякий живой организм, проживает разные периоды. Бывают у него и подъемы, и спады. Сейчас понятие режиссерского лидерства принимает в себя много нового, взыскательного. Недавно созданные в Москве «Творческие мастерские», задуманные как помощь новым талантам, в первую очередь режиссерам, столкнулись с тем, что никак не могут найти режиссера, чей спектакль безоговорочно интересен. То же — и по другим городам. Состоявшийся год назад Всесоюзный фестиваль молодежных спектаклей в Тбилиси — уже в который раз — не открыл новых имен.

Что же есть? Время раздумий, во многом — время расплаты. Слишком долго отсутствовали новые театры (потому что только постановка спектакля дает возможность появлению нового режиссерского имени), а немногие существующие были отданы под единоначалие главных режиссеров, не все из которых были бесспорны как лидеры. И это тоже, возможно, особая проблема.

К сожалению, существующий в нашем театре институт главных режиссеров не породил учеников. Кто знаменитый ученик Товстоногова? Ефремова? Захарова? В этот список можно включить всех наших знаменитых режиссеров. Остается вопрос: почему же они не воспитали учеников? Речь уже не о гениях — о профессионалах. Что это значит? Система не может воспроизводиться? (Те, кого они называют своими учениками,— в лучшем случае хорошие специалисты). И в этом, видимо, необычайный порок нынешней театральной ситуации.

Не могу не процитировать Р. Стуруа — главного режиссера театра имени Руставели:

«Вспоминаю свой приход в театр имени Руставели — меня взрывало желание устроить революцию, не меньше. Сейчас понимаешь, как трудно позволить молодым делать эти революции. Приходит страх — за себя. Обычно режиссеры стараются демонстрировать самих себя больше, нежели думать о будущем. Но если они не смогут победить это себялюбие, то надо уходить из театра, другого выхода нет. Это нравственный кодекс профессии. Правда, мне еще не доводилось видеть главрежа, который бы на деле не преступил эту первую заповедь. Кто вот так взял и бросил свой теплый уголок добровольно, если его не принудили уйти «в степь», как Лира?»

Сказано поразительно честно.

Да, сегодня назрела необходимость в коренном изменении театральной системы. И не только введением хозрасчета и самоокупаемости. Все чаще начинают раздаваться голоса о том, нужен ли нам в театре только институт главных режиссеров? Какова в новых условиях роль директоров? Не попробовать ли широко форму худруков? Таким худруком может стать писатель, театральный критик, актер (возможно, и драматург, хотя есть опасность, что тогда коллектив превратится в театр одного автора), то есть деятель, которого коллектив призовет, который будет приглашать к постановкам разных режиссеров, чтобы театр не превращался в учреждение, по неизвестным причинам два года не работающее, ожидая, когда у его руководителя проснется очередное вдохновение. Прав, наверное, был Марк Захаров, когда писал в «Огоньке» о том, как нам необходим неведомый доселе институт организаторов театрального дела, не главных режиссеров только и не директоров лишь. Менеджеров, что ли?.. Продюсеров?

Что будет с Лесем Степановичем Танюком?

Закончила свою работу комиссия. Дала оценку состоянию его театра. Сочла, что главный режиссер не сможет изменить к лучшему положение в коллективе и наладить нормальное функционирование Киевского молодежного театра. Правда, один из членов комиссии, секретарь СТД Украины В. А. Фиалко, высказал мнение, что Танюку следует дать возможность поставить еще два-три спектакля в руководимом им коллективе. Что ж, справедливо. Актерские эмоции — дело изменчивое, работа все ставит на свои места.

Однако жизнь рассудила иначе. Обстановка в коллективе сложилась слишком острая. «Военная» ситуация породила события, места которым, наверное, все же не должно быть в храме искусства. Состоялось собрание, на котором за продолжение работы с главным режиссером высказалось 18 человек. 31 проголосовал против.

Конфликт нуждался в разрешении. И коллегия Главного управления культуры приняла решение об освобождении Л. С. Танюка, решила режиссеру дать возможность реализовать его планы в условиях театров-студий.

...А может, Киевскому управлению культуры стоит помочь Лесю Степановичу попробовать себя в новом качестве — продюсера? Кажется, это то дело, с которым он справится блестяще. Как организатор он, бесспорно, талантлив. Надо лишь помочь ему использовать собственную энергию, так сказать, в мирных целях. Надо каждому помочь в этом.

●

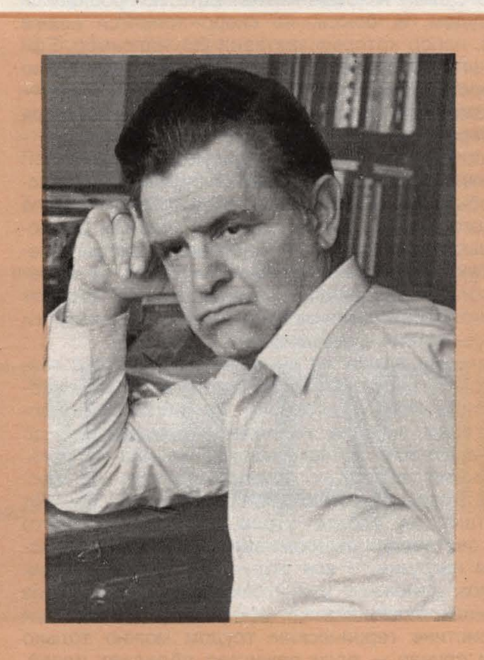
Фазиль ИСКАНДЕР

Рассказ

О МАРАТ!

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА.

Помню, мне понравилась мысль Фазиля Искандера. Эксперимент в искусстве, сказал он, нелепость; возможна ли экспериментальная исповедь? Да что там эксперимент! «Мастерство», — тихо говорю я в мысленном разговоре с Искандером и мысленно же вижу, как он недоуменно оттопыривает губы и округляет глаза. Мастерство? А что это такое? Самое парадоксальное и самое прекрасное ощущение от искандеровской прозы: да он же не умеет писать! Он не знает, как это делается, вернее, как делают. Другие. Он пишет так, будто это первая строчка, первый рассказ, первая повесть на Земле, и никто ему не указ,— из всех писателей, которых я знаю, он, может быть, единственный, совершенно не знакомый с внутренним редактором. Он с ним не сражается героически, он его попросту не имеет. И герои его говорят так, словно ими никто не руководит. Обычно ведь как? Автор все время подает нам знаки из-за плеча разговорившегося персонажа, хмурится, подмигивает, утвердительно кивает или вздымает угрожающе палец, а вы вслушайтесь в то, что несет, мелет, травит в этом рассказе Марат... Где тут правда? Где безумная ложь? Где наконец границы приличия? А в итоге — очень смешной, но и очень печальный рассказ, в итоге жаль человека, никак не умеющего воплотиться в нечто, достойное этого звания. Сам Искандер говорит в этом рассказе, что он безгранично терпеливый слушатель, оттого-то ему и доверяют

сердечные тайны, которые не доверили бы другому; я, однако, добавлю вот что. Слушает все это, а потом пересказывает нам с вами очень чистый человек, чьи уши и уста невозможно замарать, потому что в самых, как говорится, рискованных ситуациях он умеет видеть трогательные, а то даже и мучительные проявления души. А как это получается — ну, чтобы понять это до конца, надо быть Искандером. Впрочем, и наше с вами положение небезнадежно. Всякий читатель, доверившийся писателю, сердцем принявший его веру, мир, интонацию, сам хоть бы чуточку перевоплощается в него, становится им,— ничего сверхъестественного, обыкновенное чудо искусства...

Станислав РАССАДИН

Лучшим идиллическим временем наших взаимоотношений с Маратом я считаю тот ранний период, когда он работал фотографом на прибрежном бульваре напротив театра. Там красовался небольшой стенд с образцами его продукции, а сам он сидел на парапете, ограждающем берег, или похаживал поблизости, издали окидывая орлиным взором или тем, что должно было означать орлиный взор, встречных женщин или женщин, остановившихся у стенда, чтобы поглазеть на его работы.

Нередко он кидал орлиный взор вслед удаляющимся женщинам, и я всегда удивлялся их телепатической тупости, потому что не почувствовать его взгляд и не обернуться мне казалось невозможным, настолько этот взгляд был выразительным.

В те времена я ему нравился как хороший слушатель его любовных приключений. Этим приключениям не было ни конца ни края, а моему терпению слушателя не было границ.

Многие к его рассказам относились иронически, я же проявлял только внимание и удивление, и этого было достаточно, чтобы он мне доверял свои многочисленные сердечные тайны.

Впрочем, будем точны, свои сердечные тайны он доверял всем, но не все соглашались способствовать условиям их свободного излияния. Я же этим условиям способствовал, думаю, больше других.

Марат был человеком маленького роста, крепкого сложения, с густыми сросшимися бровями, которыми он владел, как лошадь своим хвостом. То есть он их то грозно сдвигал, то удивленно приподымал обе или саркастически одну из них, что, по-видимому, производило на женщин немалое впечатление в совокупности с остальными чертами лица, среди которых надо отметить, разумеется, сделать это надо достаточно деликатно, довольно крупный с горбинкой нос. Кроме всего, общее выражение романтической энергии, свойственное его лицу, способствовало в моих глазах правдоподобию его рассказов.

Иногда, чаще всего возвращаясь с рыбалки, я проходил мимо его владений, и, если он в это время не был занят клиентами, я останавливался, мы садились на скамейку или на парапет, и он мне рассказывал очередную историю.

Рассказывая, он не спускал глаз с женщин, проходивших по бульвару, одновременно прихватывая и тех, что проходили по прибрежной улице. Иногда, чтобы лучше разглядеть последних, ему приходилось нагибать голову или слегка оттопыриваться в сторону, чтобы найти проем в зарослях олеандра, сквозь которые он смотрел на улицу.

Если, когда я проходил, он был занят клиентами, то, глядя в мою сторону, он вопросительно приподымал голову, что означало: нет ли у меня времени подождать, пока он отщелкает этих людей?

Иногда, увидев меня и будучи занят клиентами, он иронически отмахивался рукой: дескать, новых впечатлений масса, но сейчас не время и не место о них говорить.

Сами рассказы его сопровождались схематическим изображением некоторых деталей любовной близости. Этот показ многообразных позиций любви меня нередко смущал, тем более что он отводил мне роль манекена партнерши. Я чаще всего отстранялся от этих его попыток, стараясь ввести его рассказ в русло чистой словесности, в которой он и так достигал немалой выразительности.

В его рассказах поражало даже само многообразие мест свиданий: парки, ночные пляжи, окрестные рощи, каюты теплоходов, фотолаборатории, номера турецкой бани, далеко в море в камере машины, глубоко в земле в лабиринте сталактитовых пещер и, наконец, высоко над землей в кабине портального крана, где у него было несколько головокружительных встреч с крановщицей.

Рассказы об успешных свиданиях всегда конча-

лись одной и той же сакраментальной фразой:

— Ну, что тебе сказать... Она была так довольна, так довольна...

Иногда, подчеркивая, что ему удалось ускользнуть от угроз насильственной женитьбы, он так оканчивал свой рассказ:

— Ну, что тебе сказать... Паспорт остался чистым...

Иногда он ошарашивал меня неожиданным вопросом. Так, однажды он у меня спросил:

— Ты когда-нибудь пил гранатовый сок из груди любимой?

— Что, что?! — опешил я.

— Гранатовый сок из груди любимой,— повторил он и для наглядности, слегка откинувшись, выпятил собственную грудь, словно пытаясь напомнить мне общепринятую позу поения возлюбленного гранатовым соком.

— Нет, конечно,— отвечал я ему, голосом показывая, что не только не знаком с таким способом удовлетворения жажды, но и сомневаюсь в самой его технологической возможности. Поняв это без слов, он без слов же объяснил мне, как это делается.

— Очень просто,— сказал он и, продолжая топырить грудь, свел возле нее свои ладони, словно закрыл створки плотины.

— Кто не пил гранатовый сок из груди любимой,— назидательно заметил он,— тот не знает, что такое настоящий кейф... Это даже лучше, чем тянуть коньяк из пупка любимой...

— Перестань трепаться,— сказал я ему на это,— много ли туда вместится коньяка?

— Дело не в количестве... пьяница,— перебил он меня,— дело в кейфе...

Иногда он приносил в редакцию «Красных субтропиков», где я работал, свои снимки. Они изображали живописные уголки нашего края, эстрадных певиц или сцены гастрольных спектаклей.

Порой, когда я рассматривал его фотографию живописного уголка нашего края, он показывал на какую-нибудь точку на этом снимке и говорил: «Вот здесь мы сначала с ней сидели... А потом спустились вот сюда, в рощицу... Ну, что тебе сказать... Она была так довольна, так довольна...»

Снимки, которые он приносил, как правило, сопровождались более или менее расширенными подписями, которые как правило, приходилось начисто переписывать. Но я это делал ради его рассказов и наших дружеских отношений. Вернее, как только я начинал поворачивать, он вытаскивал одну из своих бесконечных историй, и я поневоле превращался в слушателя.

Подписи к снимкам, которые он давал мне, были не только неумелы, но и поражали своей чудовищной неряшливостью. Иногда они были начаты карандашом, во всяком случае, кусочком грифеля, а закончены чернилами. Иногда наоборот. Почерк был такой, что казалось, он составляет эти подписи в машине, мчащейся со скоростью сто километров в час.

Снимки, надо сказать, были выполнены всегда на самом высоком уровне, и если многие из них не проходили в газету, то только потому, что, снимая служительниц театральных подмостков, он довольно часто находил такой ракурс, словно отщелкивал их, предварительно спрыгнув в оркестровую яму.

Кстати, насчет снимков. Однажды Марат после поездки в Москву, кроме рассказов о своих победах над доверчивыми москвичками, привез оригинальное фото. В вагоне метро он случайно наткнулся и тут же заснял такую картину: с одной стороны вагона сидят пассажиры и все до одного читают книги

и журналы, а с другой стороны, напротив них, все пассажиры дремлют или спят.

Это был действительно редкий снимок и выполнен очень четко, даже чувствовался подземный ветер метро. Во всяком случае, было видно, как одна девушка, читающая книгу (конечно, она оказалась на переднем плане), очень милым жестом, не глядя, рукой приглаживает растрепанные волосы.

В редакции снимок всем очень понравился, и его уже хотели давать в номер, как вдруг на летучке один из наших сотрудников сказал, что снимок могут неправильно понять. Его могут понять так, как будто у нас в стране половина людей спит, а вторая бодрствует и учится. Несмотря на абсурдность такого истолкования этой юмористической сценки, наш редактор Автандил Автандилович решил фотоснимок попридержать.

— Да,— сказал он, поглядывая на него,— получается, что половина населения у нас неграмотна, а другая половина грамотна, что не соответствует положению вещей... но момент схвачен интересный...

Марат несколько раз спрашивал насчет своего снимка, но ему каждый раз обещали, что он будет использован в свое время, но время это никак не приходило. Кстати, Автандил Автандилович повесил эту забавную фотографию у себя в кабинете.

В конце концов однажды на летучке один из наших сотрудников предложил разрезать снимок на две части и напечатать их рядом с такой подписью: «У нас в метро — и у них». Идея эта Автандилу Автандиловичу очень понравилась, и он уже благосклонно кивнул головой, но тут выступил все тот же скептик, который, кстати, в отличие от нас, был в Париже. Он сказал, что конструкция вагонов парижского метро сильно отличается от нашей и нас могут уличить в обмане. И хотя кто-то пытался спасти положение, сказав, что метро есть не только в Париже, но и в других капиталистических странах, Автандил Автандилович согласился с замечанием скептика, и публикация снимка была опять отложена на неопределенное время.

Уже по судьбе этого снимка можно было догадаться, что рок заносит над Маратом свою неумолимую руку, но тогда никто так далеко не смотрел, да и сам Марат был мало озабочен судьбой своего фото.

Однажды вечером, когда мы с Маратом прогуливались по набережной (кстати, он всегда был модно одет), он издали кивнул мне на одну из старушек, торговавшую недалеко от порта семечками.

— Внимательно вглядись в нее,— сказал он.

Когда мы поравнялись, я посмотрел на старушку и ничего особенного в ней не заметил. Правда, лицо ее мне показалось довольно благообразным.

— Ну, как? — спросил Марат.

— Старушенция как старушенция,— говорю.

— Пятнадцать лет назад,— сказал он,— она еще была дамой в соку. Из-за нее один таксист другого пырнул ножом. А у меня, тогда еще зеленого юнца, был с ней роман. Да, она работала официанткой в ресторане аэровокзала. После каждого свидания я находил у себя в кармане сотнягу, старыми, конечно. И вот однажды прихожу в ресторан, и она мне говорит:

— Сегодня у нас последнее свидание.

— Почему? — говорю.

— Выхожу замуж за летуна,— говорит.

— А как же я? — говорю.

— Ну, ты еще молоденький,— говорит,— у тебя будет много таких... Давай я тебе принесу бифштекс, а то на шашлык сегодня идет несвежее мясо...

— Ладно, принеси,— говорю, а сам горю от обиды.

Съел я этот бифштекс и ушел. У нас было излюбленное местечко в старом парке. Я пришел в этот парк, нашел заросли крапивы, осторожно вырвал один стебель, обернул его газетой, чтобы не жегся, и сунул его в кусты самшита возле места нашего свидания.

Прибегает, запыхавшись. Миловались, целовались, прощались, а потом я как достал этот стебель крапивы да как стал лупцевать ее поперек голого зада.

— Вот тебе твой летун! Вот тебе твой летун!

— Но ведь ты не собирался на ней жениться? — перебил я его.

— Нет, конечно... Но молодой был, горячий...

Я хотел у него спросить, нащупал ли он в тот вечер у себя в кармане сотнягу и если нащупал, то как с нею распорядился. Но все-таки не спросил. Да и что спрашивать. Марат, он такой и есть, и надо его или отвергать, или принимать таким, какой он есть.

Мы дошли до конца набережной и пошли обратно. Когда мы проходили мимо этой старушенции, я украдкой посмотрел на Марата, а потом на нее.

Марат, проходя мимо нее, как-то важно приосанился, подобрался, как бы сурово предупреждая ее попытку восстановить знакомство. Старушенция на нас даже не посмотрела.

Странное чувство испытал я, глядя на нее и вспоминая рассказ Марата. Бежала, запыхавшись, на свидание к юному любовнику, бывала бита крапивой, а вот теперь такая мирная старушка, продает семечки. Куда делся ее летун, бог его знает. Да, странное чувство я тогда испытал, словно заглянул в жестокий и бездонный колодец жизни и увидел на дне его свое собственное постаревшее лицо. Марат шел рядом со мной как ни в чем не бывало.

— Ты бессмертен, Марат,— сказал я ему.

— Не надо мне мозги лечить,— ответил Марат и, властно озираясь, добавил: — Лучше пойдем по кофе выпьем.

Точно так же однажды на базаре он издали кивнул мне на одну дородную матрону, которая стояла за прилавком, грудью прикасаясь к целому стогу зелени: петрушки, киндзы, укропа, цицмата, тархуна, зеленого лука.

— Забавное приключение было у меня с ней лет десять назад,— сказал он, когда мы прошли ряд, где она торговала.

— ...Возвращался я с охоты и проходил через деревню. И тут меня застигла гроза такая, что за три шага ничего не видно. Я вбежал в первый попавшийся двор и вхожу на веранду дома. Дождь пополам с градом лупит такой, что хоть кричи — ничего не услышишь. Все-таки слышу, какой-то стон доносится из дому.

Дай, думаю, посмотрю, что там такое, и открываю дверь. Смотрю, лежит женщина в постели и зубами стучит. Говорю, так, мол, и так, с охоты возвращался, застала гроза, разрешите переждать.

Стонет, ничего не отвечает, а только черными глазищами смотрит на меня. Только глазищи и торчат из-под одеяла. Да еще слышу — зубами стучит.

— Что с вами? — говорю, и как-то странно мне делается: град стучит о крышу, женщина лежит под одеялом, а кругом никого.

— Лихорадка,— говорит,— возьми с той постели одеяло и накрой меня...

Приказывает прямо... Я беру с другой постели одеяло и набрасываю на нее. А она лежит, глазищами сверкает и, слышу, продолжает стучать зубами. А мне так странно, кругом гроза, а здесь одна женщина в доме лежит под одеялом и зыркает своими глазищами.

— Ну как,— говорю,— согрелись?

— Нет,— говорит и стучит зубами,— в другой комнате на кровати одеяло, принеси и накрой меня...

Я уже сам начинаю дрожать. Вхожу в другую комнату, стягиваю одеяло с постели, беру и накрываю ее.

А она все глазами зыркает и продолжает стучать зубами. А мне так странно — чужое село, чужой дом, и женщина одна в доме лежит под одеялом,— глазищи так и зыркают, а кругом гроза и ни живой души. Думаю, может, ведьма какая. А сам дрожу, не знаю отчего, волнуюсь.

— Ну, как,— говорю,— согрелись?

— Нет,— отвечает мне резко и стучит зубами,— в той комнате на вешалке пальто висит, принеси и укрой меня...

Вхожу в другую комнату. В самом деле на вешалке висит пальто. Снимаю его дрожащими руками, несу и накрываю ее. А кругом гроза, крыша трещит, а в доме женщина стучит зубами и зыркает из-под одеяла.

— Ну, как,— говорю, а у самого голос осекается,— согрелись наконец?

— Нет,— говорит,— принеси еще чего-нибудь.

А сама глазищами так и зыркает из-под всего, что я набросал на нее. А кругом гроза, крыша гремит, а в доме я и эта женщина. Страшно.

— Хозяйка,— говорю, а у самого голос вибрирует,— больше вроде нечего нести...

— Ну, тогда,— грозно так произносит,— сам ложись сверху!

А у самой глазищи так и зыркают, а зубы так стучат, что сквозь грозу слышно. Не женщина, а ведьма. Другой на моем месте от мандража растерялся бы. Но я, хоть и мандражирую, вперед иду. На всякий случай прислоняю ружье к изголовью кровати и, была не была, ныряю в постель. Одним словом, что говорить, солдат свое дело знает. Через полчаса она откидывает все, что на нее навалено:

— Жа-а-а-рка... Принеси мне из кухни воды...

Я иду в кухню, нахожу воду и, черпанув кружкой, приношу. Пьет. Смотрю, опять своими глазищами на меня уставилась и хоть зубами не стучит, а все равно начинаю волноваться.

— Хозяюшка, напилась? — спрашиваю у нее.

— Нет,— говорит и дает мне кружку,— там, на кухне, в кувшине айран — принеси мне!

Ну нет, думаю, надо рвать когти, пока меня не застукали в этом доме. Беру кружку, потихоньку прихватываю ружье и как будто на кухню, а сам даю драпака. Слава богу, гроза кончилась, градины на земле так и сверкают, а я радуюсь жизни и иду.

Вот как иногда бывает. Лежит под одеялом, зыркает глазами, а зубы так и стучат. Попробуй пойми, чего ей надо. Я-то быстро ее раскусил. Шутка ли — кругом чужое село, град стучит о крышу, а тут женщина зыркает из-под одеяла, а у самой зуб на зуб не попадает...

* * *

Пока рок не занес над человеком свою карающую руку, человек может выйти невредимым из самых опасных приключений.

Вот несколько случаев из жизни Марата, подтверждающих эту древнюю аксиому. Первый случай произошел по воле самого Марата.

После окончания школы Марат поехал в Москву с твердой уверенностью, что он поступит в институт кинематографии на операторский факультет. Он уже тогда увлекался фотографированием, а для поступления на этот факультет надо было представить образцы своих снимков.

Марат был уверен, что его примут хотя бы для того, чтобы его снимки остались в институте. Настолько он был уверен в успехе своих фотографий. Но, увы, он не прошел по конкурсу, и ему с оскорбительным равнодушием вернули снимки вместе с документами.

Что было делать? Набранных баллов хватало для поступления в какой-то совершенно не интересовавший Марата, кажется, мясо-молочный институт. По инерции Марат туда поступил, но сильно страдал не только от профиля института, но и от самого его названия. Девушки улыбались, когда он называл свой институт, и легко прерывали очередной сеанс романтического гипноза, которым он обволакивал их сознание.

Через два года учебы в этом институте Марату пришла в голову простая и гениальная мысль. Он решил обратиться к товарищу Берия, как к земляку (Берия в самом деле был наш земляк), и попросить перевести Марата из мясо-молочного института в институт кинематографии. Марат правильно рассчитал, что у Берия на это хватит сил и авторитета.

Как человек действия, Марат не стал долго мусолить свою мечту. Он был уверен в успехе своего мероприятия, если, конечно, ему удастся увидеться с Берия. Встречу с всесильным министром он приурочил к очередному сбору земляков в ресторане «Арагви». Чтобы не выглядеть в глазах Берия полным эгоистом, он решил не только попросить перевести его в институт кинематографии, но и пригласить его на дружеский ужин земляков.

Марату не раз показывали на особняк Берия возле Садового кольца. Туда он и ринулся. Ему повезло. Еще за полквартала он заметил, что Лаврентий Павлович прогуливается возле своего особняка, а два полковника с обеих сторон тротуара ограждают маршрут его прогулок.

Марат бесстрашно устремился к месту прогулки Берия.

— Вам что? — спросил полковник, останавливая Марата, когда тот подошел к охраняемому тротуару.

— У меня просьба к товарищу Берия,— сказал Марат и сам себя поправил,— вернее, две просьбы, как к земляку...

— Какие просьбы? — спросил полковник.

Марат видел, что Берия приближается к ним, но ждать было неудобно.

— Я земляк Лаврентия Павловича,— сказал Марат,— учусь в мясо-молочном институте и хотел бы попросить, чтобы меня перевели в институт кинематографии.

Кстати, снимки, которые он представлял в институт, лежали у него в кармане наготове. А вдруг товарищ Берия заинтересуется...

— Товарищ Берия такими пустяками не занимается,— отвечал полковник холодно, но не враждебно.

К этому времени к ним подошел Лаврентий Павлович.

— В чем дело? — спросил он.

Теперь Марату стало неудобно за свою первую просьбу, и он, не повторяя ее, приступил ко второй.

— Лаврентий Павлович,— сказал Марат,— мы, ваши земляки, закавказские студенты, хотим вас пригласить на дружеский ужин в «Арагви», который состоится завтра в восемь часов вечера.

Лаврентий Павлович и полковник переглянулись.

— Хорошо,— сказал Лаврентий Павлович,— я приеду, если охрана мне разрешит.

Окрыленный встречей и простотой обращения, Марат ушел в общежитие. Он решил, что завтра во время встречи в «Арагви» он найдет минутку и попросит Берия относительно перевода в институт кинематографии.

К сожалению, охрана не разрешила Берия приехать на следующий день в ресторан «Арагви», и Марату пришлось, оставив мясо-молочный институт, уехать к себе в Мухус.

Второй раз обращаться к Берия со своей просьбой он не решился, тем более что все, кому он рассказывал об этой встрече, говорили, что он должен благодарить бога, что встреча эта так благополучно для него кончилась.

...Марат уже работал на прибрежном бульваре, когда в один прекрасный осенний день заметил очаровательную молодую женщину, прогуливающуюся по набережной.

Марат был поражен, что никто из местных пижонов ее еще не подцепил или не пытается подцепить. Выбрав удобное мгновение, когда молодая женщина приблизилась к стенду, он, издали показав на него рукой, пригласил ее фотографироваться.

Она улыбнулась и, к его великому удивлению, подошла. Марат попросил попозировать ему и сделал с нее несколько снимков. Судя по всему, он произвел на нее впечатление, и она сказала, что придет за снимками, но чтобы он, если увидит ее с другими людьми, не обращал на нее внимания и не пытался с ней заговорить.

В следующие два дня Марат видел ее в обществе, как он говорил, двух высоких голубоглазых блондинов и честно никак не показывал, что он знаком с этой женщиной. Потом она неожиданно пришла сама, и Марат вручил ей снимки, которые ей очень понравились.

Он сделал с нее еще несколько снимков и стал просить ее попозировать ему на пляже. Она сказала, что это совершенно невозможно, потому что здесь у нее высокий покровитель и он ничего не должен знать об этих даже невинных встречах.

Марат сказал, что не боится высокого покровителя, лишь бы он, Марат, ей понравился. Она сказала, что Марат очень храбрый человек, но она не хочет им рисковать.

— Мадам,— сказал Марат, стараясь чаще показывать ей свой энергичный профиль,— в любви я Наполеон!

— О! — сказала очаровательная незнакомка и многозначительно улыбнулась.

Через несколько дней Марат уговорил ее покататься с ним на лодке. Она с большим трудом согласилась, но сказала, чтобы он один садился в лодку на причале, а потом в условленном месте подошел к берегу и забрал ее. Марат так и сделал.

Далеко в море она ожила и под нежно-могучим натиском Марата позволила ему гораздо больше, чем он ожидал. Но главное было впереди. Она сказала, что высокий покровитель вскоре должен уехать в Сочи и тогда у Марата будет с ней достаточно долгое свидание. Она дала ему адрес, взяв с него слово, что он без ее знака не попытается с ней встретиться. Она сказала, что покровитель редко ее посещает, но окружил ее шпионами, которые ничего не должны знать об их встречах.

Марат, сам человек романтический, считал ее слова некоторым преувеличением. Он верил в существование высокого покровителя и думал, что это один из местных подпольных миллионеров. Марат знал, что это достаточно опасные люди, и при всех преувеличениях считал, что осторожность здесь не излишня.

Наконец наступил долгожданный день. Освободившись на несколько минут от своих высоких голубоглазых блондинов, молодая женщина подбежала к месту работы Марата и шепнула ему, чтобы он приходил к ней домой в десять часов вечера.

Весь день Марат не находил себе места. Ему казалось, что все городские часы остановились, чтобы он корчился в адских муках. Он сходил в ботанический сад и через знакомого агронома, работавшего там, достал великолепный букет из красных, пурпурных, желтых и белых роз, которые он отнес домой и поставил в ведро с водой.

На одной из старинных улиц в верхней части города в тот вечер Марат нашел особнячок, где жила эта женщина. Просунув руку сквозь железные прутья калитки, он открыл засов, вошел в маленький дворик и поднялся по лестнице, перила которой тонули в зарослях глициний. Еще одно усилие, и он с открытой веранды стучит в дверь.

Ему отворяет дверь его очаровательная незнакомка, и он вручает ей букет, в который она сейчас же окунает свою хорошенькую головку. Марат видит за ее спиной со вкусом накрытый стол с ужином на двоих, он чувствует необычайной силы любовный порыв и начинает обнимать и целовать свою таинственную незнакомку.

Она едва его уговорила взять себя в руки, напомнив, что впереди у них целая ночь. Марат кое-как успокоился, букет был разделен на две части, одна из них украшала стол для ужина, а другая была поставлена в другой комнате возле кровати, достаточно просторной для самых изысканных любовных фантазий.

Дружеский ужин с «Хванчкарой» был в разгаре, когда вдруг лицо его прекрасной незнакомки побледнело, и она проговорила:

— Тише! Кажется, машина остановилась...

Тут они оба услышали скрип железной калитки.

— В ту комнату и не выходи оттуда,— шепнула ему хозяйка и решительно вытолкнула его в спальню.

Марат слышал, как кто-то постучал в дверь.

— Кто там? — спросила молодая хозяйка.

Ей что-то ответили, но Марат не расслышал ответа.

— Передайте ему, что я больна,— сказала молодая женщина.

Опять ей что-то ответили, но Марат не расслышал ответа. Ему страшно было интересно — что это за люди. Он подозревал, что в дверь стучится человек одного из подпольных миллионеров, но от кого именно — он не знал.

— Нет, доктора не надо,— отвечала хозяйка и, как бы слегка стесняясь, добавила: — Это обыкновенная болезнь, которая бывает у каждой женщины.

Марат больше не слушал. Он увидел дверь в другую комнату и, открыв ее, вошел туда. Оттуда он увидел еще одну дверь, открыл ее и вышел в конец веранды, которая имела здесь еще одну лестницу, ведущую в зеленый дворик.

Марат спустился вниз и стал под верандой, пол которой сейчас нависал над ним. Вдруг он услышал мужские шаги, топающие по веранде. Шаги остановились. Потом снова пошли. Снова остановились. Марат догадался, что человек останавливается, чтобы заглянуть в окна спальни, которая была освещена. Марат с волнением подумал, что его легко могли обнаружить, останься он в спальне, куда его толкнула молодая хозяйка.

Любопытство так и жгло Марата, и он под верандой обогнул дом и выглянул из-за зарослей глициний, буйно разросшихся возле главного входа.

Марат увидел легковую машину ЗИС и в жидковатом свете уличного фонаря разглядел энергичный, гораздо более энергичный, чем у него, профиль человека в пенсне, сидящего на переднем сиденье машины. Не узнать его Марат не мог, даже если бы не виделся с ним два года тому назад.

В это время над головой Марата раздались шаги человека, разговаривавшего с хозяйкой. Он спустился по лестнице, открыл калитку и, не забыв ее запереть на задвижку, подошел к машине и, на миг заслонил Берия, по-видимому, что-то ему рассказывал. Через минуту он сел в машину, и она тихо скользнула мимо дома.

Через заднюю лестницу, едва живой от сковавшего его страха, Марат поднялся в дом. Вся эта история ему очень сильно не понравилась. Когда он вошел в комнату, где они ужинали с прекрасной незнакомкой, та бросилась ему на грудь и, давясь от беззвучного хохота, пыталась что-то ему сказать, но Марат не понимал причины ее смеха и не разделял ее веселого настроения.

— Когда он пошел вдоль веранды,— наконец сказала она,— я решила, что все пропало... А потом захожу в ту комнату — тебя нет. Захожу в другую — тебя нет... Я уже решила, что он испепелил тебя своим взглядом, а тут являешься ты с кислой физиономией.

Но Марат был слишком напуган случившимся. Соперничать с местными подпольными миллионерами он еще кое-как мог себе позволить, но соперничать с самим Берия — это было страшно. Попытка продолжить ужин ни к чему не привела, но, что еще хуже, попытка приступить к любовным утехам кончилась еще более плачевно. Какая-то вялая меланхолия омертвила тело Марата. Профиль первого чекиста страны так и стоял перед его глазами.

Он пытался вернуть себе то настроение, с каким целовал ее в лодке, но у него ничего не получалось. Энергичный профиль человека в пенсне так и всплывал перед его глазами. Прекрасная незнакомка приготовила турецкий кофе, говоря, что обязательно приведет его в норму, но Марат, и выпив две чашки кофе, никак не приходил в себя. Блуждающая рассеянная улыбка не сходила с его лица, и его вялые искусственные порывы ни к чему не приводили.

— А еще говорил, что в любви Наполеон,— наконец упрекнула его прекрасная незнакомка.

— Мадам,— тихо ответил ей Марат, улыбаясь блуждающей улыбкой,— у всякого Наполеона есть свой Ватерлоо...

Поздно ночью, покинув дом любовницы Берия (бывшей незнакомки), Марат не стал выходить в калитку, а перелез через забор в самом глухом уголке сада и оказался на другой улице.

Марат сильно надвинул кепи на глаза и завернул на улицу, с которой он входил в калитку. Не глядя по сторонам, он прошел мимо ее дома в сторону центра города. Насколько мог заметить его косящий взгляд, на той стороне улицы стоял какой-то подозрительный человек, смахивающий на ее дневных провожатых. Хорошо, что я не вышел из калитки, подумал Марат, благодаря бога за собственную осторожность.

Через два дня незнакомка снова прогуливалась по набережной со своими высокими голубоглазыми блондинами. Потом она гуляла одна и, проходя мимо места работы Марата, бросила в его сторону взгляд, но, как сказал поэт, они не узнали друг друга.

Этот случай, по словам Марата, еще долго мешал ему в любви. В самые решительные часы чувственного восторга перед его глазами всплывал профиль человека в пенсне, и Марат впадал в вялую меланхолию, хотя иногда почему-то не впадал.

Он заметил такую закономерность. Чем более комфортабельным было место свидания, тем сильнее мешало ему видение страшного профиля человека в пенсне. И, наоборот, чем проще, грубее и неудобнее для любви была окружающая обстановка, тем свободней и независимей от профиля он чувствовал себя.

У меня брезжит смутная догадка, что его головокружительные свидания с крановщицей ночью в кабине портального крана, или дневные свидания в глубине сталактитовой пещеры, или другие не менее рискованные встречи с возлюбленными, не объясняются ли они, может быть, неосознанной попыткой вытеснить видение проклятого профиля? Сам Марат мне этого никогда не говорил, и я не пытался у него об этом спрашивать. Правда, у меня есть косвенное подтверждение этой догадки. И что особенно ценно — сам Марат подтвердил ее. Он сказал, что видение зловещего профиля почти совсем перестало его посещать после его романа со знаменитой укротительницей удавов, приезжавшей к нам вместе с цирком шапито.

Это произошло через два года после его неудачного и вместе с тем счастливого (остался жив) свидания с любовницей Берия.

Роман этот, выражаясь современным языком, возник на фрейдистской почве, хотя мы можем воспользоваться и древнерусской пословицей, ничуть не уступающей Фрейду, а именно: клин клином вышибают.

Я думаю, сам того не подозревая, Марат потянулся к укротительнице, чтобы зримым видом живого удава вытеснить из сознания профиль метафизического удава. Так мне кажется, хотя сам Марат этого мне никогда не говорил.

Он сказал, что, когда увидел, как юную полуголую женщину под знаменитую в то время мелодию Дьюка Элингтона «Караван» опоясывает своими смертельными витками удав, он почувствовал к ней неостановимое влечение.

Со свойственной ему энергией и прямотой он решил покорить эту женщину. На следующий день он пришел в цирк с букетом роз, которые, по-видимому, для него старательно выращивали работники ботанического сада. После окончания номера, когда весь цвет мухусчан рукоплескал отважной женщине, он выскочил на авансцену и, храбро пройдя мимо корзины, куда был водворен удав, подошел к укротительнице и вручил ей букет.

В этот же вечер, провожая ее в гостиницу, он втаскивал в машину и вытаскивал из нее тяжелый чемодан с удавом. По словам Марата, прекрасная Зейнаб, так звали укротительницу, быстро ответила любовью на его любовь. Потом уже, после близости, она сама ему объяснила, что мужчины, увлекавшиеся ею и знавшие о ее работе, все-таки не выдерживали и давали задний ход, узнав, что она живет с удавом в одном гостиничном номере.

Обычно удав располагался в углу комнаты, где была поставлена на пол и круглосуточно горела настольная лампа с сильной лампочкой. Это давало удаву дополнительное тепло, хотя в номере, по словам Марата, и без того всегда было душновато.

Иногда Зейнаб покрывала своего удава большой персидской шалью и, если он приподымал под нею голову, то становился похожим на злобную старуху из восточных сказок.

Во время любовной близости Марат, по его словам, старался смотреть в сторону удава, который, лежа возле настольной лампы, приподняв голову, тоже нередко смотрел в его сторону.

В первое время Марат из естественной бдительности следил за удавом, не зная, как тот будет реагировать на его, Марата, отношения с хозяйкой Султана. Так звали удава.

И только потом он заметил, что, когда он глядит на удава, видение профиля страшного палача не возникает. Это открытие каждый раз так радовало Марата, что он каждый раз находил в себе силы для дополнительных любовных неистовств.

Марат был рад восстановлению своих былых сил, рад был славе, которая распространялась среди мухусчан, и дни его были счастливы. Во всяком случае, в первое время.

Но постепенно жизнь его осложнилась. Дней через десять Марат почувствовал, что удав его ненавидит. Если Марат проходил слишком близко от места, где возлегал Султан, он слышал злобное шипение. Даже когда Марат подымал чемодан с удавом, он изнутри слышал злобное шипение, показывающее, что Султан чувствует, кто держит чемодан. Несколько раз удав, шипя, дергался головой в его сторону, словно хотел его укусить.

Напрасно бедняжка Зейнаб пыталась их примирить. Они ненавидели друг друга и даже ревновали ее друг к другу. Марат, разумеется, не называл этого слова (надо полагать, что удав тоже), но когда Марат видел, что утро начинается с того, что Зейнаб протирает вымоченным в теплой воде полотенцем длинное тело удава, он чувствовал глухое раздражение.

Окончание следует.

Юнна МОРИЦ

ИЗ КНИГИ «МУСКУЛЫ ВОДЫ»

* * *

Чем горше опыт — тем слаще путь.
Мой вкус испорчен — хоть рот закрой!
На сладкий опыт садится рой.
Я — не из роя, и в этом суть.
Полынью пахло в моем раю,
лечили хиной — от малярий.
Любили горькую там струю
поэты, пахари, маляры...
Горчили губы у матерей,
горчили письма из лагерей.
Но эта горечь была не яд,
а сила духа, который свят.
Там родилась я в жестокий год,
и кухня жизни была горька,
и правда жизни была груба.
И я — не сахар, стихи — не мед,
не рассосется моя строка,
не рассосется моя судьба.

Сегодня от патоки многих рвет,
кондитеры в торт подсыпают перца.
Но я не ликую. Наоборот —
мое разрывается сердце.
Я — не кукушка в часах истории,
нет во мне этой пружинки начисто.
Я — море, я — горечь и соль акватории,
я не сдаю своей территории —
ни под каким натиском.

СОБАКА, ЗАНЯТАЯ СНОМ

Собака дремлет на крыльце,
ее волнуются бока,
и уши дышат на лице,
как дождевые облака.

Июля сладостным теплом
затоплен мир ее большой,—
и сон, как рыбка за стеклом,
плывет перед ее душой.

А рядом курят и плюют,
с подошв отшаркивают грязь,
в конторе счастие куют,
злобиво жилами бугрясь.

И, запуская пятерню,
в тоске о близком и родном,
почесывают, как свинью,
собаку, занятую сном.

И голый высунув язык,
она сквозь кожу влажных век
не глядя видит, как ты дик
в своей конторе, человек.

Но улыбается она,
что искушен ты в наслажденьях
и ласку знаешь, как спина
собаки, спящей на ступенях.

* * *

Море да песок.
Ветры да холмы.
Кутаюсь в кусок
предрассветной тьмы.

Голосов не счесть,
шорохов полно,
в дюнах кто-то есть —
он? она? оно?

Кто-то, кроме нас,—
и не в первый раз! —
в душу нам глядит
безо всяких глаз.

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО

I

Ностальгия по умершим от ностальгии,
по тарковской погоде, по хлябям разверстым
над пожарами —
ярче горим под водой! —
это — русское время, мои дорогие,
это — русское действо и русское место,
русский дух, испытуемый русской бедой.
Ностальгия по умершим от ностальгии,
по тарковской свече, возжигаемой столько,
сколько раз угасаема...
Хлещет потоп —
только Ной это знает, мои дорогие,
он — ковчег, и ему одиноко, и горько,
а голубку не шлют... и не хочется в гроб.
Ностальгия по умершим от ностальгии,
по тарковской тоске на московском бульваре,
ностальгия по у-у-у-у!
ностальгия по а-а-а-а!
по беззвучному стону, мои дорогие,
когда он выпывал, а его убивали,
и по зеркалу кровь ностальгии текла.

II

Горе стало воском,
воском для свечи,
прикипело к доскам
и горит в ночи,
ореол священный —
над его столбом,
бьется тень о стены —
лбом, лбом, лбом!..

III

...и горечь прежних пыток
лишь привкус лебеды
под всхлипы у калиток
заоблачной воды,
в которой наши слезы
прощальные текут
и белизну березы
из провидений ткут.
....

ИЗ ДНЕВНИКА

Не верила, не ждала.
Просто жила, как жила.
Жизнь везде тяжела.
И чванство везде — от хамства.
Нечего бить в тамтам
на радостях, что не там,
а здесь ты остался весь —
от каблуков до пьянства.
Горе везде беда.
Невелика заслуга,
если твоя дуда —
за скрипку и вместо плуга.
Горьких потерь не счесть,
цены на них не пали,
особенно, если прочесть
то, что взамен кропали,
сидючи в Доме творчества
месяцев десять в году,
герои свободоборчества,
которые ныне в ходу.
Скромнее! И очи — долу!
Ненависть — хуже тьмы.
Те, кто ушли из дому,—
такие же дети, как мы.
Нигде не считают странников
за предателей да изменников,—
только для наших изгнанников
остры топоры соплеменников.
Что за голод на мнимых предателей
в наших краях силен?..
особенно средь писателей,
доживших до лучших времен.

НЕЗНАКОМКА

Глядя в будущее зорко и ледово,
засадила девка парня молодого,
угодила клеветой, доносом, пыткой
духу времени с кровавою пропиткой.

И, напав на эту жилу золотую,
вся пришлась она — как чаша к сабантую,
прислужила историческому мраку,
кривосудию, казнилке да бараку.

Выходили ее парни на свободу —
пятьдесят благодаря шестому году,
навестили эту Ирку на квартирке —
револьверные глаза, две серых дырки,

повстречали эту Райку, эту Вальку,
эту Розку, эту Верку, эту кальку
бодрой сучки, пламенеющей при деле,
от которого народы поредели...

До сих пор ее ознобом пробирает,
что на каторге не всякий умирает,
что печатают романы и поэмы —
на такие омерзительные темы!

* * *

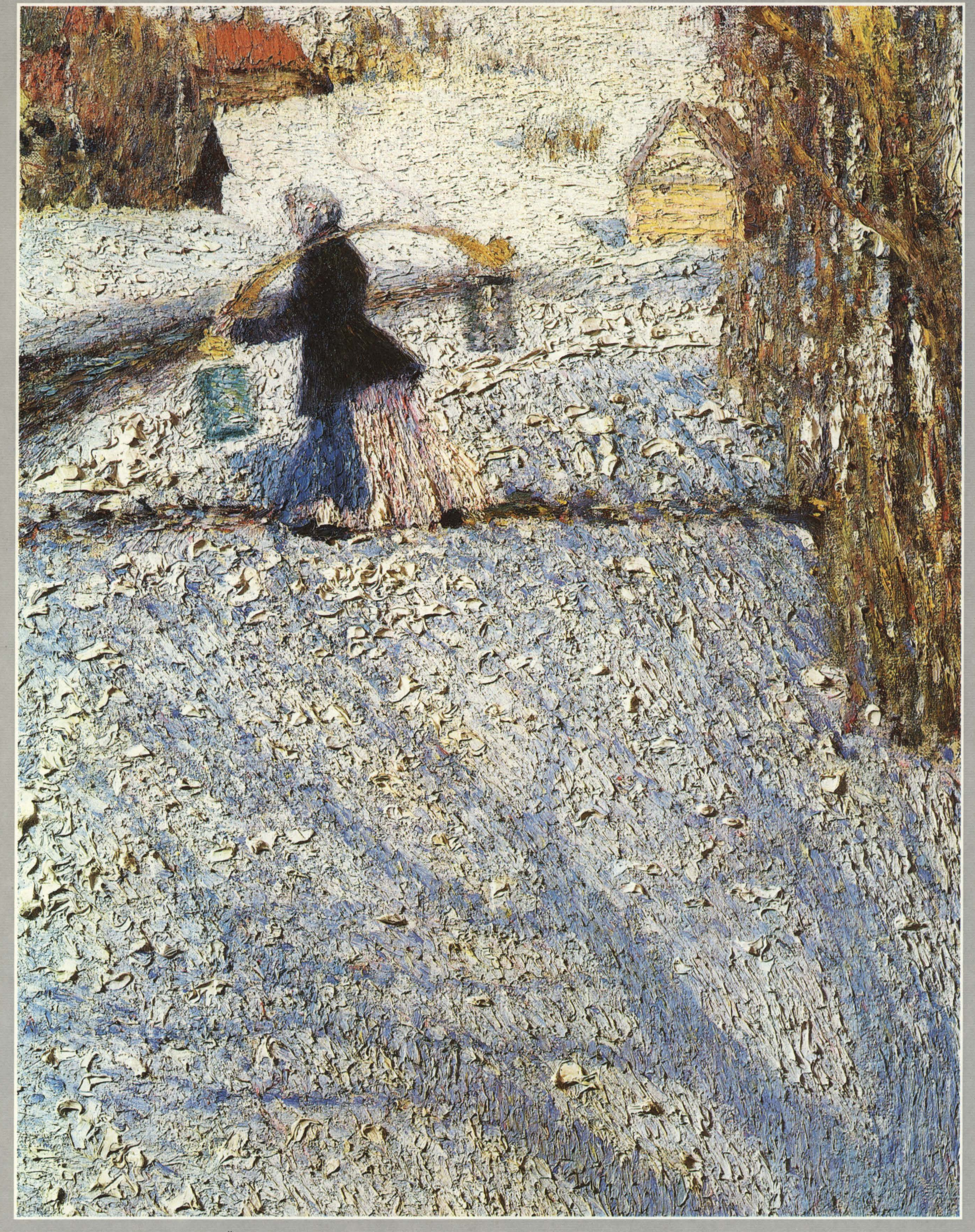
Три письма нашлись в тетрадке
пятьдесят шестого года,
где стихи сочны и сладки:
в них — портрет оленевода,
и арктические выси,
и шпана на берегу.
Кто бы знал, что эти письма
тридцать лет я берегу?

Что стихи?! Они нашлись бы,
ведь написаны не слабо.
А мальчишеские письма
воскресить я не смогла бы,
их поэзия — свободней,
чар искусных лишена,
и свежа она сегодня,
а тогда была смешна.

И не в чувстве даже дело,
хоть оно и главное.
Просто сердце подглядело
нечто жизни равное.

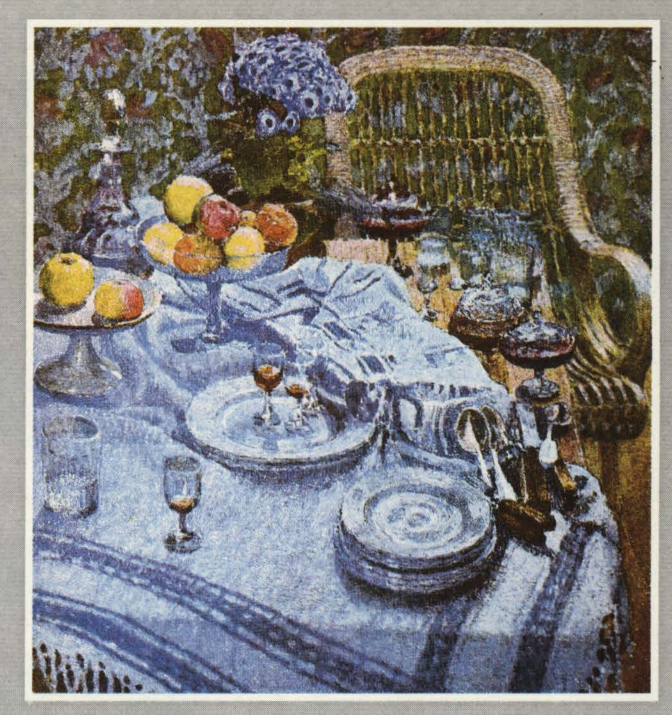
* * *

...Картины, нарисованные мною,—
не более чем сердца замиранье
при мысли, что была она волною,
обыденность, рыдающая в кране,
изъеденная ржавчиной и хлором,
давимая компрессорным насосом,
а я ведь помню — облаком, золом,
рассыпчатой росой — по абрикосам,
ручьем — в траве у белой колокольни,
Днепром — у всех дверей и окон детства,
еще глоток — и камень пустит корни...
...не более чем замиранье сердца.

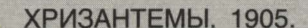

И. Э. ГРАБАРЬ. МАРТОВСКИЙ СНЕГ. 1904.

Начало на стр. 8

НЕПРИБРАННЫЙ СТОЛ. 1907.

ФЕВРАЛЬСКАЯ ЛАЗУРЬ. 1904.

ХРИЗАНТЕМЫ. 1905.

и т. д.— это аналоги отдельных человеческих судеб, которые и сопоставляются с большим миром и сливаются с ним. Один из парадоксов импрессионизма в том и заключался, что, почти отойдя от событийных изображений, не слишком увлекаясь и портретом, он вместе с тем сумел перенести черты человеческой психологии на предметную и пейзажную сферы. Они заговорили у импрессионистов «людскими голосами», вбирая в себя огромный спектр чувств, переживаний, размышлений современников. Краска и форма стала у художников этого направления живой речью, исповедью «сыновей века».

У Константина Коровина в конце десятых годов эта исповедь становится восторженным признанием в любви к жизни, ее радостным, сверкающим прославлением. Написанные на протяжении этих лет картины представляют собой то какие-то вихри трепещущих красок («Пристань в Гурзуфе», 1914, «Розы», 1917, «Натюрморт», 1919 и другие), то ослепительное торжество одухотворенной плоти («Рыбы, вино, фрукты», 1916), то, наконец, видéния нескончаемого праздника жизни (тут примеров не счесть). Сколь ни трудна и сложна была российская действительность этих лет, но ведь она поистине жила и дышала надеждами на прекрасное будущее. А. Блок об этом скажет: «...Рано или поздно все будет по-новому, потому что жизнь прекрасна».

К. Коровин был искренним поэтом этих надежд России в период между революциями, с которым совпали самые счастливые и плодотворные годы его творчества. Уже в старости, вспоминая минувшее, он писал: «Красота и радость жизни. Передача этой радости и есть суть картины, куски моего холста, моего я... Это я, это мое пение за жизнь, за радость — это язычество».

Таким мастером «красоты и радости жизни» был один из самых талантливых и обаятельных деятелей изобразительного искусства России первой трети XX века Константин Коровин. Сказать правду, я как-то пересиливаю себя, когда говорю о нем — «русский импрессионист». Этот художник открытой и отзывчивой души, таланта «божьей милостью» по всей природе, строю, музыке своего искусства целиком принадлежал отечественной культуре. Но куда денешься от требований исторической терминологии! А какого-то другого подходящего определения пока что не придумали...

* * *

Но уж, во всяком случае, очевидно, что импрессионизм Коровина был стихийным и инстинктивным. А вот другой крупнейший представитель этого направления в русском искусстве — Игорь Эммануилович Грабарь — все принципы своей живописной манеры разрабатывал со строгой логичностью, сознательно и последовательно. Словом, «по науке».

Впрочем, удивляться тут нечему. Ведь в истории русской культуры И. Э. Грабарь более всего известен именно как выдающийся ученый — академик-искусствовед, критик, организатор музейного и реставрационного дела. Разносторонность талантов этого замечательного человека была универсальной, как у корифеев Ренессанса. И при этом вся его многогранная деятельность обладала безупречно научной основательностью.

Но и художник он был превосходный. Особенно в свои молодые годы. Получив высочайшего класса образование у И. Е. Репина и П. П. Чистякова в Петербурге и у А. Ашбе в Мюнхене, Грабарь на стыке XIX и XX веков изучил крупнейшие музеи Европы, старую архитектуру и скульптуру, произведения мастеров новых школ. Его стиль складывался под воздействием всей совокупности обретенных им познаний и впечатлений. Иногда спорят, кто был ближе личным вкусам Грабаря — родоначальники импрессионизма (Э. Мане, К. Моне, О. Ренуар, А. Сислей, К. Писсарро) или представители более поздней формации (П. Сезанн, В. Ван Гог, П. Гоген). Но точнее всего сказать, что русский мастер синтезировал творческие уроки и тех, и других. А еще более важно, что сквозь новейшие приемы у Грабаря всегда просвечивает классика — и западная, и отечественная. Современное видение получает у него гармоничную редакцию.

Но это вовсе не та «поверенная алгеброй», сухая и жесткая псевдогармония академического типа, о которой педантично толкует пушкинский Сальери. Над тщательно отработанной системой приемов в живописи Грабаря витает дух свободной и вдохновенной лирики. Его картины могут поначалу показаться даже простодушными, и лишь внимательно изучающий взгляд уловит в них тщательную построенность и строжайшую художественную архитектонику.

Вот одна из вершин искусства раннего Грабаря — «Мартовский снег». Тут нет и признака сюжетной усложненности. Утро в подмосковном селе, молодая крестьянка с коромыслом на плече направляется за водой мимо притулившихся избенок. Чего уж проще! Но какое живое и тонкое поэтическое содержание таится в этой простоте. Первый план полотна — огромное снежное поле. Оно отражает синие тени деревьев и вызывает ощущение прохлады, того сладкого, томящего душу холодка, которым веет русская равнина ранней весной. Горизонт у картины низок, на уровне крыш, но отражения на снегу как-то очень неожиданно дают почувствовать чистоту и бездонность распростертого вверху небосвода. Чем дальше следует взгляд в глубину холста, тем больше он встречает теплых тонов. При этом плотная, бугристая фактура мазков становится постепенно более легкой, воздушной. И ведь это не просто формальное развитие цветовой гаммы, но своего рода движение времени: к весне, к надежде, к радости.

Такая музыкально-живописная аналогия русской весны еще более строго и чисто развернута в другой прославленной картине И. Грабаря — «Февральская лазурь». Сам художник рассказывал о том душевном потрясении, которое он испытал однажды утром, прогуливаясь по зимнему лесу в Подмосковье: «Я стоял около дивного экземпляра березы, редкостного по ритмическому строению ветвей. Заглядевшись на нее, я уронил палку и нагнулся, чтобы ее поднять. Когда я взглянул на верхушку березы снизу, с поверхности снега, я обомлел от открывшегося передо мной зрелища фантастической красоты: какие-то перезвоны и перекликания всех цветов радуги, объединенные голубой эмалью неба».

Только глубокая, выношенная любовь к родным краям может сделать столь чутким и проникновенным их восприятие художником. Так некогда Тютчеву предстал зимний русский лес: «В нем ничто не затрепещет, он весь вспыхнет и заблещет ослепительной красой». Но чтобы подобное ощущение чуда открывающейся взгляду красоты стало фактом искусства, необходимо совершенное мастерство живописца. Грабарь в «Февральской лазури» его проявил, причем на новой для нашего искусства основе. Пожалуй, во всей предыдущей истории отечественного пейзажа не встретишь такой всеобъемлющей и всепроникающей светозарности, как в «Февральской лазури». Как добивается мастер такого впечатления? Не прибегая к смешению красок, чистым белым цветом он изображает пелену снега и ствол березы, накладывая на этот основной тон голубые тени и коричневые, зеленые вкрапления. Все это буквально купается в прозрачном, переливающемся сверкании света. Со стремительной энергией стволы берез, их грациозные ветви вздымаются кверху, отблескивают у вершины теплыми коричневыми бликами прошлогодней листвы и погружаются в густую, звонкую лазурь «торжественных и чудных» небес.

Конечно, такой строй приемов немыслим вне открытий и завоеваний импрессионизма. Но столь же очевидно, что в трактовке Грабаря эти открытия получили свою оригинальную поэтическую направленность, естественно и логично присоединяясь к тем традициям художественной философии пейзажа, которые развивались в русской живописи от А. Иванова до И. Левитана.

В связи с натюрмортами К. Коровина уже шла речь о том, что импрессионизм сумел достигнуть невиданной раньше одухотворенности материально-предметного окружения человека. Но если Коровин как бы включал вещи, цветы, плоды в контекст широко развернутого пространства, то Грабарь, напротив, берет малые фрагменты, «кадры» повседневного и показывает их как живую часть огромного мира: всеобщее отражается в микрокосме, сообщая ему всю сложность и многоцветность. Сколько тончайших красочных оттенков в «Хризантемах» 1905 года! Намеченные отдельными — как ноты в хроматической гамме — мазками, погруженные в спокойное, приглушенное сияние полудня, они сливаются в единое, целостно завершенное зрелище. Царство логики, музыкальности, обостренного духовного видения! В «Хризантемах» оно пронизано размышляющим созерцанием, в «Неприбранном столе» — более активным, энергичным мировосприятием. Но чувство «праздника будней», великолепной силы приобщения всех предметных деталей бытия к жизни человека побеждает во всех этих произведениях Игоря Грабаря.

В сущности, таким прекрасным, возвышающим душу праздником и был русский импрессионизм в лице его талантливейших представителей.

Александр КАМЕНСКИЙ

ЗНАКОМАЯ И НЕЗНАКОМАЯ «БЕРЕЗКА»

Начало см. на центральной вкладке.

Что могут рассказать фотографии «Березки» разных лет, собранные вместе? Я снял тридцать танцев, поставленных Героем Социалистического Труда, народной артисткой СССР Надеждой Сергеевной Надеждиной. Это, наверное, одна треть или четверть работы, проделанной балетмейстером в коллективе.

Просматриваю снимки и удивляюсь тому, сколько больших чувств, мимолетных эмоций, различных человеческих отношений отражено на них, сколько пластических решений, неожиданных поз, жестов, сочетаний народного и классического — всего не перечесть. Так и кажется, что с ансамблем работала бригада балетмейстеров, а не один человек, хоть и с незаурядным характером и талантом.

На моих снимках есть Надежда Сергеевна, играющая в шахматы, занимающаяся своей прекрасной коллекцией кукол в национальных костюмах, что-то сосредоточенно пишущая. Кое-где на них присутствует ее любимец — попугай Кука. Есть фотографии, показывающие, как она репетирует, есть снимок одного из последних ее выходов на сцену...

И еще одна женщина, чье творчество все эти годы неотделимо от «Березки». В афишах, программах концертов ее имя и должность всегда занимают скромную третью строчку... Знакомая картина: артисты на сцене, танца еще нет, а зал уже взрывается аплодисментами. Это изрядная доля восторга зрителей отдается таланту художника по костюмам — заслуженному деятелю искусств РСФСР Любови Николаевне Силич. Вспомните хоровод «Прялица», вальс «Березка», триптих «Русский фарфор» и т. д.

Уже несколько лет ансамблем «Березка» руководит народная артистка РСФСР Мира Михайловна Кольцова, в прошлом сама солистка этого коллектива, любимица главного балетмейстера. Десять поставленных ею танцев пополнили мой архив за последнее время. Естественно, работы Миры Михайловны продолжают традиции «Березки», но в чем-то и утверждают ее собственные взгляды на искусство современной и народной хореографии. В одном случае, мне кажется, Мира Михайловна совершила революцию. Она поставила и отважилась ввести в концерт сольный номер продолжительностью четыре минуты. При содействии солистки И. Цукановой и композитора В. Темнова «революция» прошла успешно — публика приняла хореографический романс «Воспоминание».

Несколько лет назад Мира Михайловна, представляя меня солистке своего коллектива Ирине Цукановой, как бы между прочим бросила фразу: «Она вместо меня танцует «Вальс»!..»

С некоторых пор я сильно «усложнил» себе жизнь: на съемки, кроме фотоаппаратуры, стал брать еще и магнитофон... Жаль, что не додумался до этого раньше — столько снимков сейчас бы заговорило.

Итак, фотографии в сторону...

Художественный руководитель «Березки» Мира Михайловна Кольцова: «Могу сказать, что сохранение наследия Надежды Сергеевны Надеждиной — постоянная наша забота. Сейчас мы усиленно репетируем хоровод «Лебедушка», работаем над воссозданием «Сибирской сюиты».

Кстати, возобновление номеров старого репертуара — это далеко не такое простое дело, как может показаться. Не все записи танцев сохранились, нет исчерпывающего фотографического материала. Как это ни странно, за все время существования ансамбля о нем был снят всего один полнометражный фильм, причем так давно, что об этом и говорить как-то неудобно...

Название нашего ансамбля, его история ко многому обязывают, необходимо все время помнить об этом, как говорится, «держать форму». Наши актеры живут напряженной жизнью: много концертов, почти каждый день репетиции, а ведь ставки у нас далеко не самые высокие...

Танцы, поставленные мной, поняты и приняты публикой, это прибавило уверенности, сил. Сейчас другое время, более нервное, что ли, все стало гораздо сложнее, быстротечнее. Темп, ритм, стиль жизни накладывают свой отпечаток на все, в том числе и на танцы...

Мне хочется, чтобы зрители попрежнему нас любили и верили нам...»

Заслуженная артистка РСФСР Ирина Цуканова: «Мое первое увлечение детства — гимнастика. Следующее — фехтование. Память сохранила характеристику, данную мне родителями одного из моих поверженных соперников: «жуткая драчунья».

В десять лет, держась за мамину руку, переступила порог хореографического класса Дворца культуры «Красный Октябрь».

Чуть позже прошла по конкурсу в школу-студию при Государственном академическом ансамбле народного танца СССР, затем четыре года учебы.

Поступила я в ансамбль «Березка», как мне кажется, довольно легко: набиралось пополнение моего возраста. Это было десять лет назад. Естественно, со своей подготовкой я весьма самонадеянно считала, что все умею. А на поверку оказалось, что это далеко не так. Многому пришлось переучивать-ся, а кое-что осваивать заново. За минувшее время в трех программах ансамбля я исполнила 22 танца, в том числе шесть сольных. Какой самый любимый? Из старых, ставших уже классическими, безусловно, вальс «Березка».

Кто сказал, что невесомость бывает только в космосе или под водой? Для Ирины Цукановой она наступает на сцене. Раздаются звуки старого вальса, она делает первый шаг, и земное притяжение исчезает...

Н. С. Надеждина со своей ученицей Мирой Кольцовой. 1963 год.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР К. М. ХАРЧЕВ БЕСЕДУЕТ С ПИСАТЕЛЕМ АЛЕКСАНДРОМ НЕЖНЫМ.

СОВЕСТЬ СВОБОДНА

В субботу с десяти утра Константин Михайлович Харчев принимал верующих. Я сидел рядом, записывал.

Трое из села Машанец Черновицкой области: женщина средних лет и двое пожилых мужчин с орденскими планками; один без ноги. «Где ногу потеряли?» — спросил Константин Михайлович. «В сорок четвертом, под Таллином»,— ответил Василий Мефодьевич Шевчук. Его товарищ воевал на 3-м Украинском; у их спутницы не вернулся с войны отец. Перед Харчевым легло привезенное ими письмо: 572 подписи. Православные верующие просят вернуть им храм, отобранный в начале шестидесятых годов. Одно время в храме стояла Доска почета; сейчас там хранится зерно...

Две женщины из Алушты: от имени православных верующих города просят зарегистрировать религиозное общество и возвратить храм в честь великомученика Федора Стратилата, закрытый в 1963 году. «Почему мне пишут: гражданка? Потому, что я — верующая?»

Депутация из Чебоксар: просят зарегистрировать второе православное общество и передать ему храм. «Храм разрушается. В нем метлы хранят, бочки...»

Посетители из Горького: в городе почти два миллиона жителей и всего три маленькие православные церкви на далеких окраинах. Верующие просят передать им Спасо-Преображенский собор, использующийся сейчас как склад для разборных трибун.

Пятидесятники из Тернополя, баптисты из Черновицкой области, православные из Ростовской области — последнюю, тридцать первую делегацию Харчев принял в девятом часу вечера. «Когда в шестьдесят втором церковь закрывали, отважных было много, даже людей не спрашивали, а проломили запасные двери и поломали все что было: престол, иконостас, скамейки... А когда просим открыть, то нет смелых: все друг на друга кивают».

— Константин Михайлович,— сказал я при следующей встрече председателю Совета по делам религий,— достаточно побывать на приеме, который вы ведете, чтобы понять и почувствовать чрезвычайную серьезность проблемы. Я, кроме того, располагаю немалым количеством подобных фактов, почерпнутых во время поездок по стране, из встреч с верующими, из почты, которую я получаю. Мы с горечью должны признать: на местах сплошь и рядом нарушают конституционные права верующих, законодательство о религиозных культах.

— «Сплошь и рядом» — это все-таки чересчур категорично. У нас есть достаточно примеров другого рода — примеров уважительного отношения местной власти к законным просьбам наших верующих соотечественников. Могу сообщить, что после апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС было зарегистрировано около трехсот религиозных объединений различных конфессий. Но, несомненно, нерешенных вопросов в этой области социальной жизни остается еще очень и очень много. Не перевелись еще руководители, позволяющие себе не считаться с нормой закона. Находясь в плену старых представлений, живя представлениями вчерашнего, а то и позавчерашнего дня, они прибегают к административному нажиму, запрету, к постыдной бюрократической волоките, не раз выручавшей в прежние годы,— исключительно ради того, чтобы не совершить недопустимых, с их точки зрения, «уступок» церкви!

— Бывший секретарь Кировского обкома партии Ю. Карачаров (он сейчас на пенсии) мне так и заявил: «Ни шагу назад перед церковью»! А речь между тем шла об осуществлении законных прав жителей города Кирова, добивавшихся регистрации второго православного общества.

— Совет по делам религий при Совете Министров СССР это общество зарегистрировал, вы знаете. Само собой, нашего вмешательства не потребовалось бы, будь местные руководящие товарищи прежде всего озабочены исполнением требований закона. В конце концов это их непосредственный служебный долг.

— Всякое неисполнение закона должно быть наказано. Только так можно воспитать в людях безусловное уважение к праву — в том числе и к той его части, которая защищает важнейший для общества принцип свободы совести.

— Я с вами совершенно согласен. Больше того: я глубоко убежден, что судьбы перестройки во многом определяются отношением к ней верующих. Кому отдадут они сердца, кем станут: горячими, деятельными сторонниками перестройки, пассивными наблюдателями или даже противниками происходящих в стране перемен — вот в чем, по-моему, один из крупнейших вопросов нашей политической жизни! Поймите: у нас в стране десятки миллионов верующих, где-то в пределах семидесяти миллионов человек. И хотя большинство населения составляют люди, разделяющие материалистическое мировоззрение, пока нет оснований говорить о массовом отходе от религии. Так вот: миллионы, десятки миллионов верующих. А ведь, как известно, политика начинается там, где есть миллионы. Вопрос, таким образом, предельно прост и ясен. Если верующие почувствуют, что перестройка идет, что она решительно отвергает взгляд на верующего как на человека «второго сорта», что на всех уровнях общества она требует неукоснительного соблюдения принципа свободы совести и вытекающей из него нормы закона, то, я уверен, они станут ее последовательными союзниками и участниками.

Перестройка, демократизация, гласность, подчеркнул Михаил Сергеевич Горбачев, встречаясь с руководством Русской православной церкви, касаются верующих сполна, без всяких ограничений.

Надо задуматься еще и вот над чем. Мы добиваемся доверия между народами — в этом суть нашей внешней политики. И в самом деле, какая может быть жизнь на маленькой планете Земля, о каких общечеловеческих идеалах может идти речь, если нет взаимного доверия между народами? Но едва ли не менее важно восстановить доверие верующих — к партии, государству. Потенциал доверия ныне во многом утрачен. Восстановив его, мы подкрепим движение перестройки многомиллионным человеческим фактором и, как и в первые послеоктябрьские годы, привлечем верующих на свою сторону.

— Вы полагаете, Константин Михайлович, что Советская власть в первые годы своего существования сумела завоевать поддержку верующих?

— Несомненно! Идеалы Октября — справедливость, свобода, равенство — оказались созвучны дорогим для верующих идеалам христианства. Жертвенность большевиков, их личная скромность, отсутствие мысли о собственном благополучии — все это не могло не вызвать у верующих (иными словами, у большинства населения страны) невольных сравнений с мучениками за веру, всегда столь чтимыми в России. Вот, кстати, почему нам, ведущим ныне огромную работу духовного возрождения, так важен этот урок, этот, если хотите, завет первых послеоктябрьских лет. Чем чище нравственный облик коммуниста, тем больше верит ему народ.

Нельзя, кроме того, не отдать должного мудрости ленинского Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, принятого семьдесят лет назад. Декрет утверждал марксистско-ленинское понимание свободы совести как диалектическое единство свободы вероисповедания и атеистических убеждений. Обосновывая этот принцип, В. И. Ленин писал в 1905 году: «Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т.е. быть атеистом... Никакие различия между гражданами в их правах в зависимости от религиозных верований совершенно недопустимы. Всякие даже упоминания о том или ином вероисповедании граждан в официальных документах должны быть безусловно уничтожены».

Читая и перечитывая ленинские работы, лучше, полнее понимаешь то главное, что определяло подход Владимира Ильича к проблемам взаимоотношений социалистического государства и церкви. Это прежде всего демократизм и уважение чувств верующих. Один пример. Отделяя школу от церкви, Декрет в то же время предоставлял возможность обучаться религии частным образом. Родители, решившие учить своих детей основам религии, могли для этого приглашать служителей культа на дом.

— Как же так, Константин Михайлович? С одной стороны, защищающий свободу совести декрет, а с другой... В изданном в 1940 году «Антирелигиозном учебнике» читаем: «Классовый враг, разгромленный внутри страны, еще не добит окончательно. Одним из его убежищ продолжает быть религиозная организация, распространяющая реакционные, враждебные социализму идеи. Выбитые из своих гнезд монахи и монашки, тысячи священников разных религий, которые еще недавно поднимали знамя восстания, еще не смирились с мыслью о том, что дело их окончательно проиграно». Между демократизмом ленинского декрета и этой зловещей агрессивностью пролегла целая пропасть. В последнее время мы сказали много горь-

кой, подчас страшной правды о беззакониях сталинского времени. Крестьянство, рабочий класс, интеллигенция, партийные и военные кадры — многие прошли мучительным, смертным путем ссылок, лагерей и приговоров так называемых «троек». Страдал народ... Но верующие и священнослужители — они разве не составляют его неотъемлемую часть? И разве на их долю выпало меньше страданий? Диковатая мысль приходит мне в голову. Воспитанное десятилетиями презрительно-пренебрежительное отношение ко всему, что связано с церковью, еще владеет нашим сознанием и понуждает как бы забывать о том, что жертвами репрессий стали многие священнослужители. Нам словно бы нашептывает какой-то старый и гадкий голос: «Подумаешь, поп!» А этот поп — Павел Флоренский, которым Россия должна гордиться наравне с лучшими своими сынами; этот поп — Войно-Ясенецкий, архиепископ Лука, чьи «Очерки гнойной хирургии» и по сей день остаются шедевром советской медицины; этот поп — просто человек... Корни нынешних проблем — там, в прошлом. Я в этом убежден. И наша совесть только тогда почувствует себя действительно свободной, когда мы прямо, честно, ничего не утаивая, скажем все о людях церкви, оказавшихся жертвами террора.

— Я разделяю вашу позицию. Комиссия Политбюро Центрального Комитета партии занимается, вероятно, и этим вопросом, ибо, безусловно, мы должны и здесь сказать всю правду. Вместе с тем я хотел бы уточнить некоторые, весьма важные обстоятельства. Если, говоря о массе верующих, мы с полным основанием можем утверждать, что они приняли революцию, то, ведя речь о русском духовенстве, особенно о высшем духовенстве, мы с точно таким же основанием можем сказать, что оно революцию не только не приняло — оно ей сопротивлялось. Это исторический факт. Да и как могло быть иначе?! Революция — не только величайший взлет духовных сил народа, но и трагедия; революция раскалывает общество, раскалывает народ, интеллигенцию, раскалывает и церковь. Потом у значительной части русской интеллигенции, не принявшей Октябрь, отношение к нему претерпело те или иные изменения. Н. А. Бердяев, например, в 1918 году написавший «Философию неравенства» с ее яростным неприятием Октября и большевиков, на склоне жизни, в пятидесятые годы, высказывался спокойнее и мудрее. Понимание исторической неизбежности революции ко многим, повторяю, пришло позднее; к некоторым же так и не пришло. Трагедия Русской православной церкви может быть понята и оценена лишь через трагедию русской интеллигенции. Одной части интеллигенции Октябрь дал возможность раскрепощения, освобождения творческих сил; для другой показался крахом их личных и общественных упований. Точно так и в церкви: для одной части духовенства Октябрь явился очистительной грозой, выводящей Русскую православную церковь из глубочайшего кризиса, вызванного превращением ее в государственное, казенное ведомство, для другой — разрушением основ религии и привычного миропорядка.

В полной мере эту драму Русской православной церкви выразил, я думаю, патриарх Тихон (Белавин). К сожалению, у нас как-то принято изображать его одним цветом. Антисоветчик — и все! Что ж, он и в самом деле много навредил Советской власти. В январе 1918-го он предал Советскую власть анафеме, объявил ей войну. В связи с Брестским миром выпустил воззвание: «Тот ли это мир, о котором молится церковь, которого жаждет народ?»

— Брестский мир, как известно, приняли далеко не все руководители и в партии.

— Тихон тут не одинок, это верно. Но я продолжу. В 1922 году молодую Советскую республику терзал голод, и правительство вынуждено было принять декрет об изъятии части церковных ценностей. Патриарх ответил на это воззванием, которое нельзя было расценить иначе, как призыв к вооруженной борьбе.

Такова одна сторона личности Тихона. Но есть другая. Давайте вспомним его письмо в Верховный суд РСФСР (июнь 1923-го). Он пишет: «...Будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских сил, я действительно был настроен к Советской власти враждебно, причем враждебность из пассивного состояния временами переходила к активным действиям...» И далее: «...Я заявляю Верховному суду, что я отныне Советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и от внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции».

— Приходилось, Константин Михайлович, слышать, что патриарх Тихон к этому письму никакого отношения не имеет. Он вынужден был подписать его — и только.

— Такое мнение существует, я знаю. Однако оно не учитывает одного, весьма важного обстоятельства, а именно: силы личности Тихона. Оно не учитывает той огромной внутренней работы, которая, несомненно, совершалась в нем. Конечно же, в нем до поры преобладал царский церковный чиновник, стремящийся сохранить привычную ему церковь. Но в то же время он не мог не сознавать, что революция освобождает и церковь! Отсюда — драматизм его положения. Сломить патриарха, силой заставить его написать (или подписать) признание в собственных опасных заблуждениях и обещание полной лояльности по отношению к Советской власти было, я думаю, невозможно. Подобно митрополиту Филиппу и патриарху Гермогену Тихон скорее принял бы мученический венец, чем поступился своими убеждениями.

— Но я опять о том же, Константин Михайлович... Патриарх Тихон объявил, что он Советской власти не враг. В 1927-м, два года спустя после его смерти, митрополит Сергий (Страгородский) и все члены Синода обнародовали послание, в котором сказано было следующее: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи». Больше того, даже те представители русского духовенства, которые к тому времени были сосланы на Соловки,— и они в так называемом «Соловецком послании» 1927 года заявляли, что церковь «не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участия в деяниях, направленных к этой цели, она никого не призывает к оружию и политической борьбе, она повинуется всем законам и распоряжениям гражданского характера, но она желает сохранить в полной мере свою духовную свободу и независимость, предоставленные ей Конституцией, и не может стать слугою государства». Но все это не спасло Русскую православную церковь от гонений. Семь архиереев (кроме митрополита Сергия) подписали послание 1927 года. Среди них погибшие в 1937 году митрополит Киевский Константин (Дьяков), митрополит Тверской Серафим (Александров), умерший в ссылке в 1938 году митрополит Одесский Анатолий (Грисюк)...

— Мы уже говорили, что церковь — и Русская православная церковь в том числе — вместе со всем нашим народом пережила трагедию тридцатых годов. Не было какого-то специального гонения на церковь и верующих. Отношение к ним определялось сталинским тезисом об обострении классовой борьбы по мере успехов социалистического строительства. И церковь, как институт, который нельзя отделить от общества, вместе со всем обществом пережила страшные последствия применения сталинской теории на практике. Я хотел бы еще раз подчеркнуть: все, что происходило с церковью на разных этапах нашей истории,— все это так или иначе происходило со всей страной. Нельзя выделить религиозный вопрос из комплекса других социальных вопросов и поставить его особняком. Правда, отгощает эту сферу заманчивая для всякого рода деятелей возможность перевоспитания силой по принципу: не хочешь — заставим! В считанные годы выколотить одни идеалы и заменить их другими, п р а в и л ь н ы м и — это, право же, куда проще и потому гораздо привлекательней долгой, трудной, требующей большого интеллекта и такта работы. Закрыть или даже взорвать церковь — вовсе не значит покончить с религиозностью масс. Напротив: всякое гонение лишь увеличивает ее, сообщает ей оттенок жертвенности, сознание собственного нравственного превосходства и правоты. Мы говорим — и правильно говорим — об иллюзорности религиозных представлений. Между тем мы сами разве не впадаем в ту самую, граничащую с религиозностью иллюзорность, когда полагаем, что замок на дверях церкви вызовет переворот в сознании людей? Подгонять действительность под свои представления о ней — разве это не разновидность религии?

Повторю: церковь испытала то, что испытало все общество. В том числе и административные, жестко-бюрократические методы управления. Я имею в виду законодательство 1929 года с его мелочной регламентацией, с его стремлением предупредить буквально каждый шаг, каждое действие церкви и, таким образом, лишающее ее всякой самостоятельности. Только суровая действительность военных лет заставила Сталина изменить отношение к Русской православной церкви.

— Вы имеете в виду сентябрь 1943 года, ставший в известном смысле поворотным моментом в судьбе Русской православной церкви?

— Принятые в сентябре 1943 года решения о возобновлении деятельности духовных школ, издании «Журнала Московской Патриархии», созыве архиерейского Собора, избравшего митрополита Сергия патриархом,— все это можно рассматривать как негласное признание Сталиным своей крупной политической ошибки. Это признание, надо полагать, далось ему с величайшим трудом. В самом деле: после полутора десятков лет безжалостных гонений резко переложить руль и прийти, по сути, к ленинским принципам отношений государства и церкви! Разумеется, главную роль тут сыграла патриотическая деятельность Русской православной церкви с первых дней Великой Отечественной войны, ее обращенный ко всем верующим призыв встать на защиту Отечества. Раз и навсегда рухнул миф, что церковь — враг Советской Родины. Мне хотелось бы особенно подчеркнуть тот факт, что митрополит Сергий уже в день начала войны, 22 июня 1941 года, обратился к пастырям и верующим с посланием, которое сразу же было разослано по всем приходам. Он, в частности, писал: «...не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божиею помощью, и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Православная наша церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг». Вы знаете, должно быть, что в годы войны на средства церкви были созданы эскадрилья самолетов имени Александра Невского, танковая колонна имени Дмитрия Донского. Только к концу 1944 года сумма взносов от Русской православной церкви на оборону составила 150 миллионов рублей.

— Послевоенные годы и впрямь давали основания думать, что худшие времена для церкви остались позади. В Троице-Сергиевой лавре вновь появились монастырь, духовная академия и семинария. Духовные школы открылись в Ленинграде, в сотнях храмов совершалось богослужение...

— В 1953 году действовало около пятнадцати тысяч православных церквей. Перед войной — десять тысяч.

— А сейчас?

— По данным на 1986 год — 6794.

— Чуть ранее, Константин Михайлович, мы говорили о том, что массового отхода от религии в наши дни не наблюдается. Откуда же такое резкое — в два раза! — сокращение количества действующих церквей? Ясно, что процесс этот неестествен.

— А повальная кукуруза естественна?

— Иными словами, вы опять возвращаетесь к мысли, что церковь, образно говоря, испила из общей чаши?

— Именно! Свойственный Н. С. Хрущеву волюнтаризм, нежелание считаться с действительностью сказались и здесь. Но есть тут, на мой взгляд, одна существенная особенность. Лично Н. С. Хрущев, я совершенно уверен, не испытывал к церкви какого-то особенного, злого чувства. И я бы вообще не стал связывать возникшее на рубеже пятидесятых — шестидесятых годов отношение к религии, церкви и верующим исключительно с его именем. Так, конечно, удобнее. Сказал: «хрущевский период» — и все ясно. Реальная жизнь, как это всегда и бывает, значительно сложнее и драматичнее. Судите сами. В кратчайшие сроки преодолели последствия войны. Восстановили и обновили основные фонды. Вышли на высокие темпы развития. Стали лучше жить. Полетели в космос... Создалось

ощущение, что мы можем буквально все! При быстром подъеме закружилась голова. Отсюда — коммунизм, который уже не за горами; отсюда — уверенность, что раз нам подвластна сложнейшая техника, то уж с человеком, во всяком случае, мы управимся наверняка; отсюда — стремление в кратчайшие сроки покончить с религией, ибо при коммунизме не должно быть ни церкви, ни верующих. Но ведь религия — это убеждение! Пусть с нашей, материалистической точки зрения ошибочное, но тем не менее владеющее помыслами и сердцем человека. Человеческое сознание, тем более сознание верующего, приказом не переменишь. Приказом тут можно добиться прямо противоположного результата — верующий человек лишь утвердится в своих взглядах. Когда так называемые религиозные пережитки, вернее, темпы их преодоления вошли в противоречие с запланированным наверху совершенствованием общественного сознания, тогда был пущен в ход административно-бюрократический аппарат.

— Мне в руки не так давно попал красноречивый документ 1961 года — документ, за который дорого бы дал Салтыков-Щедрин, живи он в наши дни. Это решение исполкома Слободского (Кировская область) городского Совета депутатов трудящихся. Цитирую: «Рассмотрев ходатайство общественных организаций: кинотеатра «Аврора», дошкольного детского дома, детского сада № 2, детской спортивной школы, отдела милиции, горрайвоенкомата... и других организаций и отдельных граждан — о запрещении колокольного звона, мешающего гражданам сосредоточенно просматривать кинокартины в театрах, нормальному отдыху детей в детских учреждениях и гражданам в квартирах после трудового дня... и руководствуясь инструкцией по применению законодательства о культах, исполком горсовета решает: запретить колокольный звон в Екатерининской церкви». Колокольный звон, видите ли, мешает «сосредоточенно просматривать кинокартины»!

— Если говорить по существу, то это — грубое нарушение законодательства о религиозных культах. К сожалению, и поныне в ряде городов и целых областей колокольный звон находится под запретом. В Саранске, например... В Архангельской и Свердловской областях, во многих населенных пунктах Белоруссии и Украины. Вы присутствовали на приеме верующих и, должно быть, обратили внимание: в подавляющем большинстве случаев речь шла о религиозных обществах, снятых с регистрации именно в шестидесятых годах. Церкви закрыли — верующие остались. Вот вам ярчайший пример волюнтаризма! Спрашивается: укрепило ли это доверие людей к Советской власти? Способствовало ли сплочению общества? Вселяло ли убеждение в незыблемости закона и неминуемой ответственности за его нарушение? Когда закрывали, больше того, когда на глазах у народа даже и разрушали церкви, думали ли горе-руководители о том, что своими антидемократическими действиями они сеют озлобление в душах людей?

Последствия этого административного зуда: закрыть! закрыть во что бы то ни стало! — мы ощущаем и сегодня. Только в минувшем году в Совет по делам религий при Совете Министров СССР поступило более трех тысяч жалоб от верующих. Приходится сталкиваться с проявлениями дичайшего бюрократизма. Вместо того чтобы в рамках существующего законодательства (а оно при всех своих недостатках предоставляет такие возможности) постараться максимально облегчить духовную жизнь верующих, иные руководители не упустят случая, чтобы не соорудить завал буквально на ровном месте. Годами могут идти споры: допустимо ли построить новое молитвенное здание или реконструировать старое так, чтобы у него был купол? Верующий не в состоянии уразуметь: отчего само здание можно построить, а купол над ним — нельзя.

— Самый убежденный атеист, стоящий на последовательно демократических позициях, расценит это как посягательство на свободу совести.

— Причем всем ясно, кто чинит препятствия: городской архитектор, секретарь рай- или горисполкома, другие представители Советской власти — все, как правило, люди партийные. И что же они говорят верующим? Этот крест, понимаете ли, будет виден из окон школы! Нельзя! Или: купол нарушит архитектурный ансамбль! Или: эту вывеску — баптистский молельный дом — надо снять. А какой-нибудь особо ретивый уполномоченный нашего Совета возьмется определять, сколько минут можно звонить в колокола. Даже расписание в церковь пришлет! Отменили порядок, при котором родители, собравшиеся крестить своего ребенка, должны предъявлять паспорта,— незаконный, кстати, порядок! — а с мест сообщают: не мытьем, так катаньем... Теперь требуют метрики, другие документы.

— Все дальнейшее никакого секрета не составляет: следует сообщение по месту работы, обсуждение на собрании, карикатура в стенгазете, а то и административные меры...

— Но ведь это — частное дело верующего, дело его совести, свобода которой гарантирована Конституцией! Духовной сферой нельзя управлять кулаком. Это выстраданный, непреложный урок нашей истории — но мы, похоже, еще не осознали до конца все его громадное значение.

— Поразительно, так сказать, совпадение сюжетов. Борьба за купол, о которой вы упомянули, велась в Краснодарском крае (об этом, кстати, рассказывал «Огонек»). Но вот недавно я побывал в Узбекистане. Есть там город Джизак, где православные верующие, реконструируя свою церковь, возвели над ней купол, необходимый, кстати, и для вентиляции помещения. Средняя Азия все-таки, жара... В одну прекрасную июньскую ночь 1986 года по приказу местных властей церковь была окружена, а купол разрушен. С тех пор верующие добиваются — пока безрезультатно,— чтобы его восстановили. Я бы на их месте обратился в суд. Как вы считаете, Константин Михайлович?

— И суд, исходя из буквы и духа закона, должен примерно наказать виновных!

— Записи той же поездки: недалеко от Фрунзе, в поселке Романовка, несколько лет назад евангельские христиане-баптисты, оформив необходимые документы, построили новый молельный дом. Один из руководителей республики, увидев этот дом, решил, что он чересчур хорош для баптистов, распорядился отобрать его и передать пионерам. Какие бывают последствия подобных и незаконных, и безнравственных действий, вы, Константин Михайлович, знаете прекрасно.

— К религии и бегут от формализма, от нашей черствости... Еще и еще раз повторю: нельзя, ни в коем случае нельзя выступать против церкви с позиции силы. Пора понять: отделить церковь от государства — вовсе не значит отделить ее от общества. Верующие — это наши, советские люди, выросшие и сформировавшиеся в советское время. Организацию верующих, которой является церковь, нельзя оторвать от происходящих в обществе процессов, от участия в решении наших внутренних проблем, от политики. Да и нынешнее духовенство — как показало, к примеру, недавнее архиерейское совещание Русской православной церкви — в своем подавляющем большинстве активно поддерживает перестройку и дает решительный отпор попыткам внести раскол в ряды верующих, увести их от участия в демократических преобразованиях нашей жизни.

В тридцатые годы мы выработали отношение к религии и верующим исключительно со знаком «минус». Теперь это отношение надо менять. На эксплуатации отрицательных чувств далеко не уедешь. Пришла пора перестраиваться! Диалектика отношений социалистического государства и церкви — это сложная и, я бы сказал, чрезвычайно тонкая диалектика. Одно дело — религия как мировоззрение, с которым марксистская идеология будет вести постоянную борьбу, и совсем иное — церковь как общественный институт, состоящий из клира и верующих. И не следует переносить противоречия, присущие одной сфере, в другую, где должен работать принцип взаимного уважения сторон. Сейчас, в условиях демократизации, определяющим должно быть ленинское положение о том, что создание рая на Земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе. В конце концов есть задачи поистине приоритетные, решение которых имеет ныне огромное значение. Социально-политические проблемы нашего общества, борьба за мир, экология — вот где необходимо единство всех сил, готовых к искреннему и деятельному сотрудничеству. И если нам выпало жить в смешанном, состоящем из материалистов и верующих обществе, то будем строить социализм и осуществлять перестройку вместе с верующими, а не отдельно от них!

Духовная жизнь на иной, чем наша, мировоззренческой основе течет своим чередом, своим руслом. Его, это русло, невозможно ни административно ликвидировать, ни слить идеологически с нашим. Но можно и нужно соединить усилия, устремления людей к общечеловеческим, моральным и духовным ценностям, к миру, к нашему благу. Обеспечить это единство можно и нужно, даже если всем нам придется во многом учиться как бы заново.

— Замечательный пример нового отношения дает журнал «Коммунист». Не могу не процитировать: «Настала пора навсегда положить конец подозрительному и недоброжелательному отношению к верующим и к таким исповедуемым ими идеалам, как гуманность, любовь, нравственное самоусовершенствование». И еще: «Лишь уважение может вызвать сознательное отношение многих верующих к общегражданскому долгу, их живое участие в судьбе каждого человека, готовность прийти на помощь ближним. Миллионы верующих различных вероисповеданий не досадный промах истории, а реальность». Вслед за словом должно, вероятно, последовать дело. Я имею в виду не только необходимость для всех без исключения работников советского и партийного аппарата самым строгим образом соблюдать законодательство о культах, и не только ответственность за его нарушение. Пришла пора совершенствовать само законодательство, не так ли?

— Сейчас, мне кажется, подходит к концу тот тяжелый период, когда регистрация каждого нового религиозного общества воспринималась как шаг назад, идеологическое поражение, уступка верующим. Это — наследие нашего недавнего прошлого, оно является составной частью сталинизма как метода управления, и мы от него бесповоротно отказываемся. Благодаря гласности во многом изменился нравственный климат отношений верующих и неверующих. Укрепилась материальная база церкви. В последнее время — с 1985 года — Русская православная церковь приобрела, построила и реконструировала 35 молитвенных зданий, евангельские христиане-баптисты — 49, адвентисты седьмого дня — 12, пятидесятники — 9, мусульмане — 11. Русской православной церкви, вы знаете, переданы Даниловский, Толгский монастыри, Оптина Пустынь... Сейчас в нашей стране более пятнадцати тысяч религиозных объединений, представляющих около сорока конфессий и мелких вероисповеданий. Тридцать монастырей. Девятнадцать из них принадлежат Русской православной церкви, два — Грузинской православной церкви, два — буддистам, семь — Армянской апостольской церкви.

— Попутно, Константин Михайлович: какова судьба Киево-Печерской лавры? Многие также спрашивают: не будет ли передан церкви Валаамский монастырь?

— Руководство Русской православной церкви просит разрешить ей возобновить в Киево-Печерской лавре деятельность церкви, закрытой в 1961 году. Церкви, на мой взгляд, можно также передать Антониевы (дальние) и Феодосьевы (ближние) пещеры. По-видимому, комплекс Киево-Печерской лавры должен иметь всего двух хозяев: Русскую православную церковь и Министерство культуры УССР. Что же касается Валаама, то вопрос этот сейчас обсуждается. Мое личное мнение: музей там вполне может соседствовать с монастырем. Уверен, что совместными усилиями они приведут в достойный вид этот бесценный памятник нашей истории и архитектуры.

Положительные сдвиги вовсе не означают, что у нас нет поводов думать о совершенствовании законодательства о культах. Один пример: законодательство запрещает церкви всякую благотворительную деятельность. То есть церковь может вносить средства в Фонд мира (ежегодно — свыше 30 миллионов рублей), в Фонд охраны памятников культуры (около 5 миллионов рублей), помогать пострадавшим от аварии в Чернобыле, стихийных бедствий в Грузии... Но это все обезличено. Верующие — а ведь это их деньги перечисляет церковь — не знают, на какие цели расходуются пожертвованные ими средства.

— Церковь — не банк, справедливо заметил ректор Ленинградской духовной академии, протоиерей Владимир Сорокин. Народные рубли должны идти по точным адресам.

— Лишить верующих права благотворить — значит не давать им возможности следовать основам христианского учения. Это в корне неправильно. Помощь больным, престарелым, сиротам, непосредственное содействие больницам и детским домам — во всем этом хотят и имеют право участвовать наши верующие сограждане. Замечу, что первый шаг уже сделан: баптисты и адвентисты седьмого дня на общественных, так сказать, началах помогают ухаживать за больными в двух московских клиниках. Верующие, я полагаю, как советские граждане имеют право создавать свои кооперативы, выпускать религиозную газету, в более широком масштабе издавать духовную литературу. В этом году в связи с 1000-летием крещения Руси Русская православная церковь выпускает шестое издание Библии: 100 тысяч экземпляров. В дар от западных церквей к нам поступает более миллиона экземпляров Библии, Нового Завета, молитвенников.

— Существует опасение, что после торжеств, посвященных 1000-летию крещения Руси, последует «закручивание гаек».

— Об этом не может быть и речи. Михаил Сергеевич Горбачев сказал на встрече с Патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Синода Русской православной церкви: «Мы в полной мере восстанавливаем сейчас ленинские принципы отношения к религии, церкви, верующим. Отношение к церкви, к верующим должно определяться интересами укрепления единства всех трудящихся, всего нашего народа».

И мы рассматриваем юбилейные мероприятия как заметную веху на пути совершенствования отношений церкви и государства. Совершенствования в духе ленинского декрета.

— Чтобы мы с полным правом могли заявить: совесть свободна!

— Именно так.

Любители футбола уже знают о том, что Олег Блохин «принял приглашение» австрийского клуба «Форвертс». Слова о решении нашего популярного форварда не случайно взяты в кавычки: ему тяжело далось это «окно» в Европу и далеко не все зависело только от желания спортсмена. История его перехода весьма поучительна и, пожалуй, выходит далеко за рамки частного случая.

ХРОНИКА ТРЕХ МЕСЯЦЕВ ИЗ ЖИЗНИ ФУТБОЛИСТА ОЛЕГА БЛОХИНА

Дэви АРКАДЬЕВ

ПРЕЦЕДЕНТ

Гласность так гласность. В последний день февраля Олег попросил меня, своего соавтора уже по двум книгам, отпечатать на машинке его письмо на имя министра внутренних дел СССР. Выполнив просьбу и невольно почувствовав неординарность этого документа, я попросил Блохина разрешения когда-нибудь письмо опубликовать. Олег, поразмыслив, взял со стола фломастер и на копии машинописного текста написал:

«Разрешаю опубликовать после 1 апреля 1988 г.».

Расписался и поставил дату: 29.02.88 г.

— Олег, почему только после первого апреля? Когда пройдет день смеха?

— Нет, мне не до веселья,— грустно ответил он.— Скорее всего когда исполнится ровно три месяца моих хождений по инстанциям...

О чем же писал лучший советский форвард всех времен и народов министру внутренних дел страны А. В. Власову? Вот полный текст этого письма:

«Уважаемый Александр Владимирович!

Знаю, как Вы заняты, и все же вынужден обратиться лично к Вам.

Вот уже почти двадцать лет моя профессиональная жизнь связана с советским спортом. И в дальнейшем я не вижу ее продолжения вне спорта, ибо твердо решил отдавать свои силы, знания и многолетний опыт игрока киевского «Динамо» и сборной СССР по футболу тренерской работе.

В настоящее время мне, как футболисту, предлагают на 4 месяца заключить контракт с клубом «Форвертс», г. Штайер (Австрия). По этому контракту Госкомспорту СССР будет выплачена значительная сумма в инвалюте. Мне же выступление в зарубежном клубе даст возможность на практике, словно бы изнутри, изучить профессиональный футбол, с которым мы, советские футболисты, постоянно соперничаем на международной арене. Некоторые советские футболисты уже играли и играют в настоящее время в профессиональных клубах Европы, что, на мой взгляд, способствует не только укреплению престижа советского спорта, но и значительно обогащает опыт наших потенциальных специалистов футбола.

Оформление моего контракта с австрийским клубом по неизвестным мне причинам затянулось. По сведениям, которые до меня доходят, я якобы уже дал согласие на контракт с венгерским клубом «Уйпешт Дожа» из Будапешта. Вынужден довести до Вашего сведения, что подобные слухи не имеют под собой ни реальной почвы, ни логического смысла. Ведь принципы организации футбола в Венгрии и его уровень не особенно отличаются от нашего отечественного и ничего общего не имеют с профессиональным футболом.

Прошу Вас разрешить мне заключить контракт для выступлений в течение четырех месяцев в составе клуба «Форвертс» (Австрия). В дальнейшем, по согласованию с Центральным советом «Динамо» и Госкомспортом СССР, исходя из наших общих задач, я готов рассмотреть любые другие предложения.

С уважением
Блохин О. В.»

Естественно, что после прочтения такого письма у читателей может возникнуть немало вопросов. Почему, например, футболист обращается прямо к министру МВД? Почему именно «Форвертс», а не какой-нибудь другой клуб? Что за слухи о переходе в «Уйпешт Дожа», которые Блохин опровергает перед самим министром? На все эти вопросы, надеюсь, вы получите исчерпывающие ответы. Но сначала небольшая предыстория. Рассказал мне ее Михаил Ошемков, которого в футбольной Европе знают не иначе как пресс-атташе киевского «Динамо»:

— В двадцатых числах декабря минувшего года динамовцы приняли участие в международном турнире по мини-футболу в австрийском городе Линце. Блохин сыграл впечатляюще и получил приз лучшего бомбардира. Австрийский клуб «Форвертс», с которым мы, сыграв в финале вничью, разделили первое место, изъявил желание пригласить Олега в свою команду.

— Что это за клуб? — спросил я Ошемкова.

— Профессиональный. Из небольшого австрийского города Штайер, в 140 километрах от Вены. Выступает во втором дивизионе, но как раз сейчас играет переходные матчи за путевку в первый. Я понял, что «Форвертс» всерьез борется за выход в свою высшую лигу и клубу нужен такой игрок, который, как говорится, и в футбол умеет играть да еще и своим именем привлечет на стадион зрителей.

— И что же вы ответили австрийцам?

— Как всегда в подобных случаях,— улыбнулся Ошемков.— Сказали, что это не в нашей компетенции: клуб такие вопросы не решает. А сам Блохин может сказать лишь в принципе, согласен он или нет...

«Как всегда в подобных случаях». В футбольной биографии Блохина их было немало — «подобных случаев». Начиная с 1975 года, когда он стал обладателем «Золотого мяча», Олега за солидные суммы пытались заполучить знаменитые профессиональные клубы Испании, Франции, ФРГ. К примеру, весной 1981 года прямо на три адреса — Блохину, домой, в клуб киевского «Динамо» и в Спорткомитет СССР — пришли официальные письма из французского города Сент-Этьенн. Руководство клуба предлагало кругленькую сумму в случае согласия Олега на контракт и обращало его внимание на то, что Сент-Этьенн — город в основном рабочий, среди его населения немало коммунистов и даже мэр города — тоже коммунист. Но то были другие времена, когда наши звезды вынуждены были огорчать своих «покупателей» из профессиональных клубов.

— ...В Линце Блохин сказал, что он согласен,— продолжал рассказывать Ошемков.— И мы посоветовали австрийцам обратиться в Госкомспорт СССР.

— Потом, как мне известно, телексы Госкомспорта стали принимать официальные запросы из Австрии...

— ...Да. И одновременно по телефону австрийцы сообщали нам их содержание. В самом начале переговоров делался акцент на укрепление дружбы, развитие дальнейших контактов и даже осуществление в нашей стране перестройки... Потом все чаще и чаще в телексах из Австрии стали повторяться одни и те же слова: «Не понимаем, почему молчите».

— Кто конкретно в этих переговорах представлял интересы «Форвертса»?

— Один человек — Роберт Тихи, владелец посреднической фирмы «Интпро», которая имеет два филиала — в Австрии и ФРГ. Это официальный агент УЕФА, имеющий лицензию на право заключения контрактов с иностранными игроками.

Телефонные звонки, письма не давали покоя и сотрудникам спортивных редакций различных газет, радио и телевидения. «Будет ли в этом сезоне играть Блохин?», «Где Олег Блохин? Чем занимается?» Вопросы, вопросы... Что-то надо было болельщикам отвечать (при нашей-то гласности!).

8 марта газета «Правда Украины» опубликовала, на мой взгляд, редкое по своему откровению интервью с Блохиным. Быть может, в этом материале интервьюер не совсем так, как мы привыкли за долгие годы «гладкописи», расставил акценты и чересчур подробно записал, так сказать, «финансовую» сторону перехода Олега в «профи». Футболист сообщил, к примеру, что венгерский клуб «Уйпешт Дожа», с представителями которого динамовец действительно беседовал, предложил ему зарплату 300 рублей, а его жене, заслуженному мастеру спорта, двукратной абсолютной чемпионке мира по художественной гимнастике Ирине Дерюгиной — работу... инструктора по аэробике. Австрийский же клуб, согласно предложенному контракту, готов был внести в кассу Госкомспорта СССР 60 тысяч долларов за четыре месяца выступлений Блохина.

Спортивный обозреватель «Правды Украины» А. Мельник в том интервью сказал Блохину, что венгерское телевидение и пресса сообщили о его переходе в венгерский клуб как о состоявшемся факте.

Были в том интервью слова Олега, которые, как потом оказалось, восстановили против него все динамовское начальство. Он рассказал, что на предложение «Форвертса» согласился Госкомспорт СССР, но «...неожиданно последовало возражение со стороны Центрального совета «Динамо». Дескать, о какой Австрии может идти речь, если вы — офицер, майор внутренних войск МВД».

Теперь, надеюсь, вы поняли, почему футболист — майор МВД Блохин обратился с письмом к «своему» министру? Во-первых, кто же, как не сам Блохин, мог развеять мифы о своем согласии играть в «Уйпешт Дожа»? Во-вторых, никто не решал вопроса о его переходе в австрийский клуб.

Олега не трудно понять. Мотаясь из одной инстанции в другую, совершая челночные поездки Киев — Москва — Киев, форвард просил, убеждал, доказывал и с каждым днем... терял веру в успех.

Интервью футболиста Блохина в «Правде Украины», в котором он назвал и свое воинское звание майора, его искреннее признание в том, что «...в конце концов можно и уйти из рядов МВД», конечно же, кое-кому резануло слух. «Тут такое поднялось! — говорил мне в те дни на киевском стадионе «Динамо» один из корифеев этого спортивного общества, известный тренер, грудь которого украшают и боевые награды участника Великой Отечественной войны.— Зачем Олегу в интервью надо было говорить, что он майор? Зачем засвечивать свои погоны?» «Потому, что это правда»,— ответил я. «Да, но об этом же нельзя писать! Его наше начальство не поймет. Здесь уже пошли такие разговоры, что Блохин швыряется погонами...» — шепотом сказал он.

8 марта было не до праздника.

...9 марта, накануне очередного похода Блохина к начальству, я спросил его:

— Олег, если там речь пойдет о вашем интервью, быть может, чтобы не обострять обстановку, признаете свои ошибки?

И тут же пожалел о своем плохо замаскированном совете «покаяться».

— Почему я постоянно должен оправдываться?! — взорвался Олег.— Это сделал не так, то не так... Перестройка, демократия, гласность! А чуть сказал правду, и сразу — на ковер! Нет, я не буду признавать свои ошибки, тем более что накануне читал гранки и подписал их. Согласен, быть может, интервью не совсем профессионально построено, но это уж от меня не зависит... А знаете,— уже более спокойным тоном продолжал Блохин,— если бы это интервью не напечатали, они вообще не зашевелились бы. Сидели и ждали. А так хоть вызывают...

Никаких существенных перемен в жизни Олега после того посещения руководства не произошло.

— Предлагают должность тренера и посылают на стажировку,— говорил он мне вечером 9 марта.

— И все?

— Да. Без решения вопроса об Австрии. Ни о каком контракте речь не шла. Стажировка только на месяц...

18 февраля 1988 года австрийская газета «Фолькsштимме» под заголовком «Блохина не отпускают» опубликовала информацию такого содержания: «Переход Олега Блохина в верхнеавстрийский клуб второй лиги «Форвертс», Штайер, очевидно, не состоится. Советская федерация футбола подтвердила в среду телетайпное сообщение австрийскому футбольному союзу со стороны агентства «Совинтерспорт» (о различных переходах из одной страны в другую), что разрешение ветерану-звезде из «Динамо» (Киев) в настоящее время невозможно».

А на следующий день, то есть 19 февраля, эта же газета австрийских коммунистов напечатала комментарии известного журналиста Курта Частки «К делу Блохина»: «Недавно в газете «Крона» можно было прочесть,— писал он,— что я в Калгари сказал об Олеге Блохине и его возможном переезде в Штайер. Это было совсем не так. Я просто в разговоре с австрийскими журналистами выразил свое мнение по этому поводу. Опубликованные на прошедшей неделе в разных газетах сообщения о том, что с советской футбольной федерацией все якобы отрегулировано и что Блохин может играть в Штайере, побудили меня во время моей последней поездки в Москву спросить у функционеров министерства спорта (имеется в виду Госкомспорт СССР.— **Д. А.**): что в этом деле правда?

При этом я получил ответ, что в министерстве спорта о переходе Блохина в Австрию ничего не известно. Кроме того, было указано, что киевский футболист является служащим милиции и, как таковой, он вообще не может играть в западных странах. Также и для его жены — экс-чемпионки мира по художественной гимнастике Ирины Дерюгиной — переезд в Австрию весьма проблематичен. Прежде всего потому, что она тренер украинской сборной по художественной гимнастике.

И, наконец, как сообщил мне компетентный функционер в московском министерстве спорта, не существует никаких контактов с футбольным менеджером из Австрии по этому делу. Поэтому министерство не может изложить свою точку зрения на это дело».

А Блохин с каждым днем своих бесплодных походов по инстанциям, откровенно говоря, терял веру.

— Какая перестройка, если не меняют свою психологию и методы те, от кого зависят конкретные решения?! — в сердцах сказал он после очередного бесплодного визита к начальству.— Нас просто обманули.

— Значит, кто-то очень мешает вашему переходу в «Форвертс». Как думаете, кто?

— Центральный совет «Динамо».

...10 марта, в 9.15 утра я позвонил председателю Центрального совета ВФСО «Динамо» В. Сысоеву. И решил задать вопрос прямо, что называется, в лоб:

— Что мешает сегодня вам, председателю Центрального совета, разрешить футболисту Блохину на 36-м году его жизни подписать контракт на четыре месяца с клубом «Форвертс»?

— Центральный совет никогда не был узурпатором и не стоял на позиции «пущать» или «не пущать». У нас с Олегом идет длительный диалог относительно не завтрашнего, а послезавтрашнего дня... Вторая лига, заштатный клуб, хоть он и австрийский, приглашает лучшего игрока Европы своего времени. Выдающегося советского футболиста! Что он приобретет в этой австрийской второй лиге?

— Потому что сегодня нет других предложений,— вставил я.— К тому же, согласитесь, 60 тысяч долларов за четыре месяца для Госкомспорта — это тоже, в общем, роль играет — комитет-то на хозрасчете.

Затем я высказал предположение, что четыре месяца пребывания Блохина в роли играющего тренера в профессиональном австрийском клубе, быть может, в определенной степени помогут Олегу преодолеть сложный для него период. Поделился с В. Сысоевым информацией о возможных сроках заключения контракта, рассказал о содержании последних телексов и суммах контракта, о не совсем лестных для нас публикациях в западной прессе по поводу затянувшегося перехода Блохина. Валерий Сергеевич признался, что он даже не знал многих деталей, поблагодарил за то, что я его «дополнительно вооружил».

Однако я несколько поторопился: манит весна! Увлекает. Не дают покоя твердые позиции АПРЕЛЯ 1985-го. Думаешь о нем и спешишь сделать все от тебя зависящее, чтобы ТА ВЕСНА, три года назад так бурно ворвавшаяся в мою страну, никогда не закончилась. Но вернемся, читатель, снова в середину марта. Это были, пожалуй, самые драматичные, полные надежд и разочарований многотрудные дни из жизни заслуженных мастеров спорта — Ирины Дерюгиной и Олега Блохина. Кстати, сразу же надо сказать, что родной Блохину киевский динамовский клуб и его тренер с полным пониманием отнеслись к желанию своего ветерана.

...14 марта, вечером, мы втроем сидели в уютной гостиной их новой квартиры в доме на Крещатике и обсуждали сложившуюся ситуацию. Через пару часов Ирина уезжала в Москву. Она, тренер сборной Украины и страны по художественной гимнастике, ехала в столицу по делам своей работы. Но не теряла надежды попасть на прием к председателю Госкомспорта СССР и по вопросу выезда Блохина в Австрию.

— Это было в восьмидесятом году, когда мы только поженились,— рассказывала мне тогда Ирина.— По телевизору показывали выступление нашей сборной в Аргентине. Олега тогда не включили в команду. Он сидит перед телевизором ни жив ни мертв. Смотрит на экран, а у самого руки трясутся, лицо белое, всего колотит. Он вообще-то не курит, а тут вдруг закурил. И — слезы. Это надо было видеть! Такой сильный мужчина — и слезы. Я во время этой телепередачи многое поняла и даже стала вести себя иначе по отношению к нему. Я поняла, что футбол для него — это все! Он без футбола не сможет. Даже когда закончит сам играть, Олег должен оставаться в футболе...

А на следующее утро я услышал в трубке взволнованный голос Олега:

— Интересная статейка напечатана в «Советском спорте»...

Что же так взволновало Блохина в то мартовское утро?

Саму информацию предваряли два коротеньких письма читателей из Ростова-на-Дону и Ярославля. Один из них спрашивал: правда ли, что Блохин переходит в австрийский клуб «Форвертс»? Второй слышал, что Олег собирается играть в каком-то зарубежном клубе, но «ему не разрешают туда переходить». Было сообщено, что подобных писем в редакционной почте немало, и дальше следовала фраза:

«Ответить на вопросы читателей мы попросили заместителя председателя Украинского республиканского совета общества «Динамо» В. Дорохова».

Многомиллионной аудитории читателей газеты сообщалось:

«Сам он загорелся было перейти в «Форвертс», о чем даже заявил в республиканской печати».

Но раз уж «загорелся было», значит, теперь, когда печатается эта информация, уже «остыл» и вопрос о его переходе в Австрию теперь в прошлом. «Советский спорт» напомнил читателям о том, «...что многие игроки динамовских команд состоят на воинской службе. В их числе и офицер Блохин».

Еще в той публикации, вероятнее всего, самому Олегу, нежели читателям, подсказали:

«Поэтому, прежде чем заводить разговор о переходе в зарубежную команду, надо сначала решить вопрос о дальнейшем прохождении им воинской службы в установленном порядке».

Как все эти годы «служил» (несмотря на «установленный порядок»!) Блохин, по его собственному признанию, так ни разу и не надевавший воинской формы, думается, известно не только нам с вами, но и всему футбольному миру. Правда, в том не вина, а беда Олега (и всех его коллег по футбольному делу!), что до 1987 года не было у нас в стране футболистов. Официально, по статусу! Разве что кроме команды «Днепр», да и там условно, на период эксперимента.

— ...Надо писать опровержение,— звучал в трубке голос Олега, рассерженного газетной публикацией.

— Пишите,— сказал я ему.— В ту же газету «Советский спорт». Это будет этично и в духе времени.

И сообщил Олегу номер телефона одного из собственных корреспондентов этой газеты по Киеву Г. Борисова. Блохин такое опровержение написал, а журналист утром, 17 марта, продиктовал его в свою редакцию. Но, увы, к вечеру того же дня сообщил Блохину, что газета его опровержения публиковать не будет.

Но все же... Сильнее и сильнее чувствуется АПРЕЛЬ 1985-го в многообразной, кипучей жизни страны. Учимся подлинной демократии и гласности. Хотя и с трудом, но пядь за пядью преодолеваем все-таки инерцию мышления. 19 марта письмо в редакцию, которое накануне было отвергнуто газетой «Советский спорт», напечатала «Комсомольская правда». Не сомневаюсь, что многие из вас, читатели, помнят опубликованное «Комсомолкой» письмо Блохина. И все же, думаю, нелишне привести его дословно:

«Я был немало озадачен, прочитав в газете «Советский спорт» за 16 марта под рубрикой «По слухам и по существу» интервью с заместителем председателя Украинского республиканского совета общества «Динамо» В. Дороховым «Пути-дороги Олега Блохина».

Что меня смутило? Это правда, что я не считал и не считаю зазорным подписать контракт на четыре месяца с австрийским клубом «Форвертс». Но уточню, что приглашают меня туда не просто... «играть за второразрядный зарубежный клуб», как это сказано в интервью, а на роль играющего тренера. Это ведь совсем другое дело.

Мне тридцать шестой год. Впереди годы тренерской работы, и подобная стажировка в профессиональном клубе, который сейчас действительно выступает во втором эшелоне австрийского футбола, но борется за выход в первый, была бы, на мой взгляд, полезной во всех отношениях не только мне лично, но и нашему футболу в целом. Что же до престижности, о которой идет речь в заметке, то работа играющего тренера в «Форвертсе», как мне кажется, была бы не менее престижной, чем, скажем, тренерская работа с дублерами моего родного клуба, которую мне якобы уже предложили. Я говорю «якобы», потому что вот уже почти полтора месяца в различных инстанциях со мной ведутся разговоры вокруг да около. Ничего конкретного. А вопрос о контракте с австрийским клубом в Госкомспорте СССР еще и сегодня стоит на повестке дня, о чем, к слову, упомянул в своем интервью, опубликованном в «Комсомольской правде» 17 марта, ответственный секретарь Федерации футбола страны А. Парамонов».

...А днем раньше этой публикации Олег вместе с Ириной были в Москве приняты В. Сысоевым. И на этот раз услышал майор Блохин от полковника В. Сысоева довольно печальный для себя вывод. Что, если он, дескать, выйдет на поле играть в составе австрийского клуба, так и не «сняв погоны», то это будет не больше не меньше, как эксплуатация капиталистами труда советского офицера... Разве мог подобное допустить спортивный руководитель динамовского общества?! Да и сам Блохин, поняв всю серьезность (или абсурдность?) такой ситуации, конечно же, не мог дать подобный шанс капиталистам. Олег принял твердое решение подать рапорт и уволиться в запас (или, на языке военных, «разаттестоваться»).

Вот только после этого из Госкомспорта СССР пошел в Австрию телекс, и представитель посреднической фирмы «Интпро» был приглашен в Москву для заключения контракта о переходе Блохина в «Форвертс». Казалось бы, уж теперь-то Олег может легко вздохнуть и постараться поскорее забыть свои прямо-таки хождения по мукам? Но впереди форварда ждали новые волнения и нервотрепка...

21 марта в очередной раз Блохин уезжал в Москву.

— Надеюсь, на этот раз вы уже едете с верой и надеждой? — спросил я Олега перед самым его выездом на вокзал.

— Ой,— услышал я в трубке тяжелый вздох Блохина.— Сегодня пришел в свои войска, подал рапорт на разаттестацию, а там мне вдруг говорят: «Пока не будет распоряжения Центрального совета «Динамо», ничего не сможем сделать». Представляете?!

— Но ведь для заключения кон-

тракта уже пригласили в Москву австрийцев?!

— Верно. В Киев из Госкомспорта СССР сегодня даже телекс пришел: «Подготовить документы о возможном переходе Блохина в Австрию».

— Что же вам в Москве делать завтра?

— Дел много, но главное — это взять бумагу, что Центральный совет не возражает против моей разаттестации, и привезти ее сюда, в Киев...

— Олег, вы так сами скоро станете бюрократом.

— Уже стал,— рассмеялся он.— Представляете, сегодня прихожу к Дорохову, прошу бумагу для Центрального совета о том, что украинское «Динамо» не возражает против моей разаттестации. А он мне в ответ: «Я позвоню». «Нет,— говорю,— пишите!» Надоел мне этот испорченный телефон... Сегодня в свою папку уже собрал всяких справок, характеристик, писем разных штук двадцать. Не меньше! Мне все время не хватает какой-то бумажки...

Бог ты мой, где и в какое время живем?! Олег Блохин, который должен играть в футбол, радовать нас (и себя!) своим великолепным мастерством, в поте лица мечется по Киеву, трясется в поездах, колесит на такси по Москве, набивая свою и без того разбухшую папку все новыми и новыми документами. Простят ли нам подобное наши дети, внуки? Неужели им тоже суждено усвоить эту унизительную для человека истину, гласящую, что без бумажки он букашка?!

Можете себе, к примеру, представить Мишеля Платини, бегающего по Парижу в сборе различных справок для перехода в итальянский клуб? А Беккенбауэра, Круиффа, Марадону — за тем же занятием? Можете. Но только если вам об этом расскажет наша пресса... первого апреля.

23 марта. Суматошные проводы в квартире Блохина. Он со своими двумя Иринами — женой и пятилетней дочкой — снова собирается в Москву. На этот раз, чтобы 25-го оттуда уже улететь в Австрию. Телефон не умолкает. И чаще других в этот день звонил В. Дорохов. Думаете, зампред украинского «Динамо» тепло напутствовал? Ошибаетесь. Уговаривал: «...ни в какую Москву не ехать». Оказывается, как сообщили Блохину в Киеве, сразу же после его очередного отъезда из Москвы, Центральный совет «Динамо», как говорится, Олегу «в спину» (на этот раз уже категорически!) возражал против его перехода в австрийский клуб.

Во второй половине дня заехал к В. Лобановскому проститься. Сложные у них были отношения все эти годы совместного труда. Впрочем, было бы странным их безоблачное сотрудничество: оба — яркие личности. И каждый со своим характером. Но в минуты такого расставания, как правило, вспоминается только хорошее. А его, начиная с 1974 года, было не так уж и мало: семь золотых чемпионских медалей, пять побед в Кубке СССР, дважды в Кубке кубков, Суперкубок...

— Как вас напутствовал Лобановский? — спросил я Олега, когда он вернулся от тренера.

— Поцеловал. Сказал: «Смотри, держи марку!» Он очень поддержал меня.

...Развязка этой бюрократической истории — во всех ее, бюрократизма, проявлениях в большом спорте! — наступила 25 марта в 19.45, когда Блохину в Госкомспорте СССР вручили все необходимые документы по его командировке в Австрию, с профессиональным клубом которой был наконец-то подписан контракт.

Поздно вечером, накануне отлета Блохина, когда он позвонил, чтобы попрощаться, в его голосе я не почувствовал особого энтузиазма.

— С каким настроением улетаю? — повторил он вопрос.— Честно говоря, уже и ехать не хочется и даже играть в футбол... Здорово потрепали нервы за это время. А может быть, так и должно быть? Когда долго чего-то добиваешься, наступает какое-то опустошение...

— Счастливого пути, Олег, и все мячи — в чужие ворота!

— Спасибо. Вспоминайте меня...

С грустью подумал: неужели отечественный футбол эпохи Блохина — это уже история? И почему же столь печальным получается ее финал? Впрочем, догадываюсь почему. Яркая личность, будь то в спорте, искусстве, литературе или науке,— это талант. А значит, и почти всегда,— характер, который не терпит бездумного исполнительства и подавления инициативы, восстает против авторитарных методов. Но ведь мы же настоятельно призываем со страниц «Правды» «...вернуться к ленинским принципам, сутью которых являются демократия, социальная справедливость... уважение к чести, жизни и достоинству личности».

Но пока что у нас слишком часто убогость руководит профессионализмом, командует талантом, пытаясь подмять его под себя.

...Личность, какими бы изощренными методами ни пытались подмять ее под себя, всегда остается личностью. Вот и в этой истории не надломила Блохина почти трехмесячная его борьба с бюрократизмом в различных формах его проявления. И продолжает он делать свое дело на высоком профессиональном уровне. 27 марта (уже на следующий день после прилета в Австрию!) вышел на поле в футболке «Форвертса». Зрители, до отказа заполнившие трибуны местного стадиона, стоя, аплодисментами встретили появление советского футболиста на поле.

Австрийская пресса, радио, телевидение сделали свое дело, и уже на следующий матч футбольного клуба из Штайера, как свидетельствуют журналисты, «вся Австрия» пыталась попасть на стадион, чтобы увидеть игру «советской звезды футбола». «Форвертс» с «сухим» счетом красиво обыграл своих соперников, и один из трех мячей забил Олег Блохин, открыв счет своим голам в профессиональном футболе.

На этом можно было бы поставить точку, но, думаю, рано это делать. Прецедент перехода Блохина в «профи» стоит того, чтобы его всесторонне осмыслить. В этой печальной истории, как в капле, отразилось все несовершенство системы... Системы нашего «любительского» футбола. А он, как известно,— явление и социальное. Не мог сегодня общее движение в стране, перемены и обновления обойти футбол. Он ведь, как и всякое серьезное дело, требует компетентности, последовательности и преемственности. Административные судороги — на всех уровнях — претят футболу.

Помните, сколько человек со стороны Австрии участвовало в «деле» Блохина? Один! А с нашей? Учитывая все уровни, на которых этот вопрос «проговаривался» — обсуждался, взвешивался, согласовывался, наконец, решался, на одного Блохина — наверняка бы набралось... несколько футбольных команд. Но что нам-то мешает уже сегодня открыть у себя в стране фирму, по образу и подобию похожую на «Интпро», и иметь своего агента УЕФА? Не пришлось бы тогда «вопросами» Блохина заниматься министру МВД СССР или секретарю ЦК КП Украины, председателям госкомспортов страны и республики, их заместителям, руководителям общества «Динамо» и многим другим «официальным лицам», вольно или невольно оказавшимся причастными к этой истории, но, откровенно говоря, никакого отношения к футбольному делу не имеющим и главное (если по большому счету!) — в футболе некомпетентным...

Меня, например, вплотную столкнувшегося с этой историей, интересовало мнение только двоих — самого Блохина и главного тренера киевского «Динамо» и сборной страны В. Лобановского. Суждения Олега вам уже известны. В середине марта я беседовал на эту тему и с В. В. Лобановским.

— Сейчас всех волнует судьба Олега Блохина, и многие руководители пытаются показать, что они тоже обеспокоены этим,— сказал Валерий Васильевич.— Зачем? Почему надо вдруг говорить о его трудоустройстве? Сейчас он на ставке в команде «Динамо» Киева, тренируется. Будет в хорошей форме — сможет играть. Нет — перейдет на тренерскую работу. Но ведь не об этом надо вести речь,— спокойно продолжал Лобановский.— Вопрос должен стоять иначе: почему Блохин, который может поехать за рубеж в общем-то пропагандировать советский футбол, получить там какие-то теоретические и практические знания, почему он до сих пор не выехал? Говорят: «Не престижно, дескать, вторая лига». Ну и что? Вот вам пример: знаменитый польский футболист Анджей Шармах не так давно стал играть во второй французской лиге и одновременно защищал честь сборной Польши! Убежден, что чем больше советских футболистов будет играть в зарубежных клубах, куда их можно отпускать в 28—29-летнем возрасте, тем выше будет престиж нашего футбола в мире.

Не понимают этого, видимо, те, кто, за многие годы так и не научившись управлять нашим футболом, все-таки им... правят. Ведь не выехал в свое время за рубеж москвич Ю. Гаврилов, хотя некоторые наши газеты уже сообщали в то время о его переходе в профессиональный клуб как о свершившемся факте. А потом сам Гаврилов, путая причину и следствие, рассказывал, что все дело ему «напортили»... журналисты: поторопились факт его перехода обнародовать, а кто-то «наверху» прочел и «перекрыл кислород»... Рассказывают, что чуть ли не два года шло «оформление перехода в профессионалы» С. Шавло, который сейчас выступает в высшей лиге австрийского футбола. Не потому ли на эту тему опасаются говорить с журналистами киевлянин Леонид Буряк и москвич Вагиз Хидиятулин, тоже получившие приглашения в зарубежные клубы? Ясно, чего опасаются: гласности, которая им может лишь повредить. Одним словом, в подобных вопросах мы пока больше теряем, чем приобретаем. И в репутации, и в валюте...

Что же нам делать, чтобы не было подобных прецедентов? Главное — не изобретать велосипед, когда он уже изобретен в десятках стран мира, в которых успешно культивируют профессиональный футбол. Об этом давно и настойчиво ратуют и у нас в стране. В одной из своих статей Лев Иванович Филатов откровенно констатировал:

«...все, что я видел, работая в футболе, на что натыкался, обо что спотыкался, из-за чего пожимал плечами, над чем горько смеялся, вынуждает прийти к выводу, что футболу требуется самостоятельное руководство».

Такой Л. И. Филатов делает вывод. А каков его довод?

«Нашим футболом в Госкомспорте руководят по совместительству, одновременно с другими разделами,— пишет Филатов.— Совместителям необязательно вникать в глубины предмета, тем более что он взрывоопасен и на нем можно сломать если не голову, то карьеру. Им удобнее сосредоточиться на чем-либо ином, приносящем прочные дивиденды. В то же время в управлении футбола есть люди, которые знают немало, но им не дано решать: субординация!»

Написано это несколько лет назад. Что с тех пор изменилось? Название указанного Л. Филатовым управления. Теперь оно стало «управлением футбола — хоккея». Что еще? Л. Филатова, интересно и остро выступающего, к примеру в «Огоньке», о «лжефутболе», вывели из членов редколлегии еженедельника «Футбол — хоккей» — редколлегии, которую он, как главный редактор, много лет возглавлял. Пусть, дескать, другие задумаются, стоит ли впредь сердить начальство.

Вспоминаю, как еще в 60-х годах один из корифеев отечественного футбола, В. А. Маслов, возглавлявший в ту пору киевское «Динамо», выезжая не раз за рубеж, своими глазами увидел и понял принципы организации футбольных клубов.

— Там есть что перенять,— рассказывал Виктор Александрович.— Все четко, до копеечки подсчитано. Трудятся, конечно, как черти. Но все в радость. Себе и людям. А думаете, мы у себя не могли бы организовать такие же клубы? Еще как могли бы!

Потом В. А. Маслов вдруг замолчал. Задумался о чем-то, глаза погрустнели. И «дед», как любовно называли Маслова в футбольных кругах, сделав досадливый жест рукой, с тяжелым вздохом сказал:

— Ох-хо-хо... Мечты, мечты. Нет, с нашими крючкотворами, инструкциями, циркулярами каши не сваришь. Так и будем всю жизнь кого-то догонять...

Как в воду смотрел!

В июне прошлого года на прямой вопрос корреспондента «Правды» («Готово ли, на ваш взгляд, киевское «Динамо» к переходу на хозрасчетную деятельность?») В. Лобановский ответил:

— Мы готовы настолько, что даже разместили заказы на некоторые виды продукции хозяйственной деятельности клуба. Создан его устав, разработан статус тренера и игрока, сверстаны планы работы, сделан расчет доходов и расходов, подобраны кандидатуры служащих. Не хватает лишь одного — разрешения приступить к работе по-новому...

Правда, 12 и 13 марта многие наши газеты опубликовали информацию ТАСС, которая начиналась со слов:

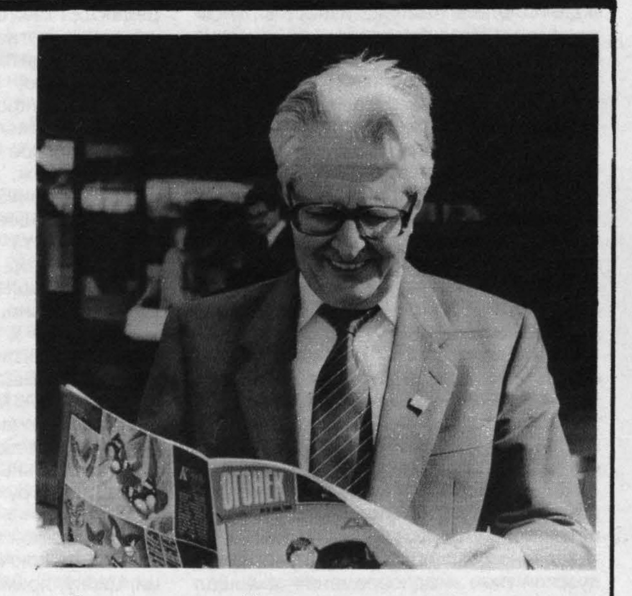
«На очередную командную игру чемпионата страны команда киевского «Динамо», возможно, выйдет уже в ранге футбольного клуба».

И сообщались «дополнительные меры», принятые Центральным советом «Динамо» «...по укреплению основных направлений в работе республиканского совета», сообщалось о создании в виде эксперимента футбольного клуба киевского «Динамо». Но, как вскоре выяснилось, кто-то что-то где-то напутал. И, комментируя в местной прессе сообщение ТАСС о создании в киевском «Динамо» хозрасчетного клуба, В. Лобановский сказал: «А вы знаете, что мы тоже узнали об этом только из газет? Сообщение есть, а решения — нет».

...Похоже, что в период перестройки Блохину, Лобановскому и многим другим представителям футбольного дела стало легче только лишь... говорить. А работать все так же трудно и сложно, как и их коллегам-предшественникам — двадцать, тридцать... пятьдесят лет тому назад.

Киев — Москва
февраль — апрель, 1988

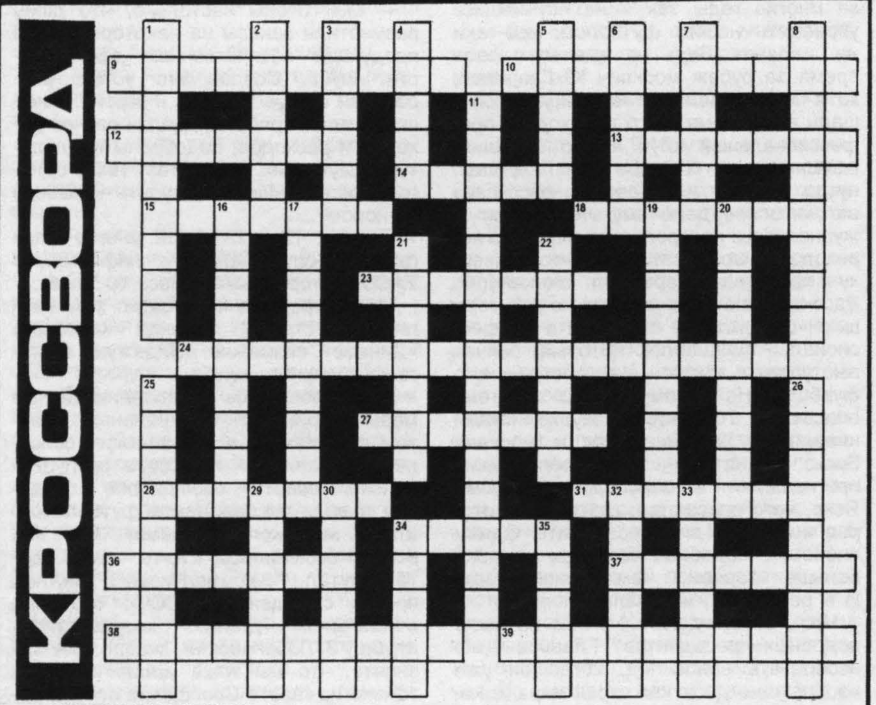
●

12 мая редакцию журнала «Огонек» посетил Председатель социал-демократической партии Германии Ганс-Йохен Фогель. Видный политический деятель интересовался тем, как работает журнал, каковы планы редакции. Но, пожалуй, главной темой беседы стал вопрос о том, как «Огонек» освещает проблемы перестройки, к которым по словам Г.-Й. Фогеля, в его партии и вообще в ФРГ проявляют огромное внимание.

Фото Г. КОПОСОВА

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 9. Размещение предметов в музее, на выставке в определенной системе. 10. Советский легкоатлет, чемпион Олимпийских игр 1960 года. 12. Величина, характеризующая способность поверхности отражать поток электромагнитного излучения или частиц. 13. Поселок совхоза, колхоза. 14. Советский мастер художественного слова. 15. Композитор, автор оперы «Виндзорские проказницы». 18. Химический элемент, металл. 23. Зодиакальное созвездие. 24. Независимость. 27. Язык программирования. 28. Малая флейта. 31. Немецкий поэт-трибун, автор антифашистской лирики. 34. Маслянистая жидкость, применяемая в производстве красителей, взрывчатых веществ. 36. Отступление от главной темы для освещения побочного вопроса. 37. Река в Восточной Сибири. 38. Система специальных физических упражнений. 39. Народовластие.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Ученица. 2. Административный центр провинции в Испании. 3. Горный массив в Болгарии. 4. Конечный пункт дистанции в соревновании на скорость. 5. Картина Н. К. Рериха. 6. Слой олова, покрывающий поверхность металлических изделий для предохранения от ржавчины. 7. Приток Енисея. 8. Сельский механизатор. 11. Специалист по производству машин для обработки металла, дерева. 16. Заросли растений с древовидными ветвями. 17. Озеро на западе Карелии. 19. Автор слов народной песни «Утес Стеньки Разина». 20. Знак препинания. 21. Основание горы, холма. 22. Французский композитор, дирижер XIX века. 25. Государственный орган, осуществляющий контроль. 26. Руководитель, воспитатель. 29. Город в Литве. 30. Государство на юге Африки. 32. Действующее лицо в пьесе А. П. Чехова «Дядя Ваня». 33. Татарский ученый-просветитель. 34. Минерал, поделочный камень. 35. Научно-просветительное учреждение, собирающее и хранящее произведения искусства, научные коллекции.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Медиум. 7. Стасов. 8. Небоскреб. 10. Семейство. 11. Изюбрь. 12. «Восход». 14. Анфиса. 15. Гуманность. 16. Информация. 18. Фабула. 20. Крупов. 23. Андиев. 24. Перигелий. 25. Амариллис. 26. Фасоль. 27. Анкона.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Бекетов. 2. Жиробус. 3. «Барсуки». 4. «Воевода». 6. Миколог. 7. Степень. 9. «Безработный». 10. Сурдокамера. 13. Дубна. 14. Аттик. 16. Ильмень. 17. Ярмарка. 18. Федерат. 19. Борисов. 21. Прилуки. 22. Вариант.

Владимир ДВОРЦОВ, Анатолий БОЧИНИН (фото)

Завершился хоккейный сезон — рекордный по продолжительности. Были у поклонников игры радости? Безусловно. Случались огорчения? К сожалению, и это имело место.

ДА, БЫЛ

Ставшая, мягко говоря, более строгой, статистика принесла нам нерадостное сообщение: за последние четыре года число занимающихся хоккеем в СССР сократилось более чем на триста тысяч. Ныне в Канаде, Швеции, Финляндии в процентном отношении число увлекающихся хоккеем больше нежели у нас. А еще значительнее убавилось в стране количество болельщиков — на трибунах и у телевизоров. Мало кому охота смотреть матчи первенства, где победитель известен заранее, поскольку с клубами соревнуется сборная, именуемая ЦСКА. Неудивительно, что ныне набор ребятишек в хоккейные школы стал проблемой. Критического состояния достигли многие ледовые арены, построенные четверть века назад.

Все это не могло не сказаться на уровне достижений советских хоккеистов, еще недавно абсолютных лидеров в мире. Проиграли юношеский чемпионат Европы и молодежный чемпионат мира, хотя последний проходил в Москве. Первая сборная СССР осенью не смогла одолеть хозяев в состязании на Кубок Канады, в декабре в Москве уступила опять-таки канадцам победу на турнире «Известий», но в феврале победила на олимпийском турнире в Калгари.

На мой взгляд, главным плюсом минувшего сезона были боевой второй этап 49-го чемпионата СССР и его поистине блестящий финал.

В итоге двенадцатую подряд победу одержали столичные армейцы. Вроде бы концовка традиционная, а на самом деле все иное.

Неожиданности, столь приятные не избалованным таковыми за последние годы хоккейным болельщикам, начались сразу — на старте второго этапа — рижане победили ЦСКА. И поехало. ЦСКА и столичному «Динамо» не хотели уступать «Крылья Советов» и «Спартак», заметно прибавившие за три месяца зимнего «перерыва» (беспрецедентный случай, который, хочется надеяться, никогда больше не повторится) рижское «Динамо», «Сокол», «Трактор». Лишь на финише второго этапа определилась четверка финалистов — ЦСКА, московское и рижское «Динамо» и «Крылья Советов».

В полуфинале, где встречались вторая и третья команды, «младшие» сумели одолеть «старших» — рижане вышли в финал. Впервые в истории они завоевали медали чемпионата СССР, и сразу серебряные, что ранее за все годы из нестоличных клубов удавалось лишь один раз в 1961 году торпедовцам Горького.

Столичным динамовцам пришлось нелегко: из-за травм и болезней выбыли ведущие форварды. К тому же «постоянные» серебряные призеры явно не ожидали такого яростного соперничества со стороны рижан, на которое натолкнулись с первого же матча. Пришли в себя москвичи лишь в противоборстве за третье место с «Крыльями Советов».

Может быть, в будущем матчи за третье место не проводить, вручать бронзовые медали, как, например, в боксе, двум участникам чемпионата?

Еще более захватывающими, чем противоборство динамовских команд, стало соперничество «Крыльев Советов» с ЦСКА. Все три полуфинальных матча этих команд в основное время завершились вничью — 2:2, 4:4 и 4:4. Не выявили победителя и дополнительные пятиминутки «до гола». Лишь в штрафных бросках армейцы превзошли соперников.

Финал тоже «песни» не испортил. Рижане, добыв «серебро», не сразу справились с радостью, но, придя в норму, второй матч выиграли, уступив в третьем и четвертом.

В общем, олимпийская победа, второй этап и финальная часть чемпионата страны стали радостными событиями минувшего сезона. Были в финале организационные «накладки» и даже необоснованный протест, моментами арбитры выпускали хоккеистов из-под контроля.

Поражения в сезоне, как отмечалось, были, но не они главные огорчения, поскольку это только следствие других неурядиц в нашем хоккейном хозяйстве. В Госкомспорте СССР до сих пор не уяснили, что чемпионат Союза — столь же важный турнир, как и первенство мира. И надо заботиться не только о завоевании сборной золотых наград, но и о том, чтобы всесоюзное первенство проходило интересно.

Необходимо покончить со стаскиванием лучших хоккеистов в ЦСКА и отчасти в московское «Динамо». Дать отсрочку от службы в армии Госкомспорт СССР не вправе, но запретить «скопления» в его силах. Давно пора решить, как это принято во многих соцстранах, что после двух лет пребывания в армейских и динамовских командах игроки возвращаются в воспитавшие их клубы. Если же они желают остаться в армии, то должны служить, а играть теряют право. При таких условиях немногие захотят «подписываться» в офицеры.

Дабы не создавать привилегии кому-то из участников всесоюзного первенства, нельзя в игровых видах спорта назначать наставника одного из клубов одновременно и главным тренером сборной СССР. Совместительство дает большие преимущества при приглашении игроков в клуб, в делах тренерского совета, во влиянии на судейский корпус и т. д. От главного тренера сборной (и это не секрет) зависит назначение других наставников в национальную, олимпийскую и прочие сборные страны. Вот и превратился тренерский совет, как точно подметил заслуженный тренер СССР Н. Эпштейн, в «совет глухонемых». Тренерам клубных команд опасно «высовываться», считает заслуженный мастер спорта К. Локтев, поэтому полемизируют они лишь в кулуарах.

Наставника главной ледовой дружины страны опасно, как показывает практика, огорчать выигрышем у его клубной команды. Киевляне на финише второго этапа победили армейцев. Да еще имели строптивость настаивать на возвращении из ЦСКА в «Сокол» их воспитанника Чибирева. Санкции последовали незамедлительно.

Наставники сборной — они же и тренеры клубов — нередко включают в национальную команду своих подопечных, отнюдь не сильнейших игроков, а «чужие» таланты остаются за бортом.

— Тренерам указано,— точно подметил в «Социалистической индустрии» К. Локтев,— играть в манере ЦСКА, копировать «лучшие образцы». Они смирились и проигрывали. Когда же нынешней весной прогрессивная формула чемпионата заставила их искать свои пути в тактике, применительно к подбору игроков в их клубах, это сразу дало результаты, прояснило всем, что у нас, кроме наставника ЦСКА, есть другие отличные специалисты. При сочетании многолетней работы в клубе и сборной на тренера падает чрезмерная нервная нагрузка. Не случайно в других странах с ним заключается контракт не более чем на четыре года. Нынешний наставник сборной СССР по хоккею и он же несколько лет назад — разные люди!

В. Тихонов, явно не выдерживая нервных перегрузок, в последнее время стал нетерпим к критике. Даже таким известным тренерам, как А. Тарасов, Н. Эпштейн, Н. Карпов, Ю. Морозов, недавно скончавшийся А. Прилепский, он отказывает, судя по его выступлению в «Советском спорте», в праве высказаться по вопросам хоккея. Совсем плохого мнения главный тренер сборной и ЦСКА о журналистах с их «дилетантскими суждениями».

Еще шли захватывающие заключительные матчи чемпионата страны, когда стало известно, что нынешняя система не по нраву руководителю сборной и ЦСКА. И хотя, судя по прессе, телепередачам, финальная часть общественности понравилась, главный тренер рижского «Динамо» В. Юрзинов охарактеризовал ее так: «Она дает рост командам и игрокам», но нет уверенности, что ее сохранят...

И МАТЧИ БОЕВЫЕ!

Детство известного мастера-керамиста Валентины Булыгиной прошло в Челябинске. После восьмилетки она поступила в Абрамцевское художественно - промышленное училище. Встреча с мастерами современного европейского искусства в музеях и галереях Москвы, изучение традиций русских народных мастеров привело к рождению своего, оригинального стиля, в котором явственно проступают элементы русского лубка и иконописи.

В монументальных росписях В. Булыгиной детского сада в г. Хотьково перед нами неповторимый волшебный мир детства. Дети-режиссеры и дети-художники, дети-актеры и дети-музыканты. Сказочные птицы и ожившие игрушки, участники детских забав...

Широк диапазон творческих интересов Валентины Булыгиной. Дерево и керамика, настенные росписи и глина, изразцы и мелкая пластика. Все работы — будь это цикл, посвященный Победе, или просто зарисовки провинциального подмосковного быта — говорят о верности художницы лучшим традициям русских мастеров.

Сергей БЫЧКОВ

Фото Николая СОЛОВЬЕВА

ОГОНЁК

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663